

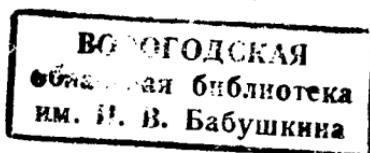
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени
государственный педагогический институт имени А. И. Герцена

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

1080693

Ленинград
1987

+ кр

Печатается по решению кафедр английского и немецкого языка НГПИ и РИСа ЛГПИ им. А. И. Герцена.

C - 87

Межвузовский сборник научных трудов посвящен актуальным вопросам теории и методов исследования фонетической, лексической, морфологической семантики, возникающим в проблематике семантической структуры образных средств поэзии и прозы, строя предложения и коммуникативных функций предложения. В статьях сборника исследуются особенности функционирования лингвистических явлений в условиях микро- и макроконтекста, а также функционирование стилистически маркированных элементов художественных структур. Сборник предназначен для широкого круга филологов — преподавателей вузов, студентов и учителей школ.

Редакционная коллегия: докт. филолог. наук, проф. И. В. Арнольд (ответственный редактор); канд. филолог. наук, доц. Г. М. Иванова; канд. филолог. наук Е. Б. Ярцева.

Рецензенты: докт. филолог. наук, проф. Л. В. Шишкова (ЛГПИ им. А. И. Герцена); канд. филолог. наук, доц. Н. И. Токко (Карельский пединститут, Петрозаводск); канд. филолог. наук, доц. Ф. Д. Лившиц (Новгородский пединститут).

© Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (ЛГПИ им. А. И. Герцена), 1987 год.

И. В. АРНОЛЬД

ФУНКЦИИ КОННОТАТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Проблема коннотаций далеко не нова. Интерес к ней не ослабевает, а скорее, возрастает. По этой проблеме существует большая литература. Разные авторы предлагали различные точки зрения на сущность коннотаций, их место в лексическом значении слова, их таксономию, соотношение с денотативным значением, импликационалом, ассоциативным фондом слов и их функционирование в художественном тексте (см. работы Э. С. Азнауровой, В. И. Говердовского, И. А. Стернина, В. И. Шаховского и многих других /1/). Цель настоящей статьи — не критический обзор, а изложение собственной концепции автора статьи, как она вырисовывается сейчас в свете современных идей коммуникативной и прагматической лингвистики и применительно к нуждам поэтики, где, как известно, содружество лингвистики и литературоведения получает все большее развитие и признание.

Рассматривая коннотации с точки зрения коммуникативной лингвистики, важно представить себе, что каждое сообщение содержит информацию двух видов — предметно-логическую, которую мы также называем информацией первого рода, отражающую внелингвистическую действительность, о которой идет речь, и прагматическую информацию, т. е. информацию второго рода — комментарий к первой, передающую отношение к предмету речи, к собеседнику, к общей социальной характеристике ситуации общения и ролевой структуре диалога. Комментарии могут передаваться единицами разных уровней и даже большими и относительно автономными отрезками речи, но могут воплощаться и в коннотациях слов.

Коннотация является компонентом лексического значения слова, т. е. по статусу ее удобно приравнять к семе. Она может быть как узуальной, так и окказиональной и выражает отношение к предмету, обозначенному денотативным значением.

Под денотативным значением понимается закрепленная в языке форма существования понятия, в том числе и понятия отношения или эмоции, а также указание на предмет реальной действительности, т. е. номинативное или референтное значение. В разных теориях понятие или представление о предмете называ-

ется также сигнификатом, интенсионалом и другими терминами.

Полисемантическое слово имеет несколько значений — разбивается на несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ), т. е. имеет сложную семантическую структуру. Семантическую структуру слова часто смешивают с семным составом отдельного его значения, что нежелательно, поскольку тем самым варианты слова отождествляются с его семантическими компонентами, т. е. семами. Семантическая структура полисемантического слова есть множество его семантических вариантов, а семная структура, соответственно — множество сем.

Сему иногда неудачно называют мельчайшей единицей плана содержания (Л. А. Новиков и др.) /2/, что неверно, так как семы обозначают обобщенные и часто очень крупные понятия и могут быть делимы. Сема отражает те признаки номинируемых объектов, которые данным языком распознаются и могут быть выражены в словарной дефиниции. Сема делима, так, например, сема одушевленности может быть подразделена на сему лица и нелица, а сема человечности — на сему мужского и женского пола. В словах *troll* — проститутка и *meddler* — беспокойный, во все вмешивающийся человек, — которые нам встретятся в дальнейшем, содержится сема «человек», но в первом случае она уточняется семой пола, т. е. можно сказать, что она разделена, и присутствует более мелкая сема «женщина», а во втором случае этого деления нет, слово может относиться и к мужчине и к женщине. Лексическое значение этих слов содержит коннотацию отрицательной оценки. Кроме того, они употребительны не везде, имеют разговорную стилистическую окраску, т. е. стилистическую коннотацию, причем коннотация эта узуальная.

Семный состав слова и его узуальные коннотации принято сейчас определять по дефинициям в толковых словарях, причем ядерное слово дефиниции отражает гиперсему, которая, в свою очередь, соответствует гиперониму слова, а коннотации указываются либо такими пометами, как сленг, поэтическое, шутливое, бранное и т. п., либо выражены в самой словарной дефиниции: *peeper* — the eye (slang), *runt* — a small or old ox or cow, *anything undersized*, a vague term of reproach.

В дальнейшем изложении мы будем понимать под коннотацией субъективные элементы лексического значения, указывающие (дополнительно к предметному значению) отношение говорящего к предмету речи, его оценку ситуации и ролевой структуры акта коммуникации, от чего зависит выбор стилистического регистра слова, желание адресанта путем выбора более выразительных слов усилить прагматический эффект и передать собеседнику свое эмоциональное состояние. В отличие от денотативного значения, присущего обязательно в каждом слове, коннотация факультативна.

Коннотации можно называть прагматическим компонентом значения, поскольку главная их функция состоит не в сообще-

ний и номинации, а в воздействии на собеседника. Они большие зависят от условий речевого акта, чем денотативное значение.

Трудность их выделения и описания состоит в том, что они отличаются от денотативного значения не только содержанием, но и функцией, своим статусом в процессе коммуникации. Информация, которая в одном слове входит в его денотативное значение, в другом может оказаться окказиональной коннотацией. Граница между денотативным и коннотативным значениями очень подвижна. Различные типы коннотаций, а они могут быть эмоциональными, экспрессивными, оценочными, стилистическими, национальными, социальными, по-разному связаны с денотативным значением.

Особенно тесно связаны с денотативным значением оценочные коннотации. Точнее, оценка иногда даже составляет сущность денотативного значения. Примерами могут служить такие слова, как *good*, *perfect*, *reliable*.

Однаковые концепты могут быть выражены различными компонентами значения. Подобно тому как в синтаксисе возможна транспозиция структур, и вопросительное по форме предложение может содержать отрицание, а грамматическое значение множественности может передаваться не только формантом «*S*», но и лексически, так и оценки или усиливательность могут в одних случаях, в зависимости от pragматических задач сообщения, передаваться в денотативном, а в других — в коннотативном значении и при этом опираться на контекст.

Важно, однако, не смешивать коннотацию с дифференциальными семами вообще, как это имеет место в недавно опубликованном учебном пособии по английской лексикологии, где глаголы *glare* и *glance* приводятся как имеющие одинаковое денотативное значение — *look* /3/ и отличающиеся коннотациями. Между тем, как совершенно правильно отмечается в словаре синонимов под редакцией Ю. Д. Апресяна /4/, эти глаголы отличаются по смысловым признакам скорости действия *glance* — быстрый и неожиданный взгляд. Множество глаголов, обозначающих восприятие чего-либо глазами, отличаются не коннотациями, а денотативными, чисто понятийными элементами, выделяют разные свойства действия.

Поскольку объединение в одном слове нескольких коннотаций встречается нередко, лексикологи прошлых лет даже считали это объединение обязательным и говорили об экспрессивно-эмоциональных элементах или моментах (В. А. Звегинцев), экспрессивно-оценочных оттенках и т. п. Постепенно эти элементы стали дифференцировать и убедились в том, что они могут встречаться как все вместе, так и порознь. Так, например, усилители *very*, *very much*, *ever* имеют только усиливательную, но не образную коннотацию, а в случаях *infinitely*, *amazingly* — и экспрессивно-образную и усиливательную. Последующие исследователи (В. И. Шаховской, И. А. Стернин) /5/ показали, что если оценка

возможна без эмоциональной коннотации, то эмоциональная коннотация обязательно должна быть или отрицательной или положительной, т. е. одновременно оценочной, поскольку таково delineение эмоций.

Сравнительно недавно внимание исследователей стало привлекать еще один тип коннотаций, а именно коннотации культурно-исторические, т. е. имеющие социальную окраску и природу. Эти коннотации исторически очень подвижны. В словарях новых слов Барнхарта /6/ показано, например, отражение в английской лексике идеологической борьбы женщин против их профессиональной дискриминации. Считается, что употребление слова *tap* в значении «человеческое существо вообще» принижает роль женщины в человеческом обществе. Поэтому такие слова, как *female tap*, *poligeman*, получают нежелательную социальную коннотацию, ассоциируемую с «сексизмом», и вместо них вводятся синонимы: *female operator*, *police officer*, полуаффикс — *tap* заменяется компонентом *person*, который таким образом получает статус полуаффикса *businessperson*, *chairperson*, *workperson*. Тот же словарь сообщает об изменении социальных коннотаций у слов *black* и *negro*, которые то приобретали оскорбительный расистский оттенок, то восстанавливались как нейтральные или даже высокие слова. С ростом политического самосознания негров слово стало употребляться в таких лозунгах, как «*Black is beautiful*» и в словосочетаниях *black culture*, *black consciousness*, *black theatre*.

Дискуссионной оказалась функционально-стилистическая коннотация. Так, Э. С. Азнурова считает такие коннотации гиперонимом для всех остальных, т. е. находит, что стилистическая природа присуща всем типам коннотаций и включает все другие типы, отождествляя таким образом стилистическую коннотацию со стилистической функцией. Другие исследователи, например И. А. Стернин, напротив, не признают стилистических коннотаций вообще, полагая, что они входят в лексическое значение как отдельный макрокомпонент. Наконец, высказывалось и мнение, что стилистическая принадлежность слова не входит в его лексическое значение вообще.

Постараемся показать, что в процессе коммуникации и, в частности, в художественном и особенно в поэтическом тексте, игра стилистическими коннотациями может быть семантически наружена не меньше, чем эффект от других лексических значений, и что поэтому стилистическую коннотацию надо включать в лексическое значение слова. Обратимся к известному стихотворению Роберта Грейвза /7/.

Robert Graves
1805

At Viscount Nelson's lavish funeral,
Wliite the mob milled and yelled about St Paul's,

A General chatted with an Admiral:
'One of your colleagues, Sir, remarked today
That Nelson's exit, though to be lamented,
Falls not inopportunely, in its way.'
'He was a thorn in our fish,' came the reply —
 'The most bird-witted, unaccountable,
Odd little runt that ever I did spy.
'One arm, one peeper, vain as Pretty Poll,
 A meddler, too, in foreign politics
And gave his heart in pawn to a plain moll.
'He would dare lecture us Sea Lords, and then
 Would treat his ratings as though men of honour
And play at leap-frog with his midshipmen!
'We tried to box him down, but up he popped,
 And when he'd banged Napoleon at the Nile
Became too much the hero to be dropped.
'You've heard that Copenhagen «blind eye» story?
 We'd tied him to Nurse Parker's apron-strings-
By G-d, he snipped them through and snatched the glory.'
'Yet', cried the General, 'six-and-twenty sail
 Captured or sunk by him off Trafalgar —
That writes a handsome finis to the tale'.
'Handsome enough. The seas are England's now.
 That fellow's foibles need no longer plague us.
He died most creditably, I'll allow'.
'And, Sir, the secret of his victories?'
 'By his unservicelike, familiar ways, Sir,
He made the whole Fleet love him, damn his eyes.'

Стихотворение это содержит диалог двух военачальников, присутствующих на грандиозных похоронах погибшего в Трафальгарской битве лорда Нельсона. У мыса Трафальгар Нельсон наголову разбил франко-испанскую эскадру и тем заставил Наполеона отказаться от плана вторжения на Британские острова и обеспечил Англии господство на морях.

Историческое значение Нельсона для Англии Грейвз передает с помощью аллюзий: упоминаются битва в Египте, битва при Копенгагене и сражение при Трафальгаре. Многое передается в текстовых импликациях. Таково, например, упоминание об истории со слепым глазом. Предполагается, что читатель знает, что во время битвы у Копенгагена Нельсон не захотел подчиниться сигналу, приказывавшему отступить, и притворился, что не видит его. Он поднес подзорную трубу к своему слепому глазу и сказал: «У меня только один глаз и я имею право быть иногда слепым. Я не вижу сигнала». Эти его слова стали хрестоматийными. Победы Нельсона хорошо известны, и содержание стихотворения не в этом. Оно повествует о гнусной зависти посредственности и бездарей по отношению к национальному герою.

Разговаривают генерал и адмирал, и суть их отношения к событию отражается выбором регистра. Генерал говорит в приподнятом стиле, как и подсказывает ситуация. Адмирал использует грубые фамильярные разговорные слова и выражения. Читатель понимает, что адмирал, пришедший отдать последний долг герою, не хочет даже говорить о нем сколько-нибудь уважительно. Нельсон в боях потерял сначала глаз, потом руку: адмирал позволяет себе такие выражения: *One arm, one reeret*. О победе на Ниле, принижая ее значение, он говорит: *he'd banged Napoleon at the Nile*. О самом Нельсоне: «*The most bird-witted, unaccountable, Odd little runt*», «*a meddler*», «*that fellow*». Важно заметить, что о себе самом он упоминает совсем в другом тоне, пользуясь высокопарным: *us Sea Lords*.

Контраст между стилистической коннотацией слов, личностью того, о ком они сказаны, и трагической ситуацией несет очень большую нагрузку в передаче главной мысли и в воздействии на читателя.

Грубость слов адмирала оттеняется изысканностью речи его собеседника. Он пользуется эвфемизмами. Гибель Нельсона он называет *Nelson's exit, handsome finis to the tale*, а радость залистников из Адмиралтейства: '*Nelson's exit, though to be lamented,/Falls not inopportunely, in its way*'.

Разбор лексики этого стихотворения можно было продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы показать, как его воздействие на читателя зависит от наличия во всей массе лексики одного из говорящих — слов со стилистически сильно сниженными коннотациями, подчеркивающими отрицательную оценку, а точнее — злобу и зависть и проистекающую от этого грубость. Генерал в конце концов не выдерживает и прерывает грубянина восклицанием, напоминая о грандиозности последней победы, но адмирал и теперь продолжает болтать без тени уважения, хотя и вынужден признать, что все на флоте любили Нельсона, «черт бы его побрал».

Таким образом, не только при традиционно стилистическом, но и при современном коммуникативном подходе функционально-стилистические коннотации не должны противопоставляться остальным. Они ориентированы на предмет речи не меньше, чем эмоциональная, экспрессивная и оценочная коннотации. Приведенный пример показывает, что они могут даже контрастировать с ситуацией в которой протекает речевой акт, причем этот контраст передает через речевую характеристику персонажа авторскую оценку говорящего. В словах действительно отражаются признаки типичных для них ситуаций и контекстов, но стилистическая их функция в тексте оказывается особенно содержательной, когда, как и в данном стихотворении Грейвза, имеется контраст между узуальной для данного функционального стиля и текстовой ситуацией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- /1/ Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова.— Ташкент, 1973;
Говердовский В. И. История понятия коннотации.— Филологические науки, 1979, № 2; Стернин И. А. Лексическое значение слова и речи.— Воронеж, 1985; Шаховской В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания.— Волгоград, 1983.
- /2/ Новиков Л. А. Семантика русского языка.— М., 1982.
- /3/ Antrushina G. B., Afanasyeva O. V., Mogozova N. N. English Lexicology.— M., 1985.
- /4/ Англо-русский синонимический словарь.— М., 1979.
- /5/ Стернин И. А. Указ. работа; Шаховской В. И. Указ. работа.
- /6/ Barnhart. Dictionary of New English.— Bronxville, New York, 1980.
- /7/ Graves Robert. Selected by Himself.— The Penguin Poets, 1961.

О. В. БОКИЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПАРОДИИ (на материале стихотворных пародий Л. Кэрролла)

С давних пор литературная пародия привлекала к себе внимание со стороны исследователей. Однако первоначально интерес к этому жанру был чисто литературоведческим. В этом аспекте пародия рассматривалась в трудах таких ученых, как В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, П. Н. Берков, А. А. Морозов, В. И. Новиков, Ю. А. Тынянов и др. Лингвистический анализ литературной пародии получает распространение в последнее время, в частности, в работах И. В. Арнольд, Г. В. Яковлевой, Г. С. Саловой, М. В. Вербицкой, проводящих исследование на материале английской стихотворной пародии. Тем не менее, несмотря на достаточно большое количество работ, появившихся в последнее время, лингвистический механизм пародии нельзя считать достаточно изученным.

Цель нашей работы — рассмотрение некоторых лингвистических особенностей английской стихотворной пародии на материале стихотворных пародий Льюиса Кэрролла — признанного мастера пародии. Обращение к его творчеству при изучении пародии не случайно, оно оправдано прежде всего тем, что, по справедливому замечанию Дж. Падни, «почти все его достопамятные стихи обязаны своим происхождением творчеству других поэтов» /1/. Иными словами, пародия занимает в творчестве писателя совершенно особое место, присутствует либо в качестве основы, либо в качестве составного элемента практически во всех его произведениях.

Пародия определяется в «Словаре литературоведческих терминов» как «вид сатирического произведения, целью которого служит осмеяние литературного направления, жанра, стиля, манеры писателя, отдельного произведения» /2/. Однако это опре-

деление недостаточно полно, так как оно не охватывает юмористическую пародию, традиционно выделяемую наряду с сатирической. Именно к этой последней разновидности и относятся стихотворные пародии Л. Кэрролла. Кроме того, существуют так называемые парапародии, т. е. пародии на пародию, что особенно характерно для английской литературы. В качестве примера можно привести ставшую классической пародию Л. Кэрролла «Папа Браун» на стихотворение Р. Саути «The Old Man's Comforts and How he gained them», пародирующее философию У. Вордсвортса.

Существуют также автопародии, т. е. пародии, написанные авторами на самих себя, к которым часто обращаются английские писатели, в частности, А. Ч. Суинберн. Возможно также использование пародийных приемов внутри других жанров, а также пародии внутри пародий. Примерами такого использования изобилиуют детские прозаические произведения Л. Кэрролла: это и «Алиса», пародирующая целый круг детского чтения, и двухтомный роман «Сильви и Бруно». Перечисленные типы далеко не исчерпывают всех возможных разновидностей жанра пародии. Важнейшей чертой текста любой пародии является связь с текстом пародируемого оригинала. С ним она контрастирует и пользуется его художественными средствами. Поэтому выявление лингвистической сущности текста пародии становится возможным лишь при обращении к тексту оригинала. Мы остановимся на рассмотрении нескольких стихотворных пародий Л. Кэрролла, отличающихся по степени связи с пародируемым оригиналом.

Обычно считают, что читатель воспринимает пародию, лишь будучи знакомым с пародируемым оригиналом, при наличии у него определенных знаний. В большинстве случаев, чтобы читатель мог получить от пародии удовольствие, ему действительно нужно идентифицировать оригинал. Но поскольку пародия является самостоятельным литературным произведением, читатель может адекватно воспринять ее, не зная, что пародируется, либо имея о пародируемом лишь очень приблизительное представление. Это особенно характерно для жанра юмористической пародии. Но предположим, что тезаурус читателя соответствует тезаурусу, предполагаемому пародистом. Чем тогда может руководствоваться читатель, какие средства, используемые автором, помогут ему ориентироваться в сложном мире литературной пародии? Очень часто на помощь приходит цитата, аллюзия, упоминание имени автора или героя и т. д. Остановимся на этих средствах подробнее.

У Л. Кэрролла не встречается прямого упоминания имени автора в названии или тексте пародии, но в качестве названия пародии иногда выступает трансформированное название оригинала, что способствует его идентификации: «The three voices» (ср. назв. оригинала «The two voices»), «Atalanta in Camden-town» (ср. назв. оригинала «Atalanta in Calydon»). Обе эти пародии довольно далеки от стихотворений, послуживших по-

водом для их написания. Первая представляет собой весьма длинную, но остроумную пародию на столь же длинное, весьма туманное стихотворение А. Теннисона, в которой высмеивается пристрастие поэта-лауреата к слишком общим рассуждениям, избытым истинам. Вторая — пародию на стихотворную трагедию А. Ч. Суинберна. В этом кратком стихотворении воспроизводится ритмический рисунок пародируемой поэмы, аллитерация, чередование строк разной длины. Пародийный эффект достигается тем, что аллегорические образы поэмы — прекрасной охотницы Атланты, возлюбленной сына каледонского царя Мелеагра, и Леландра, заменившего его в пародии — помещаются в конкретно-бытовую обстановку.

Иногда Л. Кэрролл сохраняет имя персонажа оригинала либо в тексте самой пародии: знаменитая гордая красавица *Lady Clara Vere de Vere*, героиня одноименного стихотворения А. Теннисона волею фантазии Л. Кэрролла превращается в его пародии *«Echoes»* в восьмилетнюю девочку: *Lady Clara Vere de Vere Was eighty years old, she said*; либо в названии пародии (*«Hiawatha's Photographing»*). Этим названием Л. Кэрролл достигает двойного эффекта: с одной стороны, указывает на источник, а с другой — путем соположения несовместимых понятий (Гайавата и фотография) уже с самого начала добивается комического эффекта. Не ограничиваясь этим, он предпосыпает своему пародийному стихотворению вступление, которое на вид кажется обычным прозаическим вступлением, с обычной литературоведческой терминологией (*imitation, criticism, metre, rhythm, treatment etc.*). Вместе с тем это обращение автора к читателю написано в ритме «Песни о Гайавате», хотя и без соответствующего зрительного выделения:

In an age of imitation, I can claim no special merit for this slight attempt at doing what is known to be so easy. Any fainly practised writer, with the slightest ear for rhythm, could compose, for hours together, in the easy running metre of the *«Song of Hiawatha»*...

Подробное описание приготовлений Гайаваты к съемке, затем самой съемки и, наконец, отъезд после неудавшейся съемки на поезде развивают дальше линию, намеченную в названии. В этой пародии присутствует и другое важное пародийное средство, а именно — аллюзия. Аллюзия на несовместимое: Гайавата, Эвклид, Наполеон, Рёскин. Точное повторение ритма (поэма Г. Лонгфелло написана белым четырехстопным хореем с женскими окончаниями, воспроизводящим стих финского эпоса «Калевала»), строфической структуры, метрики, формальных стилистических приемов и средств оригинала также не может не вызывать немедленного его узнавания.

Иногда, однако, в предваряющих замечаниях Л. Кэрролл указывает на конкретное стихотворение конкретного поэта, упоминание которого должно вызвать у читателя немедленные ассоциации, еще до знакомства с текстом самой пародии. Так, во

вступлении к пародии «Upon the lonely moor» автор отсылает читателя к стихотворению У. Вордсворта «Resolution and Independence». В этой пародии комическому переосмыслению подвергаются как идеи, так и их воплощение в оригинале. Поводом к написанию стихотворения поэту послужила встреча с дряхлым старцем во время пешеходной прогулки. В нем звучит и свойственная творчеству У. Вордсворта страстная любовь к природе как источнику мудрости, красоты, добра, знания, вера в естественное равенство всех людей, поэтизация духовного мира и чувств простого человека — продавца пиявок. Л. Кэрролл в своей пародии доводит эти идеи до абсурда. Он сохраняет сюжетную линию стихотворения — встречу поэта с очень пожилым человеком; сохраняет вопросо-ответную структуру стихотворения У. Вордсворта. Но на этом сходство и кончается. Л. Кэрролл опускает длинные описания природы, появления старика, его внешности и пародирует только ту часть стихотворения, в которой содержится беседа поэта со стариком. Один и тот же вопрос повторяется трижды в оригинале и в пародии. Но приемы, используемые при этом, различны. У. Вордсворт вопрос вводит словами:

- 1) And now a stranger's privilege I took
And, drawing to his side, to him did say,
«This morning gives us promise of a glorious day».
- 2) And him with further words I thus bespake.
- 3) Perplexed, and longing to be comforted,
My question eagerly did I renew,
«How is it that you live, and what is it you do?»

У Л. Кэрролла то же самое звучит совсем иначе:

- 1) So I stopped and roughly questioned him,
«Come, tell me how you live!»
- 2) I did not hear a word he said,
But kicked that old man calm
And said, «Come, tell me how you live!»
And pinched him in the arm.
- 3) I gave his ear a sudden box,
And questioned him again,
And tweaked his grey and reverend locks,
And put him into pain.

Поэт вынужден трижды повторить вопрос, поскольку он находится в состоянии сильного волнения от встречи и ему не сразу удается услышать ответ. Л. Кэрролл же вкладывает в объяснение причины такого невнимания совершенно абсурдное содержание:

But I was thinking of a plan
To paint one's gaiters green,

So much the colour of the grass
That they could ne'er be seen.

Таким образом, на примере этой пародии легко проследить последовательное применение стилистического приема гиперболизации, которая проявляется здесь также и на уровне языковых средств. Такие черты стиля, свойственные творческой манере У. Вордсвортса, как приближение стихотворной речи к повседневной, введение элементов разговорной речи, «примитивизм» языка, отмечаемый современниками, также доводятся в пародии до крайности, гиперболизуются, что проявляется в нарочитом снижении языка, употреблении большого количества разговорных слов.

Настойчивая гиперболизация может касаться также какой-нибудь морфологической черты, например, уменьшительные суффиксы, добавляющиеся почти к каждому значимому существительному, в пародии Л. Кэрролла «The Manlet» (на поэзию А. Ч. Суинберна), в основе которого нет никакого конкретного стихотворения поэта:

He has reached him his minikin gunlet:
She has hurled the old shoelet for luck:
She is busily baking a bunlet,
To welcome him home with his Duck.
On he speeds, never wasting a wordlet,
Though thoughtlets cling, closely as wax,
To the spot where the beautiful birdlet
So quietly quacks.

В повторяющемся употреблении уменьшительного суффикса отражаются экстралингвистические факторы, в данном случае — черты внешнего облика пародируемого автора (*In stature, the Manlet was dwarfish*). Бросается в глаза при этом настойчивая гиперболизация излюбленных приемов А. Ч. Суинберна — в пародии сильно преувеличиваются аллитерации и ассонансы: *Shrill shriekings of lubberly laughter, / weird wailings of woe*). Эта гиперболизация приводит к тому, что читатель безошибочно распознает в стихотворении пародию.

Мы рассмотрели пародию с точки зрения читательского восприятия и попытались выделить те приемы, которые помогают даже неискушенному читателю ориентироваться в мире пародии, хотя и не всегда в полной мере: это и упоминание различных имен и названий в тексте пародии, и цитаты, и пояснения. И все равно пародия в большей степени, чем другие литературные жанры, требует активного читательского восприятия, она не однозначна, каждый воспринимает ее по-своему.

Один из возможных лингвистических подходов к пародии — сопоставление ее с метафорой: и в метафоре и в основе паро-

дии сопоставляются два далеких явления. Подобно метафоре, являющейся средством образности, со свойственной всякой образности двуплановостью, пародия вызывает у реципиента дополнительные ассоциации, опирается на имплицитность смысла, т. е. нуждается в догадке, сопоставлении. Из этого вытекает необходимость или, по крайней мере, желательность комментированных изданий, которые помогут читателю овладеть всем богатством заложенных в пародии смыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- /1/ Падни Дж. Льюис Кэрролл и его мир.— М., 1982, с. 56.
/2/ Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов.— М., 1974, с. 259.

В. Т. ДВИНСКАЯ

ВЛИЯНИЕ УРОВНЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В ДИАХРОНИИ НА РАЗВИТИЕ НОМИНАЛИЗАЦИИ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале предложного атрибута с von в древне- и средневерхненемецкий периоды)

Термин «уровень» в современном языкоznании связывают с представлением о языке как о некоей иерархически организованной системе частных подсистем, находящихся между собой в определенных закономерных отношениях. В германистической литературе нет, пожалуй, работ, где непосредственным объектом исследования была бы уровневая структура языка на ранних этапах его развития, однако нельзя не согласиться с высказыванием Ю. Н. Тынянова о том, что понятие механического атомизма явлений, замененное понятием системы, структуры в области науки синхронической, подверглось соответствующей замене и в области науки диахронической. Бесспорность этого замечания позволяет спроектировать уровневую структуру современного немецкого языка на предшествующие периоды его развития.

Теснейшее взаимодействие лексико-семантического и синтаксического уровней отчетливо прослеживается на примере становления строевых свойств немецкого предложения. Так, в процессе изучения структуры немецкого предложения словосочетаниям типа «существительное + предлог + существительное» уделяется самое пристальное внимание. Субстантивные линейные цепи, последовательно наращивая свой объем, ведут к существенной структурной перестройке предложения, которая выражается в

сокращении частотности употребления придаточных предложений, вытеснении «вербального» стиля, количественном и структурном уплотнении словосочетаний с существительным в качестве стержневого слова, возникновении и распространении процесса номинализации немецкого предложения. Названные явления отмечены и проанализированы в ряде работ советских и зарубежных германистов: /1/, /2/, /3/, /4/, /5/, /10—12/.

Теснейшая связь и взаимодействие единиц различных уровней ярко проявляется в грамматических перестройках немецкого языка на пути от синтетического типа к аналитическому. Недаром все исследователи единодушно отмечают, что процесс номинализации предложения происходит, в частности, за счет небывалого расширения функциональной сферы предложного атрибута, вызванного такими причинами психолингвистического порядка, как «притупление восприятия синтаксических значений именных флексивных форм» /6/.

В настоящей статье предпринимается попытка с позиций диахронии проследить развитие тех тенденций, которые вызвали наблюдаемый количественно-качественный скачок в функционировании предложного атрибута в современном немецком языке. Для их обнаружения берутся два синхронных среза: древневерхненемецкий (дvn.) и средневерхненемецкий (свн.) периоды.

Известно, что динамика в синхронии связана с рядом внешних и внутренних причин: с индивидуальным характером пользования языком, с наличием функциональных стилей, а также с некоторыми внутрисистемными факторами, важнейшим из которых является асимметрический дуализм языкового знака (С. Карцевский, В. Матезиус), вызывающий постоянное перемещение адекватной позиции знака вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации. Подобные перемещения, или сдвиги, возникающие в речи, обыкновенно называли переносными, образными употреблениями, однако теперь их обусловленность системой языка не вызывает сомнений. Это можно наблюдать на примере количественных данных об употреблении предложных конструкций в различных функциях в обоих синхронных срезах:

обстоятельственная функция	объектная функция	атрибутивная функция
дvn. свн.	75% 66%	22,6% 24,8%
		2,3% 9,2%

Эти данные еще раз наглядно демонстрируют правомерность давно утвердившегося в лингвистике взгляда на возникновение и распространение предложных конструкций, как на языковое выражение потребности в более точных и дифференцированных способах представления логических отношений, имевшихся в объективной действительности.

Можно предположить, что предложный атрибут зарождается в дvn. период не только под воздействием коммуникативно-прагматических, но и внутрисистемных факторов. Вот, например, квалификация предложных конструкций как атрибутивных носит в дvn. несколько относительный характер, определяющийся тем, что нерасчлененность логических отношений, неоднократно отмечавшаяся в дvn., находит свое отображение и в языковых формах. Одним из проявлений такой логической и языковой интеграции подлежащих выражению отношений является в дvn. нефиксированный порядок слов, в результате чего примыкание и синтагматическое единство — важнейшие критерии при установлении атрибутивности — срабатывают далеко не всегда и часто наступает расплывчатость границ между синтагмами: *Thie engila zi himile flugun singente* (O, 1, 12, 33) — ангелы небесные (в небе) летали распевая; *Quam thô ciuib fon Samariu sceffen ciuazzar* (T, 87, 2, 21) — пришла женщина из Самарии (женщина-самаритянка) зачерпнуть воды.

Относятся ли предложные группы соответственно к существительным *engila*, *ciuib* или к глаголам *flugun*, *quam*? Во всех работах по вопросам порядка слов в дvn. отмечается тенденция к постановке спрягаемого глагола на втором месте. Однако, по замечанию В. Г. Адмони /8/, нельзя быть уверенным в том, что в подобных случаях мы имеем дело с проявлением названной тенденции. Руководствуясь ею, мы должны отнести предложные группы к атрибутивным, однако живо ощущается их связь с глаголом. Наличие такого рода конструкций, проявляющих своеобразный синкетицизм обстоятельственных и атрибутивных отношений и определяющих собой специфику предложного атрибута в дvn., наглядно демонстрирует стремление означающего обладать иными функциями, нежели его собственная (в данном случае первоначальная функция — обстоятельственная), и подтверждает существование в объективной действительности массы переходных случаев. Воспользовавшись термином А. Шаффа /9/, можно говорить о «нестрогости» синтаксических моделей, являющейся следствием асимметричности языковых знаков и порождающей различные промежуточные образования, в которых выражается коллизия между формой и функцией.

С точки зрения семантики конструкции *S+Pr+S* не гомогенны и могут быть охарактеризованы как полисемантические, внутренне дробные модели. В качестве примера рассматривается предложный атрибут с уоп, что обусловлено его ведущим положением и по частотности, и по разнообразию оттенков при выражении семантических отношений между компонентами словосочетания. Эти семантические отношения образуют своего рода частные варианты определительной связи. Для их выявления, поскольку речь идет о синтагматике, необходим прежде всего учет синтаксических признаков конструкций *S+Pr+S*, которые могут быть выявлены с помощью трансформационного и дистрибутивно-

го анализов /7/. Эти признаки оказываются различными по своей значимости, охватывают группы разного объема и могут быть разграничены на общие и частные.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет выделить в качестве основного в обоих периодах признак локализации, который тесно смыкается с признаком происхождения, что обусловлено ablativным значением самого предлога: *this ist heilant cuizogo fon burgi Nazareth Galilee* — (T. 117, 1, 39) — это святой мудрец из города Назарета Галилейского; *Nu saz der kunc Artus unde von sime hus sin massenie* (Iwein, 6896) — теперь сидел король Артур и его челядь из его дома. Закрепление этого признака в речевом употреблении выражается в том, что в свн. он характеризует не только антропонимы, как в дvn., но и другие нарицательные существительные: *si truoc goc unde mantel, in dem snite von Franze...* (Tristan, 10906) — на ней были юбка и плащ французского покроя. В отношении гипонимии к признаку локализации находится и характеристика-ти-титул, возникающая в свн. в результате семантического срастания обоих компонентов словосочетания (имя собственное + предлог + географическое название места происхождения называемого лица) в единое целое: *Do sprach der kunic von Rine...* (Nibelungen, 510) — тут сказал король Рейнский: *Daz waz... von Metzen Ortewin* (Nib., 9) — это был Ортвин из Метцена.

Вторым по частотности является признак конкретизации вещественного содержания, выраженного стержневым компонентом словосочетания: *...quam inti mit imo mihil menigi... fon theu heroston thero bisgofo inti fon then bouherin...* (T. 183, 1, 28) — пришел, и с ним большая толпа первосвященников и книжников. Надо сказать, что в дvn. этот признак включается в более общий признак принадлежности, но в свн. приобретает значительную автономию и даже выступает как гипероним по отношению к признаку характеристики по составу: *...ir sult heizen bereiten... ein schif von ciperboumen...* (Kudrun, 249) — вы должны приказать снарядить корабль из кипариса; также (Erzählungen, 32, 359).

Высокочастотным является также разделительный признак, с помощью которого репрезентируется отношение между частью и целым. В дvn. он характеризует около половины всех атрибутивных конструкций с *von*, а в свн. эта группа значительно сокращает свой объем, что может объясняться действием парадигматических факторов: например, известным в истории языка не-бывалым расцветом родительного падежа, имеющего в числе прочего и партитивную семантику.

Несколько примерами представлен признак временной характеристики определяемого. При этом в дvn. словосочетание сохраняло значение протяженности во времени, свойственное предлогу в обстоятельственном употреблении, а в свн. появляются и новые оттенки: *ein kint von ahte jaren* (Heinrich, 303) — дитя восьми лет.

Количество признаков, по которым характеризуется определяемое, значительно возрастает в син. период. Среди них выделяются (по степени убывания частотности): отношения между агентом действия и действием как таковым, т. е. взятым как процесс: *Ein kus von miner frowen munde...* (*Minnesang*, 198, 23) — поцелуй уст моей дамы; признак предмета речи: ... *daz lange liet von Troya* (*Erec*, 7545) — длинная песнь о Трое; признак взаимных отношений: *nu si von uns beden vride* (*Parzival*, 15, 337) — пусть будет мир между нами; признак качества определяемого, при этом атрибутивная группа включает в свой состав качественное прилагательное /13/: ... *diu von dem allerbesten snite...* (*Tristan*, 10766) — (платья) лучшего покроя; также: (*Parzival*, I, 215).

Проведенный анализ показал, что связь между единицами и категориями всех уровней осуществляется через слово как единицу, принадлежащую той или иной части речи. В свою очередь, лексический состав словосочетания сказывается на структуре, степени и виде связи соединяемых предлогом компонентов. Благодаря **этому** конструкции *S—Pr—S* различаются признаками, или значениями, характеризующимися обстоятельственными, объектными и квалификативными отношениями и находящимися по степени обобщенности в гипонимических отношениях.

Хочется подчеркнуть, что номинализация немецкого предложения была подготовлена всем ходом предшествующего языкового развития. Анализируя языковую систему или отдельные языковые явления, нужно открывать в живом настоящем черты прошедшего и будущего. А так как язык проявляется в речи огромной массы индивидов, то в каждый момент языкового общения реализуются все варианты, поэтому качественная характеристика того или иного явления обязательно связана с количественными показателями его употребления. Черты номинализации предложения наличествуют и в древних периодах немецкого языка, но в современном немецком мы наблюдаем их массовое использование, вызывающее, в свою очередь, появление качественно новых структур /14/.

ПРИМЕЧАНИЯ:

/1/ Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке.— М., 1973, с. 6—30, 47—73.

/2/ Eggers H. Beobachtungen zum «präpositionalen Attribut» in der deutschen Sprache der Gegenwart.— In: Wirkendes Wort. Sammelband 1. Düsseldorf, 1962.

/3/ Eggers H. Zur Syntax der deutschen Sprache der Gegenwart.— In: Studium Generale, 1962, H. 1.

/4/ Daniels K.-H. Substantivierungstendenzen in der deutschen GegenwartsSprache. Bd. 3.— Düsseldorf, 1963.

/5/ Sommerfeldt K. E. Form und Bedeutung der Attribute beim Substantiv in der deutschen Sprache der Gegenwart.— In: Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1970, Bd. 23, H. 6.

- /6/ Eggers H. Beobachtungen zum... S. 279.
- /7/ Это становится возможным, так как субстантивная номинализация возникает на основе так называемой вторичной предикатии в результате свертывания пропозиции и субстантивации ее предикативной части /10/.
- /8/ Адмони В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка.— М., 1963, с. 64—65, 104.
- /9/ Шафф Ф. Введение в семантику.— М., 1963, с. 343.
- /10/ Москальская О. И. Грамматика текста.— М., 1981, с. 149—152.
- /11/ Ярв Л. Н. Проблема сочетаемости существительных с зависимыми словами в современном немецком языке. АКД — Л., 1967.
- /12/ Мельников Г. П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной.— В: Проблемы языкоznания.— М., 1967.
- /13/ Ср. данные Л. Н. Ярв по современному немецкому языку /11, с. 24—26/.
- /14/ Ср. высказывание о том, что перестройка языковой структуры происходит за счет подсознательного предпочтения одних форм другим и продолжается до тех пор, пока эффективность функционирования не окажется достаточна близкой к максимально возможной в имеющихся условиях /12, с. 98/.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

- (T) Tatian. Hrsg. von H. Sievers.— Paderborn, 1872.
- (O) — Otfrids von Weissenburg Evangelienbuch. Hrsg. von Dr. J. Kelle. Bd. I — III.— Manz, 1856—1861.
- (Erec) — Erec der Wunderaere. Bd. 1. } Hartmann von Aue.
- (Heinrich) — Der arme Heinrich. Bd. 2. } Hrsg. von Fr. Pfeiffer. Bd. I —
- (Iwein) — Iwein. Bd. 3. } III.— Leipzig, 1867—1869.
- (Kudrun) — Kudrun. Deutsche Nationalbibliothek. Bd. 6.
- (Tristan) — Gottfried von Strassburg. Tristan und Isold. Hrsg. von W. Golther. Bd. I.— Berlin u. Stuttgart, s. a.
- (Parzival) — Wolfram von Eschenbach. Parzival und Titurel. Bd. 1—III. 2. Aufl.— Leipzig, 1875—1877.
- (Minnesang) — Der Minnesang des 12. bis 14. Jh-s. Hrsg. von F. Pfaff. Bd. I.— Stuttgart, s. a.
- (Nibelungen) — Die Nibelungen. Deutsche Nationalliteratur. Bd. 6.
- (Erzählungen) — Erzählungen und Schwänke. Hrsg. von H. Lambel.— Leipzig, 1872.

Г. М. ИВАНОВА

СЕМАНТИКА ЗВУКОВОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале стихотворения У. Х. Одена «Морской пейзаж»)

В поэтическом тексте, на всех его уровнях (графическом, фонетическом, лексическом, грамматическом, уровне образов и т. д.) проявляется единство эксплицитного и имплицитного поэтического смысла. Художественный текст — структурно-семантическое единство высшего порядка. Одним из принципов его исследования является принцип координации общего и отдельного. Для рассмотрения художественного текста как единого целого, как сложно организованной системы, в стилистике декодирования

предлагаются принципы более широкого охвата, чем стилистические приемы,— принципы выдвижения: конвергенция, сцепление, повтор, параллелизм, обманутое ожидание. Общие функции принципов выдвижения состоят в том, что они устанавливают иерархию значений и элементов внутри текста, т. е. выдвигают особо важные части сообщений; они обеспечивают единство структуры текста и его системность, устанавливают связи между целым и его частями и взаимодействие между частями внутри целого. В стилистике декодирования принципы выдвижения применяются для комплексного стилистического анализа. Текст истолковывается с их помощью как органическое единство стилистических явлений и их соотношений с общеязыковыми закономерностями. В каждом конкретном случае применяется комплекс субкодов художественной информации, причем блоковыми кодограммами оказываются блоки из стилистических приемов, а не отдельные стилистические приемы /1/.

Важно подчеркнуть, что принципы выдвижения позволяют сосредоточить внимание исследователя (и читателя) на содержании сообщения, особенно значимые части которого маркированы стилистическими формантами. Стилистическими средствами признаются все элементы художественного текста, создающие помехоустойчивость и обеспечивающие передачу информации второго типа (т. е. эмоциональную, эстетическую, оценочную), заключенную в содержании художественного произведения /2/.

Целью настоящей работы является анализ семантической функции элементов фонетического уровня поэтического текста, специфика формирования звукового художественного образа в поэзии У. Х. Одена во взаимосвязи и взаимодействии с художественным целым.

Поскольку в центре внимания находится звуковой образ, то необходимо указать на различия между ним (звуковым образом) и звуковой организацией стиха /3/. Звуковая организация отдельного слова и всего текста семантически нейтральна. Когда аллитерации, ассонансы, рифмы рассматриваются сугубо на фонетическом уровне, исследуется лишь внешняя форма художественной структуры. Звуковой образ — это внутренняя форма художественной речи, результат взаимодействия всех звуковых эстетически значимых повторов, выражение слитности, основной тональности произведения с идейно-содержательной информацией художественного целого.

Диалектика семантизации звуковой организации целого текста заключается во взаимодействии фонетического уровня со всеми другими уровнями и текстом в целом. Эти связи и взаимодействия могут быть объективно исследованы с помощью принципов выдвижения.

Стих — есть одновременная последовательность фонологических единиц, воспринимаемых как отдельно существующие, и последовательность слов, воспринимаемых как спаянные едини-

ства фонемосочетаний. Обе последовательности существуют как две стороны одной и той же реальности — стиха, составляя коррелирующую структурную пару. Следовательно, анализ элементов фонетического уровня естественно связан с лексическим уровнем и с текстом в целом. В процессе такого анализа определяется ключевое слово, в котором обнаруживаются звуки, повторяющиеся во многих словах текста, и, что самое главное, выявляются семантические связи частей текста.

Важную роль в формировании звукового художественного образа играет метро-ритмическая упорядоченность стиха, т. е. сложное соотношение упорядоченностей и их нарушений, причем нарушения есть упорядоченности на более высоком — семантическом уровне, а также повторяемости количества слогов в стихе и количества ударений. Одной из основных функций метро-ритмической структуры текста является его членение на эквивалентные сегменты. В поэзии отдельное слово членится на сегменты от фонемы до морфемы, и каждый из этих сегментов получает самостоятельное значение, которое выявляется при взаимодействии с элементами разных уровней, обнаруживая эстетическое намерение автора. Согласно Ю. М. Лотману, уделяющему внимание эстетической функции и специальному художественному смыслу элементов отдельных уровней, стиховой ритм служит основой сопротивопоставлений всех языковых элементов поэтической структуры. Эти со-противопоставления сложным путем преобразуют значения языковых единиц и обеспечивают передачу глубинного поэтического смысла /4/. В исследованиях Ю. М. Лотмана, представителя структуральной поэтики, не показан сам «сложный путь» семантических преобразований, процесс выявления «глубинных смыслов», но проблема эквивалентности, глубоко разработанная им, помогает рассмотреть логические связи частей текста одновременно с анализом процесса выдвижения семантически значимых элементов художественной структуры поэтического текста.

Интерес к проблеме семантического наполнения ритма и звука в стихе — актуальная проблема современных исследований художественной речи. Особенно актуальной эта проблема становится при анализе поэтических произведений, созданных в переломную эпоху в литературе, в эпоху разрушения традиционной жанровой системы и возникновения нового понимания лирического начала. Такой эпохой реформ в английской поэзии были, в частности, первые десятилетия XX века. Новое в художественную форму стиха внес в этот период выдающийся английский поэт Уистан Хью Оден (1907—1978 гг.). Подобно Драйдену (XVII в.), с которым английские литературные критики сравнивают Одена, он был интеллектуальным поэтом, руководимым скорее философскими идеями, чем чувствами. В основе неровного ритма его стиха лежит смысловое ударение, эмфаза, что исключает ритмическую плавность и соответствует жанру стиха-размышления.

Специфическая ритмическая интонация стиха определяет и специфику распределения ударных и безударных слогов. В его стихах встречаются строки из 12-ти и из 2-х ударных слогов. Если в строфе и наблюдаются строки с равным количеством ударных слогов, то не совпадает количество безударных слогов, нет регулярного чередования ударных и безударных слогов. Несимметричность, неравномерность ритмического движения усиливается переносами и внутритекстовыми паузами и цезурами, что создает особое поэтическое напряжение и способствует возникновению семантически наполненных звуковых художественных образов.

Оден придает особое значение звучанию наиболее важных в смысловом отношении слов. Он выбирает из синонимического ряда такой лексико-семантический вариант, в котором содержатся наиболее выразительные для передачи данного смысла звуковые комплексы. Таким образом, звучание семантически значимого слова является для Одена важным средством углубления идеино-художественной информативности фразы, строки, строфы и всего стиха.

Рассмотрим специфику семантического наполнения звукового художественного образа в стихотворении Одена «Морской пейзаж»:

SEASCAPE

Look, stranger, on the island now
The leaping light for your delight discovers,
Stand stable here
And silent be
That through the channels of the ear
May wander like a river
The swaying sound of the sea.
Here at a small field's pause
When the chalk wall falls to the foam and its tall ledges
Oppose the pluck
And knock of the tide,
And the shingle scrambles after the sucking surf,
And a gull lodges
A moment on its sheer side.
Far off like floating seeds the ships
Diverge on urgent voluntary errands,
And this full view
Indeed may enter
And move in memory as now these clouds do
That pass the harbour mirror
And all the summer through the water saunter /5/.

Стихотворение состоит из 3-х строф. В 1-й и 3-й строфах по 7 строк, во 2-й — 8 строк. Стихотворение написано «необыч-

ной формой ямба» (по классификации В. В. Иванова /6/). На фоне ритмического разнообразия прослеживается система интонационных и синтаксических параллелизмов: это 2-я и 3-я строки в 1-й строфе, во 2-й и в 3-й:

- 1 Stand stable here
And silent be
- 2 Oppose the pluck
And knock of the tide
- 3 And this full view
Indeed may enter

Анафорическое *and* усиливает параллелизм внутри строф и между строфами. 1-я строфа заканчивается четким, плавным ритмом 5-й, 6-й и 7-й строк, воспроизводящим мерный шум прибоя. Подобной четкости ритма и строгости рифмы не наблюдается более нигде в стихе.

That through the channels of the ear
May wander like a river (The swaying sound of the sea)

В 7-й строке 1-й строфы заключен главный, ключевой образ стиха:

The swaying sound of the sea.

Кроме четкого ямбического строя здесь используется аллитерация S—S—S в словах *swaying*, *sound*, *sea*, которые передают главные семантические значения стиха. Эти слова и в звуковом и в семантическом плане согласуются с заглавием — SEASCAPE.

Во 2-й строфе особую семантическую функцию выполняет ритмическая аномалия — слоговой перенос:

And the shingle scrambles after the suck- ing surf

В результате слогового переноса, нарушающего грамматические правила, возникают уникальные ассоциации и соответствия. Узкий сегментный канал языка расширяется, возникает добавочная — художественная информация, создается индивидуальный поэтический ритм. В данном случае слоговой перенос помогает создать звуковой образ морского прибоя. Эффект усилен поддержкой аллитерации S—S—S—S, которую, в свою очередь, акцентирует ассонанс *ae* — *a*: — .

Благодаря такому звуковому построению поэтических строк морфемы *suck-*, *-ing* выступают не в грамматическом, а в паронимическом, или поэтическом, смысле. Звуковая ассоциация подсказывает поэту звуковую метафору — *the sucking surf*. Эта метафора семантически и в звуковом отношении согласуется со звуковой метафорой в 3-й и 4-й строках 2-й строфы —

Oppose the pluck / And knock of the tide.

Здесь метафора основана на внутренней рифме — *knock* — *pluck*,

также поддержанной аллитерацией К—К и ассонансом, т. е. конвергенцией, «пучком стилистических приемов».

В 3-й строфе звуки прибоя не слышны, лишь едва улавливаются отголоски аллитераций и ассонансов, разбросанных по всей строфе — seeds ... ships ... pass ... saunter.

Ключевым словом 3-й строфы является слово *view*. Оно семантически связано с заглавием стиха — *Seascape* и эквивалентно словосочетанию *harbour mifflin* на лексическом уровне. Поэт концентрирует внимание читателя на уходящих вдаль кораблях — like floating seeds the sphinx ... на облахах, отраженных в зеркале залива — move in memory as these clouds do... Художественный образ моря здесь основывается на зрительных представлениях. Поэт призывает читателя вместе с лирическим героем сохранить в памяти красоту морского пейзажа и мерный шум морского прибоя. Отсутствие звукового образа морского прибоя в 3-й строфе стиха переключает восприятие читателя на зримый образ, подсказывает читателю необходимость вернуться к первым двум строфам, т. е. призывает к медленному, вдумчивому чтению, а это обстоятельство согласуется с задачами комплексного анализа художественного текста, конечной целью которого является приобщение к «искусству быть читателем» (согласно известной формулировке Л. В. Щербы).

Система образных средств каждого произведения определяется его конкретным содержанием. Главной художественной задачей стихотворения «Seascape» является создание звукового образа моря в сочетании с пластическим образом морской панорамы, основывающимися на зрительных представлениях и слуховых ассоциациях читателя. Поэтому на первый план анализа данного стиха был выдвинут фонетический уровень, который был рассмотрен во взаимосвязи и взаимодействии с другими уровнями и всем текстом.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Звуковой художественный образ основан на специфике звуковой организации текста, но не тождествен ей.

2. Семантизация фонетических стилистических приемов происходит в процессе взаимодействия элементов фонетического уровня художественной структуры текста с элементами других уровней и художественным целым на парадигматической и синтагматической оси.

3. Принципы выдвижения обеспечивают координацию общего и отдельного, позволяют определить способы структурно-семантической организации текста, углубить понимание идейно-художественного содержания литературного произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

/1/ Арнольд И. В. Стилистика декодирования. (Курс лекций). — Л., 1974, с. 44.

- /2/ Там же.
/3/ Хорольский В. В. Ритм и звук в лирике Джеральда Мэнли Хопкинса.— Филологические науки, 1984, № 3, с. 35.
/4/ Лотман Ю. М. Структура художественного текста.— Л., 1970, с. 191.
/5/ Auden W. H. Selected by the author.— The Penguin Poets, London, 1970, p. 29.
/6/ Иванов В. В. Ритмическое строение «Баллады о цирке» Межирова.— В сб.: Poetika, Poetika, Пoэтика.— Warszawa, 1966, с. 285.

Р. А. КИСЕЛЕВА

ЛЕЙТМОТИВНЫЕ СЛОВА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Каждый отрывок художественного произведения, как и все произведение в целом, содержит какие-то формальные признаки, фокусирующие внимание читателя на отдельных частях текста, заставляющие задуматься над значимостью его элементов.

Наиболее известным способом привлечения внимания читателя являются разного рода повторы. Именно они «...помогают организовать все единицы текста, выходящие за рамки предложения во всех разновидностях текста» /1/. Высшей формой повторов являются лейтмотивы, на которых, по мнению Т. И. Сильман, «держится вся архитектоника текста» /2/. К таким лейтмотивам мы относим слова-символы, способствующие углублению общей идеи произведения. Именно они и являются предметом исследования в данной статье.

Интересующая нас проблема рассматривается на материале одного из рассказов Д. Г. Лоренса — «Две синих птицы». Тщательная разработка системы символов в рассказе помогает читателю вскрыть подтекст отношений героев, понять общую идею произведения.

Символические образы не возникают сами по себе, а создаются писателем путем использования лингвистических средств и особой структурной организации текста в целом. Этот факт заставляет нас обратиться к анализу целостного текста.

Заглавие рассказа символично. «Синяя птица» издавна считается символом счастья. С некоторой долей вероятности читатель предполагает, что речь пойдет о достижении счастья или обретении его, что подтверждается первой строкой рассказа: «*There was a woman who loved her husband*». Автор вводит образ супружеской пары. Однако уже в начале рассказа создается впечатление какого-то странного взаимного отталкивания, о чем свидетельствуют фразы: ... yet he couldn't live with her..., kept a thousand mile apart... can't live together...

В рассказе имеется третий персонаж — мисс Рэкселл — секретарша мужа, которая его очень любит. В тематических сетях, рисующих ее образ, выделяются три взаимодополняющих

ряда: 1) усталость — worn out, eyes half blinded with work, overworked woman; 2) незащищенность, простота — common little secretary, nervously twisting her fingers, silent, birdy, simple; 3) обожание, преданность — She adored him, slaved to him to skin and bone, slavish devotion, having nothing to contradict. Ведущим значением в описании этой женщины является «преданность», «умение раствориться в другом существе». Этот семантический стержень объединяет слова и фразы, рисующие отношение мисс Рэкселл к герою рассказа. Он для нее — a boss, a chief, a man who dictates, тогда как для жены он — a shred of a man. Жена вводила его в долги — helped him into debt and was an expensive item. Мисс Рэкселл не требовала большой платы за свою работу, зная о его долгах. Они ничего не требовала взамен, кроме возможности служить ему: «I was happy working with him» — cried miss Wrexal, — «But he gives me everything». Работать для своего кумира — смысл ее жизни. Интересно наблюдать за тем, как в рассказе обыгрывается местоимение *everything*, обрастаю контрастными значениями в устах обеих женщин: для мисс Рэкселл *everything* — жизнь от сознания, что предмет любви рядом. Жить для нее — служить ему. Для другой женщины *everything* — тоже жизнь, но когда ей отдают все. Контраст подчеркнут и местоимением *nothing*. Предложение «You've got everything for nothing», обращенное женой к мужу, в полной мере может быть отнесено к ней самой. Она, как и ее муж, эксплуатирующий любовь секретарши, получает все, не давая взамен ничего. Рассказ дает интересный случай использования неполнозначных слов (местоимений) в качестве лейтмотивных.

В контексте сказанного глубже воспринимается метафоричность слов, раскрывающих хищную натуру жены героя. В начале рассказа о ее отношении к мужчинам говорится: «By all means put them in pickle, make pickled cucumbers of them». «She could more or less fathom the idea of pickled cucumbers». О ее муже автор замечает: «He himself had been well pickled». Но в полной мере смысл этих фраз осознается ретроспективно, когда читатель обнаружит метафорический повтор в описании внешности жены героя, акцентирующем «хищность» ее натуры: «looking down as a wolf, ...she went quietly along the hedge, somewhat wolflike in the prowl, a broad strong woman in an expensive mustard-coloured silk jersy and cream-coloured pleated skirt. Her legs were long and shapely..., with a curious wolf-like stealth she turned the hedge and looked across...» Этот отрывок помогает читателю выделить конвергенции стилистических приемов, где обращает на себя внимание повтор слова *wolf*, благодаря которому приобретают дополнительное значение и эпитеты, имитирующие цвет и повадки волка: mustard-coloured, long legs, broad, strong. Это сходство эксплицитно выражено сравнениями: looking down as a wolf..., with a curious wolf-like stealth she turned the hedge. Эти слова благодаря конвергенции приобретают метафорическое зна-

чение «хищность». Наиболее объемно по значению *wolf*. Как утверждает И. А. Калинина, символом становятся те слова, метафоричность которых подчеркнута конвергенцией и частотностью употребления, т. е. повтором. Под символикой И. А. Калинина понимает «систематическое, целенаправленное использование метафор для создания многопланового сложного образа, несущего большой заряд выразительности и характеризующийся высокой степенью обобщения» /3/.

Образ мисс Рэкселл контрастен. Стиль пейзажной зарисовки, на фоне которой она появляется, чрезвычайно красочен. Как всегда, в произведениях Лоренса он способствует раскрытию чувств и характеров. Красочные эпитеты рисуют весенний сад. Превалируют голубые цвета или ассоциации с ними: «*She went down the garden in the warm afternoon, when birds were whistling loudly from the cover, the sky being low and warm... The garden was full of flowers: he loved them for their theatrical display. Lilacs and snowball bushes, and laburnum..., tulips and anemones, and coloured daisies. Lots of flowers! Borders of forget-me-nots! Bachelors buttons! What absurd names flowers had! She would have called them blue dots and yellow blobs and white frills. Not so much sentiment, after all!*

There is a certain nonsense, something showy and stagey about spring, with its pushing leaves and chorus-girl flowers, unless you have something corresponding inside you. Which she hadn't...

Интересно малозначащее на первый взгляд предложение: «*Unless you have something corresponding inside you. Which she hadn't...*» Оно относится к жене героя. Эта женщина не живет в унисон с природой. Ее эмоции не созвучны природе. Соотнося мысленно эти слова с предыдущими отрывками, рисующими характер жены героя, читатель наполняет их добавочным смыслом. Они символизируют душевную холодность.

Внезапно внимание женщины привлекает птичка, порхающая у ног секретарши, сидевшей в саду с ее мужем.

«*But what did startled her was a blue bird dashing about near the feet of the absorbed, shortened, scribbling little secretary. At least it was a blue-tit, blue with grey and some yellow. But to the wife it seemed blue, that juicy spring day, in the trancelucent afternoon. The blue bird fluttering round the pretty but rather common little feet of the little secretary. The blue bird! The blue bird of happiness!*» И снова конвергенция высвечивает этот сегмент текста, где обращает на себя внимание повтор эпитета *blue* как в описании природы, так и в описании птицы, что создает особую эмоциональность. Птичка порхает у ног мисс Рэкселл — *dashing about near the feet of a secretary*. Это создает некий идиллический образ счастья. Не ассоциируется ли с весной и теплом образ мисс Рэкселл? Аналогия в описании природы и одежды мисс Рэкселл, подчеркнутая повтором *blue*, убеждает нас в этом. *The little secretary reappeared on the lawn in a chicory-blue dress.*

Сопутствующий эпитет *birdy* окончательно убеждает нас в символичности слова *bird*. Это заставляет читателя соотнести слова *the blue bird of happiness* с образом мисс Рэкселл. Это она — синяя птица счастья.

Контраст двух символических образов *bird* и *wolf* создает контрастные характеры, в которых превалирует «хищное» начало и душевная теплота.

Не только мисс Рэкселл, но и жена героя сравниваются с синей птицей. Образ ее в конце рассказа тоже дается в окружении эпитета *blue*. На ней тоже синее плаТЬе — «*The two women looked at each other's blue dresses*».

Какой же стилистический смысл этой аналогии? Повтор эпитетов в описании природы и обеих героинь заставляет вернуться к описанию птиц, борющихся в саду: «... appeared another blue bird, another blue-tit and began to wristle another, the first blue-tit. A couple of two blue birds of happiness, having a fight over it». Здесь автор эксплицитно говорит о борьбе двух женщин. Слова *fighting birds* повторяются так же, как и фразы, ассоциирующиеся с образом борьбы: *picking up little breast feather, see how the feather fly, she got the feather on the tip of her finger*. Это описание все время прерывается описанием жены героя, содержащим эпитеты, несущие сему «хищность». Они позволяют осмысливать ее образ, если и содержащий сравнение с птицей, то только с хищной.

Из сообщений, контрастно и аналогично направленных словами *bird* и *wolf*, обретается дополнительное контекстуальное приращение смысла. Это наиболее емкие доминанты текста, что позволяет назвать их символами. Сопутствующие эпитеты в контрастных и аналогичных сегментах текста помогают вызвать соответствующие ассоциации, связанные с этими образами. Доминантами текста делает их тот факт, что ассоциации, вызываемые ими, возникают как благодаря их взаимодействию с единицами макроконтекста всего рассказа, так и за счет экстралингвистических факторов.

«Сущность образа,— писал Л. В. Щерба,— состоит в многообразии сопутствующих ассоциаций. Однако это многообразие не бесконечно, и все искусство художника состоит в том, чтобы направить возможные и необходимые, хотя и нечеткие ассоциации по определенному пути, дело же критика и толкователя вскрыть эту направленность и указать те выразительные средства, которые употребил в данном случае художник» /4/. Вскрыть необходимые ассоциации в анализируемом тексте помогают конвергенции стилистических приемов, где доминируют эпитеты и прежде всего эпитеты в контрастно и аналогично направленных сообщениях. Это позволяет прочитывать текст «дважды». Именно контрасты и аналогии позволяют обеспечить ретроспекцию, объясняемую в современных работах по теории текста как «постоянство возвращений к предыдущему тексту и возвращений к

целому, что обозначает повышенную упорядоченность...» /5/. В образно-смысловом плане текст рассказа направлен на изображение постепенного нарастания борьбы за счастье, которое каждый из персонажей понимает по-своему: счастье брать или отдавать. Голос автора отчетливо звучит в концовке. Удивленная мисс Рэкселл спрашивает: «Неужели ей можно завидовать или ревновать к ней мужа?» На что герой отвечает: «Несомненно!» — «And really any woman be jealous of me?» «Quite!» he said».

Для Лоренса умение любить — это умение полностью раствориться в другом существе. Писатель всегда утверждает мысль о всепобеждающей силе любви — растворении в другом, о всепобеждающей силе эмоционального начала в человеке. Наиболее яркому выражению этой мысли и служит символический образ «синей птицы» — мисс Рэкселл.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Символ позволяет установить лейтмотивную идею произведения.

2. Символические образы не возникают сами по себе, а создаются писателем путем умелого использования языковых средств и структурной организации текста в целом. Их нахождению способствует упорядоченность текста.

3. В упорядоченности анализируемого текста и, следовательно, в контекстуальной расшифровке образов-символов ведущая роль принадлежит принципам выдвижения смысла, интегрирующим все части текста и подчиняющим их общей идеи.

4. Контекстуальной расшифровке образов-символов в рассказах Лоренса способствуют такие принципы выдвижения, как конвергенции эпитетов, метафор, сравнений; аналогии и контрасты.

5. Аналогии и контрасты способствуют ретроспективному прочтению всего текста и восприятию глубинного значения образов-символов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

/1/ Сильман Т. И. Лексические связи как средство организации лирического стихотворения.— ИАН СССР. Серия языка и литературы, т. 38, 1979, № 2, с. 117.

/2/ Сильман Т. И. Подтекст как лингвистическое явление.— НДВШ, 1969, № 1.

/3/ Калинина И. А. Структура символического образа в романе Д. Г. Лоренса «Любовник леди Чаттерли».— В сб.: Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975, с. 59.

/4/ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку.— М., 1957, с. 101.

/5/ Чебаевская Е. Н. О содержании и лингвистическом выражении поэтического мотива в художественном прозаическом тексте.— В сб.: Интерпретация художественного текста в языковом вузе. Л., 1983, с. 140—141.

/6/ Lawrence D. N. Two Blue Birds. The Woman Who Rode Away.— Penguin Books, 1978.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Значение любого предложения имеет сложную структуру. Об этом свидетельствует тот факт, что лингвисты до сих пор не пришли к единому мнению о том, как интегрируется общий смысл предложения, какие содержательные компоненты образуют его семантическую структуру и в какой взаимосвязи они находятся. Обращение лингвистов к семантическому аспекту предложения позволило сделать вывод об отсутствии обязательного однозначного соотношения семантической и синтаксической структур предложения. Этот вывод оказывается актуальным при рассмотрении семантической структуры вопросительно-отрицательных предложений (ВОП).

В данной статье делается попытка рассмотреть семантическую структуру ВОП как сложную единицу плана содержания, разложимую на составляющие, элементарные семантические компоненты (семы).

Анализ по семам, или компонентный анализ /1/, позволяет установить механизм модификаций ВОП. Исходя из концепции В. Г. Гака /2/ о наличии разнозначимых сем внутри семантической структуры слова, в семантической структуре ВОП выделяются основные семы — семы вопросительности и отрицания и ряд потенциальных сем, актуализация которых происходит при определенных условиях. Под воздействием всевозможных лингвистических и экстралингвистических факторов могут происходить изменения в соотношении и составе сем — нейтрализация одних сем и актуализация других.

Таким образом на синтаксическом уровне в значении ВОП можно выделить две семы: 1) сему вопросительности и 2) сему отрицания. Большинство ВОП актуализируют именно эти две семы, например: *Haven't you done it? Why didn't you come yesterday?* Функция вопроса здесь выражена четко, причем запрос об информации осуществляется в негативной форме.

Однако, по признанию ряда авторов, данное значение ВОП может быть модифицировано в речи; часто структура ВОП используется для передачи таких значений, как сообщение, побуждение, дубитативность (сомнение), просьба и т. д. Значение таких предложений не выводится из значения формальной синтаксической структуры и из суммы значений конституентов этих ВОП. Наличие модификаций ВОП свидетельствует о том, что, помимо основных сем, в семантической структуре ВОП существуют потенциальные семы. На основе анализа фактического материала и с помощью компонентного анализа на коммуни-

кативном уровне можно выделить следующие потенциальные семы в семантической структуре ВОП: «апелляция», «сообщение», «ассертивность» /3/, «побуждение», «дубитативность». В процессе функционирования ВОП в речи происходит нейтрализация основных сем и актуализация одной из сем коммуникативного уровня.

По мнению ряда авторов (К. Бюлер, А. Б. Исаченко, И. П. Распопов), отличительной чертой всех вопросительных предложений является апелляция к слушателю с целью вызвать его реакцию. В отличие от повествовательного вопросительное предложение обязательно требует собеседника или обращенности к себе при употреблении местоимения 1 лица единственного числа. Это позволяет выделить сему апелляции в семантической структуре ВОП. В некоторых ВОП эта сема приобретает доминирующий характер, образуя особый вид ВОП — апеллятивный вопрос типа *Don't you know? Don't you see? Don't you think?* Семантическая структура апеллятивного вопроса, по мнению Л. П. Чахоян /4/, включает запрос по поводу отношения собеседника к факту или апелляцию к мнению собеседника по поводу оценки факта.

Анализ фактического материала показывает, что ВОП часто используются для выражения сообщения, например: *Isn't this bliss? Doesn't he look smashing?* Данные формально вопросительные структуры актуализируются как сообщение. Говорящий не ставит себе целью получение какой-то информации, он апеллирует к собеседнику с целью сообщения, передачи своих мыслей. Вопросительная форма придает высказыванию эмоционально-экспрессивный характер. В этих предложениях сема вопроса отодвигается на второй план, заглушается, реализуется сема «сообщение» и происходит нейтрализация членов бинарной оппозиции вопросительное предложение/повествовательное предложение. Трансформация ВОП в повествовательное предложение и уместность такого трансформированного предложения в контексте подтверждает наличие семы «сообщение» в семантике ВОП.

Isn't this bliss? — I think this is bliss.

Doesn't he look smashing? — I think he looks smashing.

Приведенные выше ВОП в функции сообщения показывают, что, несмотря на присутствие формального сигнала отрицания — частицы *not*, на коммуникативном уровне эти предложения идентифицируются как утвердительные: *Isn't this bliss?* означает *This is bliss*, *Doesn't he look smashing?* — *He looks smashing*. Следовательно, в этих предложениях происходит двойная нейтрализация: с одной стороны, нейтрализуется оппозиция вопрос/сообщение, с другой — оппозиция отрицание/утверждение. Это наводит на мысль о том, что в семантической структуре ВОП потенциально присутствует и сема «ассертивность», которая актуализируется в процессе коммуникации при определенных условиях, при этом сема «отрицание» нейтрализуется.

Сема «ассертивность» актуализируется и в предложениях типа *Why don't you eat something?* Здесь семы вопроса и отрицания заглушаются. Предложение имеет значение суггестивности: *I suggest you eating something*. В данном предложении также происходит двойная нейтрализация оппозиций: утверждение (ассертивность)/отрицание и вопрос/побуждение.

Употребление ВОП в функции побуждения общеизвестно. По мнению Т. В. Валимовой /5/, сема «побуждение» в роли потенциальной всегда присутствует в семантике вопросительного предложения и связана с выполнением вопросительным предложением различных апеллятивных функций. Сема «побуждение» в рамках ВОП может иметь несколько разновидностей. Структура ВОП употребляется для выражения:

- 1) суггестивности — *Wouldn't you like some coffee?*
- 2) просьбы — *Couldn't you open this window?*
- 3) приглашения — *Won't you please come in?*
- 4) смягченного приказа — *Why don't you kids shut up?*

Во всех ВОП сема вопроса нивелируется и актуализируется сема побуждения. Значение побуждения подтверждается возможностью трансформации ВОП в побудительное предложение:

<i>Wouldn't you like some coffee?</i>	— <i>Have some coffee, please.</i>
<i>Couldn't you open the window?</i>	— <i>Open the window, please.</i>
<i>Won't you please come in?</i>	— <i>Come in, please.</i>
<i>Why don't you kids shut up?</i>	— <i>Shut up, kids.</i>

Как правило, трансформированные предложения оказываются уместными в исходном контексте.

В качестве потенциальной в семантической структуре ВОП выделяется также сема «дубитативность». В предложениях, где сема дубитативности выдвигается на первый план, спрашивающий выражает свое субъективное отношение к высказанному, проявляет сомнение в реальности интересующего его факта, например: *Isn't there some back way?* *Isn't that Mr. Smith?* Особенностью этих предложений является выражение сомнения, неуверенного предположения относительно реальности или правдоподобности ситуации, события, факта. Данные ВОП носят позитивный характер с некоторой долей неуверенности. Значение их можно представить с помощью следующих перифразированных предложений:

<i>Isn't there some back way?</i>	— <i>I suppose there is some back way.</i>
	— <i>I guess there is some back way.</i>
<i>Isn't that Mr. Smith?</i>	— <i>I suppose that is Mr. Smith.</i>
	— <i>I guess that is Mr. Smith.</i>

Вновь полученные предложения свидетельствуют о наличии семы дубитативности в семантической структуре этих ВОП. При введении любого из перифразированных предложений в исходный контекст они оказываются контекстно уместными.

Таким образом, анализ семенного состава ВОП говорит о многозначности этого типа предложений и дает представление о механизме вариативности одной и той же структуры. Однако надо отметить, что актуализация сем коммуникативного уровня происходит только при определенных условиях, и в качестве актуализаторов /6/ сем коммуникативного уровня могут выступать:

1. Семантическая структура глагола *сказуемого*. Так, при актуализации семы «сообщение» сказуемое обычно выражено связкой *to be* или *to look* + прилагательное или существительное качественной оценки. При актуализации семы «ассертивность» употребляются глаголы, в семантической структуре которых существует сема оценочности. Это глаголы *to like*, *to love* и другие, например: *Don't you like everyone?* Сема «побуждение» актуализируется при условии, если сказуемое выражено глаголом настоящего или будущего времени, формой сослагательного наклонения, или в состав сказуемого входят глаголы *can*, *will*, *to be about*, *to be going*. В так называемых *why-don't-you* предложениях глагол, как правило, употребляется в настоящем времени с вспомогательным глаголом *do*, при этом он должен относиться к группе динамичных глаголов.

2. Лексический состав ВОП выступает в качестве актуализатора сем коммуникативного уровня.

Так, появление местоимения *some* в структуре ВОП свидетельствует о нейтрализации семы «отрицание» и актуализации семы «ассертивность». Это происходит потому, что *some* относится к числу утвердительных слов, которые являются формальными сигналами общего позитивного смысла предложения. Об актуализации семы «ассертивность» говорит и наличие в предложении таких наречий, как *still*, *already*, *always*. В семантике этих слов присутствует сема «ассертивность», так как их значение предполагает реализацию действия. Они, так же как и местоимение *some*, относятся к числу утвердительных слов, сигнализирующих о позитивной ориентации в предложении, например: *Are'n't there some grown-ups? Don't you always need leaders?* Наличие модального слова *perhaps* в структуре ВОП свидетельствует об актуализации семы «дубитативность», поскольку в его семантическую структуру входит сема сомнения, неуверенности, например: *Are'n't you perhaps in danger of seeing spies everywhere?*

3. Тип персональности также может служить актуализатором сем коммуникативного уровня. Реализация семы «побуждение» происходит при условии, если подлежащее выражено местоимением *you*, которое указывает на непосредственное обращение к адресату действия, или местоимением *we* при реализации значения побуждения к совместному действию, например: *Can' we have a talk somewhere?*

4. Структура предложения иногда также может выступать в качестве актуализатора. Интерес в этом плане представляют ВОП с оборотом *there is*. С семантической точки зрения предложение с этим оборотом выражает бытийность, или локализацию, предмета в пространстве, причем существительное в функции подлежащего употребляется только с неопределенным артиклем как обозначающее предмет или понятие, которое является ремой в актуальном членении предложения. Поэтому этой структуре присущее значение введения нового. В ВОП происходит функциональное усиление этого значения, причем большую роль в этом играет значение глагола. Как следствие этого в структуре актуализируется сема «дубитативность», например: *Isn't there a screwdriver somewhere in this house?*

5. Контекст является одним из основных актуализаторов сем коммуникативного уровня. При условии многозначности языковых форм значение их может быть раскрыто только на фоне окружающих эти формы элементов, следовательно, контекст является решающим фактором при установлении истинного содержания соответствующих языковых форм. Однако для ВОП одного верbalного контекста бывает недостаточно для определения истинного значения предложения. Здесь играет большую роль знание конситуации в целом, так как иногда одно и то же предложение может иметь разный смысл в разных конситуациях.

Таким образом, рассмотрение семантической структуры ВОП выявило полисемный характер вопросительной структуры. Актуализация сем есть результат сложного взаимодействия целого ряда факторов в структуре значения. В результате этого взаимодействия на первый план выдвигается та или иная сема, что ведет к функциональному сдвигу в семантической структуре предложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Компонентный анализ исходит из того, что семантическая структура отдельной языковой единицы принимается как совокупность элементарных смыслов (сем), составляющих значение этой единицы.

/2/ Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971.— М., 1972.

/3/ Для более четкого разграничения сем «сообщение» и «утверждение» употребляется термин «ассертивность» в значении положительного утверждения.

/4/ Чахоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка.— М., 1979, с. 81.

/5/ Валимова Т. В. Синонимия вопросительных предложений.— В кн.: Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-на-Дону, 1978, с. 21.

/6/ Актуализатор — языковое средство, при помощи которого виртуальные элементы языковой системы соотносятся (связываются) с действительностью речевого общения, т. е. знаку (единице, элементу) языка сообщается определенная функция, раскрывается его реальное значение в данном конкретном контексте. (См. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов.— М., 1966, с. 86).

ИНФИНТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ *UM ZU* В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Среди многочисленных трудов, посвященных изучению инфинитивной конструкции *um zu*, видное место занимает работа датского лингвиста Г. Бека «Исследования неличных глагольных форм в немецком языке» (G. Bæk. Studien über das Verbum infinitivum. Bd. 2.— København, 1955), снискавшая одобрение многих известных отечественных и зарубежных германистов. (Далее ссылка на эту работу в тексте: Бек с.).

Настоящая статья посвящена изложению взглядов Г. Бека на инфинитивную конструкцию *um zu*, являющуюся уже довольно продолжительное время актуальным объектом исследования лингвистов.

Отдавая должное общепризнанному авторитету Г. Бека в исследовании инфинитивной конструкции *um zu*, вместе с тем хотелось бы сделать ряд существенных уточнений в связи с определенной непоследовательностью и противоречивостью отдельных аспектов в его изложении вопросов, входящих в проблематику инфинитивной конструкции *um zu*.

В названной статье Г. Бек рассматривает инфинитивную конструкцию *um zu* с точки зрения семантических отношений между предложением-носителем, которое он называет главным полем, и инфинитивной конструкцией *um zu*, определяемую им как инфинитивное поле. Ставятся следующие вопросы:

- 1) логический субъект инфинитивной конструкции,
- 2) семантические отношения между полями,
- 3) синонимы инфинитивной конструкции *um zu*.

Логический субъект инфинитивной конструкции *um zu*, по мнению автора, зависит от грамматических и семантических обстоятельств. Логическим субъектом инфинитивной конструкции может быть существительное, стоящее в именительном, винительном, дательном или родительном падеже, но чаще всего это существительное в именительном падеже, т. е. подлежащее предложения-носителя. Например: *Der Dozent rief sie auf, dieses Referat zu halten. Er blieb stehen, um auf seine Nachbarin zu warten.* Г. Бек делит все инфинитивные конструкции *um zu* на детерминативные и недетерминативные.

С точки зрения Г. Бека, детерминативное инфинитивное поле дает «более конкретную семантическую характеристику» какой-либо единице или «составной части» главного поля (Бек, с. 102). Г. Бек предлагает называть такую единицу главного поля детерминатом.

Недетерминативное поле, по его мнению, не имеет такой определяющей функции и, следовательно, не содержит никак-

кого детермината. Г. Бек делает вывод о том, что недетерминативное поле обычно имеет финальное значение.

Итак, оппозицию 'детерминативность — недетерминативность инфинитивного поля автор считает главным критерием при определении семантических отношений между полями и при выделении финальных отношений из всех других.

Говоря об инфинитивах Г. Бек предлагает следующую терминологию: экспликант и экспликат. Приводится пример: *Ich liebe es, lange zu schlafen*, где *es* — экспликант, *lange zu schlafen* — экспликат; и утверждается, что *Explikant expliziert das Explikat*. Соответствующая импликативная конструкция, по Г. Беку: *Ich, liebe, lange zu schlafen*. Экспликантами, как устанавливает автор, выступают слова: *es* (Nom.), *es* (Akk.), *das*, *dies*, *da*, *so*, т. е. дейктические слова, основная особенность которых, как утверждают многие лингвисты, состоит в том, что они не имеют собственного предметно-логического содержания, лежащего в основе лексического значения. Поэтому экспликацию Г. Бека нужно понимать, видимо, в грамматическом плане.

При сопоставлении вышеназванных моментов можно усмотреть некоторое противоречие, которое становится очевидным, если проанализировать примеры, приведенные далее автором в подтверждение тезиса о детерминативности — недетерминативности: *Müller muß nach Hamburg reisen, um mit Schmidt zu verhandeln*. Автор говорит, что «в зависимости от обстоятельств» (Бек, с. 102) инфинитивное поле в данном предложении можно трактовать как детерминативное и как недетерминативное. Это предложение, по мнению автора, семантически двусмысленно. Оно обозначает: или *Wenn Müller mit Schmidt verhandeln will / soll, muß er nach Hamburg reisen*. (Значит, Мюллер не может вести переговоры со Шмидтом, не поехав в Гамбург); или: *Müller muß nach Hamburg reisen — und zwar zu dem Zweck, mit Schmidt zu verhandeln*. При первой интерпретации, говорит автор, необходимость заложена в инфинитивной конструкции и она указывает на вид необходимости, т. е. поле инфинитивное является детерминативным, определяющим *muß*. При второй интерпретации, по его мнению, необходимость основывается не на том, что выражается инфинитивным полем, а на чем-то другом, «на каком-то другом несобщенном обстоятельстве» (Бек, с. 102), и инфинитивная конструкция является, по мнению автора, недетерминативной. Следуя рассуждениям автора, констатируем факт, что не только инфинитивная конструкция определяет контекстуальное значение детермината, но и детерминат (в нашем примере *muß*) влияет на «семантическую функцию» детерминативного поля, в то время как «значение недетерминативного поля не зависит ни от каких элементов главного поля» (Бек, с. 103).

Проводится проба на подстановку. При первой интерпретации вышеприведенного предложения *muß* релевантно для значения инфинитивной конструкции. Если *muß* заменить, например глаго-

лом *werden*, то такая подстановка повлечет за собой изменение семантической функции инфинитивной конструкции. Это поле уже не будет, по мнению Г. Бека, детерминативным, так как глагол *werden* не обладает способностью выступать как детерминат. Но семантическое значение неразрывно связано с синтаксическим. Г. Бек, по нашему мнению, не доводит до конца данное рассуждение.

При второй интерпретации такая подстановка не имеет никакого влияния, как замечает автор, на финальное значение инфинитивной конструкции, и ти β здесь нерелевантно для этого значения.

Из сказанного представляется возможным сделать следующие выводы и замечания:

I. 1) Г. Бек говорит о финальном типе во второй интерпретации, но не называет, какие отношения, какое значение имеет инфинитивная конструкция в первой интерпретации;

2) Г. Бек недостаточно четко определяет термин «семантическая функция» и «финальное значение инфинитивного поля»;

3) Остается неясным, почему с точки зрения Г. Бека глагол *müssen* обладает способностью быть детерминированным, а *werden* не обладает такой способностью.

II. 1) Как известно, глагол *müssen* имеет основное значение — долженствование, объективная необходимость, т. е. необходимость, независимо от субъекта, и в предложении: Müller ти β nach Hamburg reisen, *um mit Schmidt zu verhandeln* инфинитивная конструкция выступает в синтаксической функции обстоятельства причины;

2) Проба на подстановку опровергает положение Г. Бека о детерминативной роли инфинитивной конструкции. При одной и той же инфинитивной конструкции замена глагола *müssen* на глагол *werden* в предложении-носителе имеет следствием смену семантических отношений между полями, т. е., значит, и изменение синтаксической функции инфинитивной конструкции.

Следовательно, в диалектическом взаимоотношении предложение-носитель — инфинитивная конструкция следует говорить в первую очередь об определяющем значении предложения-носителя или каких-то его элементов, например глагола *müssen*, при выявлении синтаксической функции инфинитивной конструкции. Значит, *müssen* можно назвать детерминантом или одним из детерминантов синтаксической функции обстоятельства причины, выражаемой инфинитивной конструкцией *um zu*.

Следуя принятому делению инфинитивных конструкций на детерминативные и недетерминативные, автор рассматривает далее детерминативные группы. Анализу подлежат предложения с *um zu*, где в предложении-носителе присутствуют следующие слова и конструкции: *brauchen*, *bedürfen*, *nötig*, *notwendig*, *geboten*, *genötigt*, *gezwungen*, *vonnötigen*, *benötigen*, *nottun*, *haben + zu + Inf. (übrig) bleiben / Inf. kosten*, имеющие в своей семантической

структуре значение «необходимость» и которые, будучи употребленными в предложении-носителе, модифицируют его значение как «необходимая предпосылка», а также *genügen, ausreichen, hinreichen, genug, hinlänglich, genügend, ausreichend, hinreichend* и *so* со значением «достаточная предпосылка»; кроме этого *nicht genug, (all) zu, fehlen, ermangeln, kein, versagen, verlorengehen, nichts, nicht so + Adj., verzichten* — со значением «недостаточная, отсутствующая предпосылка» для реализации инфинитивного поля.

Особенностью недетерминативного поля, по мнению Г. Бека, является отсутствие «специфической семантической связи» (Бек, с. 121) с каким-либо членом поля, а отсюда автор делает вывод, что такая недетерминативная, т. е. финальная инфинитивная конструкция может стоять при любом главном поле.

Данный тезис, на наш взгляд, является не совсем правильным, так как неправильна посылка. Инфинитивная конструкция в данной функции, т. е. финальной, может действительно стоять при любом главном поле, за исключением полей с детерминантами других функций.

Г. Бек отмечает, что в подобном употреблении *um zu* обозначает намерение, цель того, что выражено в главном поле. Значение главного поля — предпосылка, условие.

В предложениях подобного типа субъектом инфинитивной конструкции, как правило, является подлежащее предложения-носителя, но бывают и исключения. Автор рассматривает примеры: *Um den Streit zu schlichten, schickte der Vater den Sohn nach Hause* (субъект, по мнению автора, *der Vater*) *Der Vater schickte den Sohn nach Hause, um den Streit zu schlichten* (субъект, по мнению автора — *den Sohn*). Обе конструкции автор рассматривает как финальные, отличающиеся только логическим субъектом действия инфинитивной конструкции.

Иначе говоря, ничем не мотивируя свою точку зрения, Г. Бек утверждает, что в двух предложениях с идентичным лексическим наполнением субъекты действия инфинитивной конструкции *um zu* разные.

Думается, что разносубъектность инфинитивных конструкций *um zu* в одинаковых предложениях, приведенных Г. Беком в качестве примера, обусловлена структурным фактором, т. е. порядком слов. Перестановка инфинитивной конструкции первого места в предложении на последнее повлекла за собой изменение синтаксической функции инфинитивной конструкции *um zu*.

Язык — система очень гибкая, обладающая богатым арсеналом различных средств. Если нет лексических детерминант определенной функции инфинитивной конструкции *um zu* в предложении-носителе, то вступают в силу другие факторы, например порядок слов.

На наш взгляд, в первом предложении *um zu* имеет значение причины, а во втором — цели. В первом предложении субъект

действия инфинитивной конструкции — *der Vater*, а во втором — субъектом может быть и *den Sohn*. Для определения субъекта в данном предложении необходим, по нашему мнению, контекст.

В разделе финальных отношений рассматриваются *im zu* в значении временной последовательности (*der begleitende Umstand*) (Бек, с. 124), определения и отношения к собственному высказыванию (*Bezeichnung einer Äußerung*) /8/ (Бек, с. 125).

Касаясь вопроса синонимии, автор устанавливает следующие отношения: инфинитивная конструкция *im zu*, придаточное предложение определительное, цели, предложения с *wollen* (*sollen*), а также предложные конструкции с *zu*, реже с *für* и сложносочиненные предложения с *und*.

Итак, Г. Бек рассматривает все вопросы, связанные с инфинитивной конструкцией *im zu*, исходя из лексического наполнения данной конструкции и всего предложения в целом. При анализе семантических отношений между полями автор определяет некоторые семантические категории, релевантные для тех или иных синтаксических функций инфинитивной конструкции *im zu*, что является, по нашему мнению, наиболее ценной частью его работы.

Но исследуя почти все типы семантических отношений между предложением-носителем и инфинитивной конструкцией, Г. Бек не выходит на синтаксический уровень в плане традиционных членов предложения, за исключением определения финального типа, в чем можно усмотреть некоторую непоследовательность.

Г. Бек недостаточно четко разграничивает финальное значение и значения временной последовательности, определения и отношения к собственному высказыванию.

Исследуя почти все типы семантических отношений между полями, не называя синтаксических функций инфинитивной конструкции, автор тем не менее рассматривает их синтаксические синонимы, что является, по всей вероятности, несколько преждевременным.

Принимая во внимание рассуждения Г. Бека по поводу вопроса о детерминатах, оппозицию детерминативность/недетерминативность можно, очевидно, заменить оппозицией детерминированность/недетерминированность инфинитивной конструкции.

И наконец, Г. Бек говорит в первую очередь о детерминативности на лексическом уровне. Но, видимо, инфинитивная конструкция *im zu*, точнее ее синтаксические функции могут быть детерминированы как семантическими категориями, так и грамматическими, включающими в себя также и структурный фактор — порядок слов.

Л. М. НИКОЛАЕВА

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
И ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В ВЫРАЖЕНИИ ВРЕМЕННОГО ПЛАНА
ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

(на материале современного немецкого языка)

Проблема категории времени — одна из кардинальных в философии, так как предметы и явления реального мира обязательно существуют во времени и в пространстве. Временная структура действительности неизбежно отражается в человеческом сознании, а значит и в системе языка, так как язык и сознание представляют собой неразрывное единство.

Выражение временных отношений в языке обязательно для любого предложения. Совокупность средств, используемых в немецком, как и в любом другом языке, для выражения категории времени, отличается большим многообразием. Временные отношения в немецком языке выражаются как системой временных форм глагола, так и различными лексико-грамматическими конструкциями и словами: наречиями, именными и предложно-адвербальными конструкциями, придаточными предложениями с союзами и союзными словами с семантикой темпоральности.

Это позволяет представить систему средств выражения временных отношений как сложную структуру грамматического значения темпоральности.

Целью данной работы является анализ некоторых лексических средств выражения временного отношения, которые по-разному участвуют в формировании временного плана предложения.

Обращение к таким нетипичным средствам выражения временных отношений, как лексические и лексико-грамматические конструкции, обусловлено не только недостаточной полнотой их исследования, но и оправдано принципиально, так как это позволяет рассматривать систему временных отношений с точки зрения функциональной лингвистики, в направлении от значения к форме (или от функции к средствам).

Анализ грамматических единиц от значения к форме широко используется в современной лингвистике не только в теоретическом аспекте, но и для практических целей как принцип описания языкового материала при обучении родному и иностранным языкам, что способствует их активному усвоению. Поэтому современные лингвистические исследования в значительной степени ориентированы на функциональный аспект, в том числе и грамматические исследования. В связи с этим в настоящее время получила новый импульс функциональная грамматика, которая предполагает «изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами раз-

ных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания» /1/.

Функциональный подход в современной теории научного знания теснейшим образом связан с принципом асимметричности дуализма языкового знака, предполагающим отсутствие изоморфизма, однозначного соответствия формы и содержания. Функционально-грамматические исследования позволяют представить в единой системе разнородные, разноуровневые языковые средства, служащие для выражения семантики языковой единицы (например, грамматические, лексические, контекстуальные), а также выявить так называемые «скрытые» грамматические значения, которые, как отмечает С. Д. Кацельсон, оказываются «запрятанными в значениях слов и синтаксических связях слов и предложений» /2/.

В дальнейшем изложении представлен опыт типологии лексических показателей темпоральности и показана их роль в выражении различных временных оттенков действия в предложении или более сложном синтаксическом целом.

По своей морфологической принадлежности лексические средства выражения временных отношений подразделяются на именные и адвербиальные слова и словосочетания.

Именные средства выражения темпоральных отношений включают следующие лексико-семантические разряды:

1. Именные формы и сочетания, выражающие обобщенные временные понятия: *in der ersten Zeit*, *einen Augenblick*, *eine neue Epoche*.

2. Слова и сочетания, указывающие на временные отрезки определенной продолжительности: *zwei Stunden*, *voriges Jahr*, *am diesem Tag*, *zu selben Minute*.

3. Слова и сочетания, характеризующие временные отрезки с точки зрения природного цикла или календарной системы: *am Sonntag*, *an diesem Nachmittag*, *jeden Morgen*, *im Herbst*.

4. Именные группы с семантикой времени, указывающие на связь с моментом речи или действия: *in der Vergangenheit*, *in der Zukunft*, *am Vorfabend*, *am Anfang*, *am Ende*.

5. Среди именных групп, служащих для выражения временных отношений, выделяются словосочетания, которые имеют как бы окказиональное временное значение. Это словосочетание, семантика которых сама по себе не имеет временного значения, однако в определенном контексте такие сочетания способны представлять событие в определенном временном пространстве:

1. *Nach der Besprechung*, *in seiner Wohnung*, *sagte Richard...* (Seghers, 65)

2. *Nach der Sendung erklärte der Lehrer...* (Schlott, 48).

Как правило, ядром подобных сочетаний являются процессуальные существительные (*nach der Besprechung*, *beim ersten Schluck*), а также непроцессуальные существительные, обозначающие социально значимые события (*im zweiten Weltkrieg*, *nach der Großen Oktoberrevolution*).

Адвербиальные группы представлены в нашем материале следующими семантическими разрядами слов и словосочетаний:

1) с указанием на время по отношению к моменту речи или событию (*morgen, heute, damals, jetzt, halb, gestern*);

2) с указанием на продолжительность протекания действия (длительность или мгновенность): *lange, tagsüber, ständig, sofort, gleich*;

3) с указанием на порядок следования действия или события во времени (раньше, позднее, одновременно): *zuerst, später, zuletzt, früher, dann, vorher, gleichzeitig*;

4) с указанием на повторяемость действия (*jedesmal, manchmal, ab und zu*).

Анализ материала показывает, что перечисленные лексические средства по-разному участвуют в формировании темпоральной семантики предложения как по степени их грамматикализации, так и по их «специализации» к передаче тех или иных временных значений. Некоторые из этих средств являются нейтральными по отношению к реализации одного из значений временных форм. Как правило, это именные и адвербиальные группы, указывающие на обобщенные временные понятия и временные отрезки с точки зрения природного цикла или календарной системы.

3. Am Sonntag ... sagte Juliane, sie wolle am **Nachmittag** Elke besuchen (Schlott, 85). 4. Der Junge schien ihr an **diesem Nachmittag** fremder ... (Schlott, 87).

В этих предложениях при одинаковой семантике лексических показателей темпоральности используются различные временные формы глагола: в первом случае — претерит, во втором — презенс. Выбор временной формы глагола обусловлен широким контекстом и общей временной перспективой повествования.

Вместе с тем, как показывает анализ языкового материала, в большинстве случаев обстоятельственные группы с временной семантикой связаны со спецификой значения временной формы сказуемого и являются его лексическими экспликаторами. Такие функции выполняют в предложении и целом тексте именные и обстоятельственные сочетания, указывающие на временные отрезки определенной длительности. 5. Mein Vater hat gesagt, **in spätestens zwei Jahren** sind sowieso alle in der Genossenschaft (Schlott, 18). 6. **Vor knapp einer halben Stunde** hatte Bechtler gedacht ... (Seghers, 32). Выбор временной формы сказуемого в предложениях (5, 6) эксплицирован семантикой именных темпоральных конструкций. В предложении (5) темпоральная конструкция в соответствии с ее семантикой эксплицирует действие, совершающееся в будущем, после момента речи. Презенс выступает здесь в своем синтагматическом значении и выполняет функцию будущего. Транспозиция презенса обусловлена семантикой лексических темпоральных показателей. В предложении (6) лексическая семантика именной темпоральной конструкции эксплицирует действие, предшествующее моменту речи. Такую же

функцию экспликаторов временных отношений в предложении выполняют именные и адвербиальные слова и сочетания с семантикой, указывающей на время по отношению к моменту речи или событию. 7. *Jetzt ist schéubliches Wetter, und dabei hatten wir noch vor drei Tagen über 20 Grad* (Schlott, 16).

Как правило, лексические темпоральные конструкции поддерживают своей семантикой временные отношения, выраженные формой глагольного сказуемого, которая предопределяет выбор темпоральной конструкции и ее семантику, что свидетельствует о ведущей роли грамматического значения в формировании семантики предложения.

Вместе с тем в речи, в структуре художественного текста наблюдаются также случаи нарушения соответствия между семантикой категориальных и некатегориальных средств, что возможно лишь при определенных условиях контекста, когда из стилистических целей для автора важно не прерывать единый временной план повествования. Например: 8. *Die Mutter gab ihr ein Buch in die Hand, aber Beate tat nur, als ob sie lese. In drei Jahren, rechnete sie sich aus, war sie auch zwölf* (Schlott, 55). Именная темпоральная конструкция *in drei Jahren* переносит действие в иной временной план по сравнению с целым повествованием. Однако сказуемое в данном предложении использовано в форме претерита, что позволяет сохранить общий временной план в целом высказывания. Из контекста произведения ясно, что речь в последнем предложении идет о событии будущего, представленного во внутренней речи героя произведения. В данном случае контекстуальные условия (использование в одном контексте различных видов речи: авторской и внутренней) обусловливают нейтрализацию претерита и футурума.

Часто несоответствие значения глагольных форм и их лексических экспликаторов в структуре художественного текста обусловлено различием между временной перспективой действия и моментом речи /3/, как, например, в следующем предложении: 9. *In dieser Familie fühlte sich Riedl jetzt so allein* (Seghers, 11). Глагольная форма в парадигматическом плане указывает на действие в прошлом, а темпоральное наречие — на действие в настоящем. Такое противопоставление снимается, однако, если учесть, что в художественном тексте временная перспектива обусловлена «условиями вида и стиля речи» /4/, при которых с помощью лексических показателей времени происходит транспозиция значения глагольных форм.

Особую роль лексические показатели времени играют при передаче целого ряда оттенков временных значений, не имеющих для своего выражения системы грамматических средств, прежде всего, аспектуальных значений. Для передачи аспектуальных значений используются, в частности, именные и адвербиальные группы с семантикой повторяемости, длительности или мгновенности действия. Например: 10. *Fast jeden Tag schrieb sie den Eltern*

(Schlott, 35). 11. Helga mußte sie ständig ermahnen (Schlott, 51). 12. Die Sonne ist gerade erst aufgegangen (Schlott, 32). В каждом из этих предложений (10, 11, 12) лексические показатели времени уточняют характер действия, при их опущении в предложении не были бы переданы аспектуальные оттенки.

В качестве необходимых уточнителей характера действия выступают лексические показатели с семантикой последовательности действия: 13. Schweigend stand die Mutter eine Weile... **Dann** strich sie der Tochter über Haar (Schlott, 67). Отношения последовательности действия грамматически не выражены, это значение передается исключительно с помощью семантики наречия.

Таким образом, роль лексических средств в формировании семантической структуры временных значений в предложении неоднозначна. Выполняя в основном функцию лексических экспликаторов выражаемых глагольными формами временных отношений, лексические показатели времени обусловливают часто транспозицию глагольных форм, а в ряде случаев, при определенных условиях контекста они могут передавать значения, свойственные категориальным средствам темпоральности. Особое значение лексические показатели времени имеют при передаче аспектуальных оттенков, семантики последовательности действий и других значений, не имеющих в немецком языке системы грамматических средств выражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Бондарко А. В. Функциональная грамматика.— Л., 1984, с. 5.

/2/ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.— Л., 1972, с. 82.

/3/ Ср.: Zegerekow V. A. Das Verb. Ein Hilfsbuch zur deutschen Grammatik.— Moskau, 1977, S. 86.

/4/ Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике.— М., 1970, с. 19.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Seghers — Seghers A. Das Vertrauen.— Weimar, 1968.

Schlott — Schlott J. Roman und Juliane.— Berlin, 1985.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЛИЦИТНЫХ СПОСОБАХ И СРЕДСТВАХ ВЗАИМОСВЯЗИ КОМПОЗИЦИИ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Многоуровневый характер текста — сложного речевого феномена, — имеющего коммуникативную направленность и прагматическую установку, обусловил возникновение различных путей его исследования /1/. В последнее время в области лингвистики текста складывается направление, для которого характерно изучение категорий и текстовых единиц разных уровней в пределах одного типа текста, их взаимообусловленность, иначе говоря: комплексный подход к исследованию текста /2/. Данная работа, лежащая в русле указанного направления, представляет собой попытку исследования композиции и семантической структуры художественного текста в их взаимосвязи с целью выявления эксплицитных способов и средств ее реализации.

В лингвистической литературе термин «композиция» не имеет однозначного определения /3/, однако чаще всего композиция рассматривается как сложная категория, имеющая план содержания и план выражения. Мы под композицией понимаем совокупность повествовательно-тематических планов текста. За единицу композиции принимается отдельная частная тема повествования.

Семантическая структура рассматривается как план выражения содержательного аспекта текста на лексическом уровне. В качестве единицы семантической организации (термины «структура» и «организация» употребляются в статье как синонимы) выделяется номинация. На основе различных средств связи (лексического и местоименного повтора, субSTITУции, синонимических, антонимических, гипонимо-гиперонимических отношений) номинации образуют номинационные цепочки, совокупность которых представляет текстовую изотопию или семантическую сетку /4/.

Объектом данной работы является художественный прозаический текст. В качестве материала исследования послужили 23 рассказа современной немецкоязычной прозы объемом от 80 до 600 строк (объем большинства из них колеблется в пределах 120—270 строк). Выбранный в качестве анализируемого объекта материал ввиду своей обозримости позволяет выделить основные номинационные цепочки, функционирующие в тексте, и провести комплексный сопоставительный анализ рассказов с целью выявления типологических особенностей их композиционно-семантической организации.

Исходным моментом при выделении номинационных цепочек является установленная ранее в результате исследования взаи-

моотнесенность их длины, определяемой количеством содержащихся в цепочке номинаций, со значимостью эксплицируемой в ней темы в содержательном аспекте текста. На этом основании в каждом тексте были выделены имеющиеся в нем цепочки от самых длинных — до цепочек, состоящих из 3—5 номинаций. При выборе и определении тем принимаются во внимание два фактора: а) смысловая значимость темы в содержательном плане рассказа; б) ее частотность, т. е. наличие не менее чем в двух исследованных текстах.

На основании результатов анализа исследованного материала можно прийти к следующим наблюдениям:

1. Эксплицитная реализация в самой длинной по числу номинаций цепочке рассказа принадлежит тематическим планам главного действующего лица либо персонифицированного рассказчика. При этом соотношение между номинационными цепочками этих двух видов может быть различным. Следующая таблица иллюстрирует соотношение номинационных цепочек, эксплицирующих тематические планы основных персонажей и персонифицированного рассказчика в исследованных рассказах:

Название рассказа (автор)	Количество номинаций в номинационной цепочке	
	Основные персонажи	Персонифицированный рассказчик
Was ich in Rom sah und hörte (I. Bachmann)	5, 9	20
Die Straße (E. Neutsch)	25, 18, 16	55
Pro Ahn Sechzig Pfennig (P. Schallück)	33	81
Der Zuckersfresser (L. Renn)	78	52
Im Clinch (W. Weurauch)	33	43

Различие числа номинаций персонифицированного рассказчика и основных персонажей можно объяснить композиционными особенностями исследованных рассказов, обусловливающими определенную функцию персонифицированного рассказчика в тексте. Так, в рассказе Е. Нейча «Die Straße» персонифицированный рассказчик является главным действующим лицом произведения. Он приезжает на химкомбинат, где знакомится с жизнью рабочих этого предприятия. Описание рассказчиком своих впечатлений составляет содержание повествования. Образ рассказчика является композиционным стержнем, объединяющим отдельные эпизоды, детали этого описания в единое целое. Персонажи, изображенные в рассказе — Сциллат, Лестер и другие рабочие комбината — играют лишь эпизодическую роль в общей композиционной канве текста. Не случайно эти частные тематические планы реализуются в значительно меньших по длине номинационных цепочках (18, 16, 25 номинаций).

В рассказе Л. Ренна «Der Zuckersfresser» рассказчик (изложение ведется от 1-го лица) повествует о своем знакомстве с

мальчиком. Главное место в тексте уделено образу мальчика, а рассказчик изображен только в его отношении к основному действующему лицу. И здесь как в предыдущем рассказе, персонифицированный рассказчик — один из действующих лиц. Однако в композиционно-смысловом отношении он не является композиционным центром рассказа. Эта особенность находит соответствующее отражение в семантической организации текста. Цепочка, репрезентирующая тему «мальчик», составляет 78 номинаций, а тема «рассказчик» эксплицируется в цепочке из 52 номинаций.

На основе описанных наблюдений можно сделать предположение о том, что определенный тип рассказчика /5/ обусловливает различное соотношение номинационных цепочек, эксплицирующих тематические планы рассказчика и главных персонажей в семантической организации текста. Однако исследованный материал свидетельствует о том, что в большинстве рассказов (в 7 из 11 рассказов с персонифицированным рассказчиком) тема «рассказчик» эксплицируется в самой длинной номинационной цепочке. Можно предположить, что это соотношение номинационных цепочек в семантической структуре текста обусловлено типологическими свойствами текстов этого рода и одновременно связано с индивидуальным творческим методом писателя, с выбором им определенной композиционной формы повествования.

2. Неотъемлемым свойством художественного текста является пространственно-временной фон повествования. Исходя из принятого в данной работе определения композиции, временная перспектива повествования рассматривается как один из композиционных компонентов текста. Анализ исследованного лингвистического материала показал, что временной план рассказа находит эксплицитную репрезентацию в семантической организации текста в соответствующих номинационных цепочках. Причем по количеству номинаций эти цепочки в ряду выделяемых в каждом тексте цепочек, эксплицирующих наиболее значимые темы рассказа в большинстве текстов (в 18 из 23 исследованных рассказов), непосредственно следуют за цепочками, манифестирующими темы «основные действующие лица рассказа» и «рассказчик». Так, например, в рассказе И. Бахманн *«Jugend in einer österreichischen Stadt»* тема «время» эксплицируется в цепочке, образуемой номинациями: *An Oktobertagen — Herbst — Herbstwind — in dieser Stunde — jetzt — an den Abenden — später — lange — eine Zeitlang — spät — Zeit — eines Tages — Tag ... jeden Tag — sonntags — im Sommer — im Winter — abends — Zeitzeichen — am Abend — später — später — spät — die Zeit — ein paar Tage ... später — sieben Jahr — sieben Jahr — eines Tages — der Frühling — in jener Zeit — früher Zeit ... — damals* (43 номинации).

Как можно заметить из приведенной цепочки, составляющие ее номинации не только репрезентируют временной фон рассказа в целом, но и указывают на определенные изменения во временной ориентации произведения. Так, в первой части рассказа,

представляющей лирические размышления рассказчика при посещении им города, в котором он провел свое детство, описание дано под углом зрения рассказчика в настоящем фабульном времени. В номинационной цепочке на это указывают номинации *«In dieser Stunde, jetzt»*.

Вторая часть рассказа, образующая ретроспективный плац повествования, представляет воспоминания рассказчика о детстве. Описание дается в форме запомнившихся автору эпизодов, впечатлений об отдельных событиях тех лет, каждое из которых являлось как бы шагом, ступенью, приближающей действующих лиц рассказа к настоящему. Эта последовательность изображаемых событий и в то же время их пространственно-временная ограниченность эксплицитно реализуется в неоднократном повторе компонентов *«später»* *«eines Tages»*. Длительность описываемых явлений, их временная протяженность подчеркнута номинациями *«jeden Tag»*, *«abends»*, *«ein paar Tage»*. Усиленная двукратным повтором, субстантивная группа *«sieben Jahr»*, являясь кульминационным пунктом описания, завершает основную часть ретроспективного плана повествования, заключительный эпизод которого репрезентируется номинациями *«eines Tages»* и *«Frühling»*.

Третья, заключительная часть рассказа опять возвращает читателя к фабульному времени: рассказчик подчеркивает, что все описанное им, относится к прошлому. В семантической структуре текста этот момент реализуется в номинации *«Zeit»*, с конкретизирующими уточняющими определениями *«jeder»*, *«früher»*, несущими основную семантическую нагрузку, а также номинации *«damals»*. Эти номинации корреспондируют с лексическими единицами *«in dieser Stunde»*, *«jetzt»* в экспозиции рассказа, объединяя тем самым различные временные пласти повествования в единое художественное время /6/.

Следовательно, в семантической организации текста находит эксплицитную реализацию не только временной фон повествования, но и отражена взаимосвязь отдельных временных пластов рассказа.

Анализ показал, что временная перспектива повествования репрезентируется в семантической структуре текста в соответствующих номинационных цепочках во всех исследованных рассказах. По-видимому, экспликацию временного плана текста в одной из самых длинных цепочек следует считать одним из типологических способов эксплицитной связи композиционной и семантической структур художественного прозаического текста.

Таким образом, способы и средства эксплицитной взаимосвязи композиционной и семантической структур художественного прозаического текста могут быть выявлены на лексическом уровне путем квантитативно-калитативной характеристики номинационных цепочек и их соотношения в семантической организации текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- /1/ Тураева З. Я. Художественный текст и пространственно-временные отношения.— В сб.: Семантико-стилистические исследования текста и предложения. Л., 1980.
- /2/ Овсянникова Н. М. Принципы организации единиц художественного текста («сверхабзацных единиц») в прозе Г. Канта. АКД.— М., 1982; Коробова Л. А. Заглавие как компонент текста (на материале газетной публицистики ГДР). АКД.— М., 1983; Дарбинян Р. М. Баллада как тип текста (на материале современных немецких баллад). АКД.— М., 1983 и др.
- /3/ Домашнев А. И., Шишкина И. П., Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста.— М., 1983, с. 32. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik.— М., 1975, S. 266.
- /4/ Ср., например: Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста.— ИЯШ, 1971, № 2; Vieweger D. Struktur und Funktion nominativer Ketten im Text.— In: *Studia grammatica XVII Kontexte der Grammatiktheorie*.— Berlin, 1978.
- /5/ Домашнев А. И., Шишкина И. П., Гончарова Е. А. Указ. раб., с. 68.
- /6/ Тураева З. Я. Указ. раб., с. 5.
- /7/ Kant H. Ein bißchen Südsee.— Berlin und Weimar, 1977.
- /8/ Meine Landschaft.— Berlin, 1975.
- /9/ Erzählungen.— Moskau, 1969.
- /10/ Bachmann I. Undine geht.— Leipzig. Philipp Reclam, 1978.
- /11/ Erkundungen. Berlin, Volk und Welt, 1978.
- /12/ Deutsche Kurzprosa unserer Zeit.— L., Prosweschenie, 1975.

С. М. ПОЛЯНСКИЙ

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В МОНОСУБЪЕКТНЫХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ (на материале немецкого языка)

В современной лингвистике все более ощущается стремление к исследованию функций категориальных элементов языковой системы в разнообразных типовых речевых ситуациях в рамках грамматически значимого контекста.

В последующем изложении представлен опыт анализа особенностей функционирования немецких перфектных временных форм (плюсквамперфекта, перфекта) при выражении одного из отношений разновременности действий — строгого предшествования — в высказываниях с однородными предикатами /1/.

В логике времени отношение строгого (сильного) предшествования определяется следующим образом: «А строго предшествует В тогда и только тогда, когда каждый момент, в который имеет место А, находится ранее каждого момента, в который происходит В» /2/.

Наблюдения показывают, что выражение этого отношения в немецком языке в полипредикативных конструкциях с референциально тождественными субъектами (а высказывания с однородными предикатами являются частным случаем таких конструкций) возможно только при условии, если в предложении сочетаются предикаты, обозначающие действия, которые находятся друг с другом в отношении временной исключающей (альтернативной) дизъюнкции, имеющей в данном случае следующий смысл: в какой-то отрезок времени т либо А, либо В, но не А и В и не их части вместе, ср., например:

Dann stand er auf und trat ans Balkonfenster. (Djačenko, 89) Ein Beamter in Uniform empfing uns, ging in ein Häuschen und telefonierte (Becher, 80).

В каждом из приведенных примеров предикатные действия соотнесены друг с другом так, что всякая интерпретация, которая допускала бы полное или частичное «перекрывание» их во времени, совершенно исключается. Исследованный материал свидетельствует о том, что в высказываниях с однородными предикатами, имеющими в своем составе /3/ перфектные формы, в преобладающем большинстве случаев выражается именно отношение строгого предшествования. Остановимся на данных случаях подробнее. Сравним следующие высказывания:

(1) *Christoph hatte gerade geschnupft und knipste mit sorgsam gotischen Fingern die letzten Anzeichen dieser Beschäftigung von dem fadenscheinigen Rock* (Rilke, 15).

(2) *Sokrates konnte die Sandale nicht herunterbekommen. Der Dorn hatte die dünne Ledersohle durchbohrt, und stak tief im Fleisch* (Brecht, 91).

(3) *Der Himmel hatte sich vollends ganz bezogen und sah gewitterig aus* (Hesse, 126).

(4) *Paul hatte sich inzwischen vollgegessen und legte Messer und Gabel nieder* (Hesse, 116).

В приведенных высказываниях выражено отношение строгого предшествования, причем «левые» предикаты всех высказываний — в плюсквамперфекте, а «правые» — в претерите.

Все «левые» предикаты имеют четко выраженное автономное (независимое от ближайшего контекстуального окружения) значение качественной завершенности действий, достигнутости предела (ДПД), что может быть легко доказано с помощью трансформации усечения (при опущении «правых» предикатов высказываний в «левых» значение ДПД неизменно сохраняется). Это значение есть результат слияния семантики двух основных составляющих: 1) комплексной семантики всех лексических компонентов предиката (предикатное ядро + предикатные комплементы) — в каждом из «левых» предикатов они предопределяют указание на стремление действия к своему качественному пределу, значение предельности (ПД); 2) семантики плюсквамперфекта — сема «законченность, пресеченность дей-

ствия» (ЗД) /4/, сигнализирующая об ограничении протекания действия во времени. Таким образом, ПД + ЗД = ДПД.

Активно способствуя возникновению в «левых» предикатах автономного значения ДПД, плюсквамперфект тем самым создает прочную семантическую основу для передачи в высказываниях отношений исключающей дизъюнкции между действиями и, следовательно, для формирования значений строгого предшествования.

При употреблении перфектных форм «чистому» значению предшествования в речи обычно сопутствуют различные другие смежные значения и коннотации, которые можно наблюдать и в приведенных примерах. Так, в каждом «левом» предикате высказываний (1—4) отчетливо ощущается результативность выражаемого действия, имплицируется состояние, возникшее как результат завершившегося действия и актуальное для последующего отрезка времени, «заголненного» действием в претерите. В примерах (1—3) это значение, кроме того, интенсифицировано лексическими показателями (ср.: *gerade*, *vollends*, *ganz*). Особен-но ярко значение результативности, создающее эффект «актуальности последствий» (Ю. С. Маслов), проявляется в контрасте значений завершенности действия «левых» предикатов с семантикой «правых» непредельных предикатов, обозначающих для-щиеся, незаконченные действия (ср. примеры (2, 3)). В при-мерах (3, 4) отчетливо прослеживается каузальная связь между предшествующими и последующими действиями: завершенные действия, обозначаемые «левыми» предикатами в плюсквампер-фекте, причинно обусловливают наступление и бытие действий, выражаемых «правыми» предикатами в претерите.

Значения результативности, законченности, завершенности, имманентно присущие перфектным времененным формам, позволяют в одном предикате «сжимать», обобщать действия, предполагающие многоактный характер их выполнения /5/. Например:

(5) ... und dann meldeten sie (Trüllesand und Iswall — S. R.) sich bei Quasi Riek. Der hatte schon ein halbes Dutzend Schaufeln and Forken herbeigeschafft und teilte ihnen je eine Kellerluke zu (Kant, 54).

В «левом» предикате данного слитного предложения много-актное действие под влиянием обобщающей семантики плюсквам-перфекта представлено как единый и завершенный процесс, противопоставленный как предшествующий действию «правого» предиката, которое, будучи выраженным в претерите, предстает в своем протекании, в своей «открытости» /6/.

Такое противопоставление как бы отодвигает временной от-резок, заполненный многоактными действиями, в «более далекое прошлое» (дистанцирующая функция плюсквамперфекта) и од-новременно освобождает получателя речи от необходимости сле-дить за всеми звеньями обозначаемого процесса; вместе с тем создается впечатление и глубинности изложения /7/. В случае

употребления в «левом» предикате претерита этот эффект нарушился бы, так как соотносимые действия (и предшествующее, и последующее) предстали бы в одной временной плоскости. (Ср. в этой связи также примеры 1—4).

(6) *Kufalt hat den kleinen Tischler, den Emil Bruhn, entdeckt und winkt ihm aus der Ferne zu* (Fallada, 27).

(7) *Sie hat einen Spiegel an die Fensterklinke gehängt und bürstet ihre Mähne* (Remarque, 11).

(8) *Klara ist eingetreten und beginnt der versteinerten Schwestern eine Standpredigt zu halten...* (Werfel, 159).

Данная группа примеров отличается от предыдущих тем, что в ней использованы глагольные времена так называемого презентного ряда: презенс и перфект. Взаимодействие семантики «левых» и «правых» предикатов здесь принципиально ничем не отличается от основных особенностей, выявленных нами при рассмотрении высказываний (1—5). Все сказанное относительно этих высказываний в общем виде справедливо и для высказываний (6—8). Различие состоит лишь в том, что временные формы первой группы примеров, плюсквамперфект и претерит, выступают в своем основном, парадигматическом значении, в то время как в примерах (6—8) глагольные времена употреблены в их вторичной дистрибуции, в результате транспозиции они приобретают новое значение в плане содержания: принадлежность действия в презенсе к плану прошедшего, невключение в него временной диапазон момента речи; предшествование действия в перфекте и актуальность его по отношению к этому прошедшему действию. Эти вторичные, синтагматические значения налагаются на первичные, парадигматические значения обеих форм, ассоциативно присутствующие в сознании коммуникантов — в результате возникает коннотативный эффект «настоящности» изображаемых действий.

Общей особенностью, сближающей группу примеров (6—8) с группой (1—5), является отчетливый оттенок завершенности, результивности у закончившихся предшествующих действий, индуцируемый перфектными формами групп (плюсквамперфектом либо перфектом) и противопоставляемый «открытости» последующих действий, выражаемых предикатами в неперфектных, аспектуально нейтральных формах (претерите либо презенсе).

Рассмотрим еще одну группу примеров.

(9) *Am frühen Morgen war er mit schlechtem Gewissen in den Garten geschlichen und hatte in dem peinlich geschonten Lieblingsbeet seines Vaters die prächtigste halboffene Rose abgeschnitten. Die trug er nun, zwischen Seidenpapier gelegt, versteckt in der Brusttasche...* (Hesse, 135).

(10) *Den Tannenbaum hatten wir vormittags selbst aus dem Walde geholt, ihn mit Glaskugeln und Schneewatte geschmückt. Flimmernd brannten die bunten Kerzen...* (Becher, 166).

(11) *Er hatte «schon gut» gesagt und war wegelaufen. Er*

lief stundenlang herum in einer vollständigen Dunkelheit...
(Seghers, 63).

Общей структурно-семантической особенностью примеров (1—8) являлось то, что противопоставление употребляемых в них форм по признаку «перфектность — неперфектность» имело место непосредственно в рамках каждого одного предложения. Что касается высказываний (9—11), то в них такое противопоставление вообще отсутствует, поскольку здесь употреблены только перфектные формы (плюсквамперфект). Если обратить внимание на смысловое содержание этих высказываний, нетрудно заметить, что в каждом из них отражен некий, хотя и небольшой, относительно цельный «закрытый» эпизод, имеющий непосредственное отношение к ходу дальнейших событий и находящийся к ним в отношении строгого предшествования (для иллюстрации этого мы привели фрагменты посттекста). Поэтому все действия, являющиеся составными элементами каждого такого эпизода, передаются в плюсквамперфекте, что позволяет отчетливо выделить общий временной отрезок всего «бытия» эпизода, представить его как нечто целостное и относительно независимое, и противопоставить его в таком виде последующим действиям, изображаемым в посттексте в претерите. В примерах (9, 10) этому способствуют также лексические показатели *am frühen Morgen, vormittags*, которые уточняют временное положение всех однородных действий и тем самым оказывают интегрирующее влияние на общую семантику каждого из данных высказываний, усиливая представление о целостности и относительной независимости выражаемых в них эпизодов по отношению к последующим действиям, передаваемым в претерите.

По сути дела, в примерах (9—11) такое же смысловое противопоставление, что и в примерах (1—8), с той, однако, разницей, что оно имеет место не в пределах, а за пределами высказываний с однородными предикатами, и что при этом каждый предшествующий временной отрезок выражен не отдельным предикатом, а целым полипредикативным высказыванием.

Что касается выражения временной соотнесенности (отношения предшествования) в пределах высказываний (9—11), то оно с точки зрения чистой логики времени было бы в принципе возможно и при использовании во всех предикатах данных высказываний формы претерита, семантически наиболее нейтральной временной формы; такой возможности вполне благоприятствует конкретное лексико-семантическое наполнение предикатов этих высказываний.

Однако замена плюсквамперфекта на претерит вызвала бы целый ряд значительных изменений в коммуникативном аспекте. Переходы между действиями высказываний предстали бы более плавными и — что очень существенно — исчезла бы общая смысловая и временная противопоставленность этих действий действиям посттекста, и те и другие оказались бы в одной и той же

временной плоскости. Кроме того, в примерах (9, 10) использованию претерита препятствовал бы и такой фактор, как наличие в них лексических экспликаторов временного местоположения действий этих высказываний, относящих их «вглубь» от действий посттекста (местоположение последних устанавливается более широким контекстом,ср.: в примере (9) *am frühen Morgen* соотносится с дневными событиями; в примере (10) *vormittags* противопоставляется вечеру, когда зажигают рождественские свечи). Плюсквамперфект же, относя действия высказываний «на ступень раньше», гармонично согласует их с семантикой указанных лексических экспликаторов.

Как известно, кроме чисто номинативного, на выбор той или иной глагольной временной формы могут воздействовать и другие факторы: композиционный, стилистический и т. д. В этом отношении показателен следующий пример из рассказа Г. Гессе, писателя, отличающегося тонким и искусственным стилем:

(12) *Die anderen blieben schweigend sitzen. Paul hatte seine Linke langsam und mit ängstlicher Vorsicht wie ein Verbrecher der Frauenhand genähert und dann dicht neben ihr liegen lassen. Er wußte nicht, warum er es tat. Es geschah ohne seinen Willen...* (Hesse, 124—125).

Все однородные предикаты полипредикативного высказывания — в плюсквамперфекте, само же оно в рассказе находится в окружении широкого претеритального контекста. Особенность данного высказывания состоит в том, что с точки зрения обозначения последовательности действий здесь в гораздо большей степени, чем во всех предыдущих примерах ощущается номинативная избыточность плюсквамперфекта и лексического экспликатора разновременности *dann*, поскольку выражение последовательности действий может быть в данном случае обеспечено со всей достаточностью уже за счет одного только лексико-семантического состава предикатов, определяемого общим смыслом отражаемого в высказывании фрагмента внеязыковой действительности (*nähern* и *liegen lassen* могут находиться друг к другу здесь только и только в отношении исключающей дизъюнкции и, следовательно, строгого предшествования).

Общее содержание рассматриваемого высказывания с однородными предикатами согласуется по смыслу во времени с содержанием предтекста: являясь его логическим продолжением, оно отражает ряд последовательных действий, происходящих как бы на фоне действия, обозначенного в предтексте.

Таким образом, здесь вряд ли можно просто говорить об обычной «дисциплирующей» функции плюсквамперфекта, который относил бы действия «в более ранее прошлое», ибо действия, передаваемые однородными предикатами высказывания, практически остаются в той же самой временной плоскости, что и действия претеритального контекстного окружения. В этом отношении показательно то, что последующие выражения ... *er es tat* ... и

... es geschah ..., которые являются, по сути, повторными обобщающими номинациями всего содержания рассматриваемого высказывания (они, как бы дублируя друг друга, называют под разными углами зрения один и тот же денотат) стоят в претерите. Это свидетельствует о том, что с точки зрения выражения темпоральных отношений (временной соотнесенности и адекватной временной плоскости действий) плюсквамперфект выступает здесь полным синонимом претерита.

Основная функция плюсквамперфекта здесь, на наш взгляд, не денотативная, а коннотативная, которая проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах: а) в архитектоническом — вторгаясь в широкое претеритальное окружение, плюсквамперфект вычленяет определенный смысловой отрезок, подчеркивает его экстраординарный характер для данного участка повествования, кроме того, являясь аналитической глагольной формой, плюсквамперфект обрамляет все высказывание, осуществляет и формально-структурное вычленение этого смыслового отрезка; б) аналитический характер плюсквамперфекта помогает создать на данном участке повествования своеобразное поле психологического напряжения, формы, замыкающие высказывание (*liegen lassen*), обладают наибольшей впечатляющей и экспрессивной силой.

Напряжение еще более усиливается в результате «противоборства» в данном высказывании двух семантических тенденций: обычной тенденции плюсквамперфекта к обобщению, «сжатию» обозначаемых действий и тенденции присутствующих здесь лексических показателей, стремящихся, наоборот, подчеркнуть замедленность, робкую нерешительность действий персонажа, подростка, влюбленного в девушку, значительно превосходящую его по возрасту (ср. *langsam, mit ängstlicher Vorsicht, wie ein Verbrecher*). Нерешительность героя проявляется и в некоторой паузе между действиями, которую подчеркивает лексический экспликатор *dann* и которая усиливает эффект общей напряженности повествования.

Кратко суммируем результаты нашего обследования полипредикативных высказываний (1—11). Проведенный анализ показывает, что значения строгого предшествования в их составе формируются в основном за счет лексической семантики однородных предикатов, если она в принципе обеспечивает передачу отношения исключающей дизъюнкции между обозначаемыми действиями. Содержащаяся в перфектных формах сема «законченность, пресеченность действия» в сочетании с лексической семантикой предикатов усиливает «надежность» выражения значений строгого предшествования, при этом использование перфектных временных форм способствует созданию на соответствующих участках текста различных коннотативных оттенков.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Материалом для настоящего исследования послужили высказывания с однородными предикатами действия, объединяемыми копулятивной (союзной и бессоюзной) связью. Высказывания с предикатами состояния в данной работе не рассматриваются.

/2/ И вин А. А. Логические теории времени.— Вопросы философии, 1969, № 3, с. 119.

/3/ Для удобства анализа в данной работе принимается расширительная трактовка понятия предиката, согласно которой предикат состоит из 1) предикатного ядра (термин И. П. Сусова), примерно соответствующего традиционно понимаемым глагольным сказуемым и 2) всех относящихся к ядру комплементов кроме субъекта (в традиционном понимании — все члены сказуемого).

/4/ Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике.— М., 1970, с. 37.

/5/ Вгілкманн Н. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung.— Düsseldorf, 1962, S. 336, 340.

/6/ Brinkmann H. Die deutsche Sprache, S. 330.

/7/ Шендельс Е. И. Указ. раб., с. 107.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Becher — J. R. Becher. Abschied. Leipzig, 1974.

Brecht — B. Brecht. Der verwundete Sokrates. In: Brecht. Ein Lesebuch für unsere Zeit. Berlin und Weimar, 1970.

Djačenko — B. Djačenko. Der Schwalbenkonstrukteur. In: In diesen Jahren. Deutsche Erzähler der Gegenwart. Leipzig, 1960.

Fallada — H. Fallada. Wer einmal aus dem Blechnapf frisbt. Berlin und Weimar, 1967.

Hesse — H. Hesse. In der alten Sonne und andere Erzählungen. Leipzig, 1977.

Kant — H. Kant. Die Aula. Leipzig, 1979.

Remarque — E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk. Berlin und Weimar, 1965.

Rilke — R. M. Rilke. Frühe Erzählungen und Skizzen. Leipzig, 1963.

Seghers — A. Seghers. Das siebte Kreuz. Leipzig, 1979.

Werfel — F. Werfel. Die arge Legende vom gerissenen Galgenstrick. Erzählungen. Leipzig, 1978.

Л. В. РОМАНОВСКАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПСЕВДОУСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Характерной особенностью языка как системы являются изменения грамматической организации синтаксических единиц, постоянно происходящие в процессе их функционирования. Этот тезис относится как к процессам, имеющим место в простом предложении, так и к синтаксису сложного предложения. Изменение организации синтаксических единиц, в частности сложных предложений, ведет подчас к их преобразованию, затрагивающему статутные характеристики последних. Сферой, где подобные

преобразования становятся типичной чертой, является разговорная речь. В ней встречаются предложения, грамматическое оформление которых не соответствует передаваемому этими предложениями значению, в которых план выражения не совпадает с планом содержания.

Иллюстрацией к сказанному могут служить предложения, по форме совпадающие со сложным предложением с придаточным условным. Например: *They've got no personal animosity, if you get me.* (M. Allingham).

Можно утверждать, что, несмотря на формальное сходство, подобные предложения, вводимые *if*, не являются придаточными условными, так как они не обозначают условия совершения действия главного предложения, а выражают отношение говорящего к высказыванию. В данном конкретном случае можно говорить о том, что предложение *if you get me* выражает сомнение, предположение говорящего относительно того, как собеседник принял его высказывание.

Основанием для утверждения того, что условное значение здесь утрачено, служат следующие обстоятельства:

Во-первых, «собственно условная связь предполагает такое отношение между простыми предложениями, при котором наличие того, о чем говорится в придаточном, неизбежно вызывает то, о чем говорится в главном, и, наоборот, отсутствие того, о чем говорится в придаточном, делает невозможным то, о чем говорится в главном /1/. Такого отношения между придаточной и главной частью в рассматриваемом предложении не наблюдается. Входя в структуру сложного предложения, элементарное предложение с союзом *if* не образует условного периода, так как оно не приобретает «значения достаточного основания» /2/ для существования главной части. Об этом свидетельствует возможность полного опущения придаточного: *They've got no personal animosity.*

Как ясно из трансформации опущения, общее значение предложения не изменилось, что доказывает отсутствие отмеченной взаимозависимости между двумя элементарными предложениями в приведенном примере: придаточное предложение не называет основания для осуществления того, о чем говорится в главном.

Во-вторых, «условность всегда предполагает гипотетичность предопределяющего» /3/, так как действие, обозначенное в условном периоде, не происходит в действительности, а лишь предполагается при наличии определенных условий. В рассматриваемом сложном предложении придаточная часть утрачивает значение гипотетичности, речь здесь идет о реальных событиях, что эксплицируется наличием грамматической формы индикатива, указывающего на реальность происходящего. Это отнюдь не отрицает возможность употребления индикатива в собственно условных периодах. Однако, по справедливому замечанию Е. В. Гулыга, «даже при употреблении индикатива в обоих ком-

понентах условного периода значение нереально. Условное предложение никогда не может выражать что-либо действительное, так как речь идет о явлениях предполагаемых, выполнимых только при указанных условиях» /4/. Особенностью индикатива, употребляющегося в условных предложениях, является то, что не все его формы выражают гипотетичность действия, характерную для чисто условно-следственного характера отношений между главным и придаточным предложениями /5/. Поскольку гипотетичность характеризует действия, направленные в будущее, то и наиболее употребительными для условных предложений являются формы будущего времени *Indefinite* для глагола-сказуемого в главном предложении и формы настоящего времени *Indefinite* со значением будущего времени для глагола-сказуемого в придаточном.

Союз *if* здесь не выражает причинно-следственные отношения между частями сложного предложения, а становится маркером данной структурной модели. Условное значение союза в рассматриваемом предложении вступает в противоречие с модальностью действительности (или, в другой терминологии, «реальности») как главного предложения, так и самого придаточного предложения *if you get me*, что влечет за собой переосмысление союза *if*. Это подтверждается функциональной близостью анализируемого предложения придаточным, где данный союз отсутствует: *I mean they've got no personal animosity*.

Такой ход рассуждений дает основание считать предложения, вводимые *if*, псевдоусловными. Они строятся по синтаксической модели придаточных условия, основной особенностью их является наличие лексико-грамматического показателя — союза *if*, утратившего свое условное значение, и грамматическая форма индикатива глагола-сказуемого.

Под сомнение можно поставить и весь статус псевдоусловного предложения *if you get me* как придаточного по отношению к главному предложению. Если оно не выражает условия совершения действия предложения *They've got no personal animosity*, то между ними нет причинно-следственной зависимости, т. е. того главного отношения, которое конституирует условный период, связывает части его в единое целое. Основным показателем, который делает предложение грамматически подчиненным, т. е. превращает его в грамматически синсемантическое предложение, является союз. Однако наличие только этого показателя недостаточно для определения статуса предикативной единицы, так как, во-первых, союз является элементом «внешней формы» для структуры самой предикативной единицы /6/, а, во-вторых, в рассматриваемом псевдоусловном предложении, как уже указывалось, функция союза не соответствует его номинальному грамматическому значению, происходит его переосмысление: он становится признаком модели, утратив значение условия. Таким образом, с исчезновением значения условия у части предложения, вводимой *if*, можно говорить и об исчезновении ее подчиненного харак-

тера, а следовательно, ее придаточного статуса, это предложение поэтому можно назвать псевдопридаточным.

В приведенном примере главная часть *They've got* по *regional animosity* обладает полной структурной и логико-семантической завершенностью, что сказывается и на типе придаточного предложения, и на характере взаимоотношений между частями предложения. Отпадает необходимость в обязательном наличии придаточной части. Результатом структурной и семантической завершенности является «перемоделирование подчиняющей части» (термин Н. А. Кобриной /7/), что ведет к элиминации ее подчиняющих потенций.

С потерей предложением *if you get me* условного значения, с приобретением им значения попутного замечания, с элиминацией подчиняющих потенций главного предложения становится возможным характеризовать псевдоусловное предложение с точки зрения ряда признаков, которые позволяют отнести его в разряд вводных.

Самым первым внешним сигналом вводного функционирования псевдоусловного предложения является постоянство его состава, когда предложение репродуцируется в речи без изменения его структурной модели и лексического наполнения, превратившись в штамп, клише. Причем постоянным, обязательным элементом рассматриваемых построений является десемантизованный союз *if*. Являясь структурообразующим формантом таких конструкций, союз *if* сближает их с фразеологизированными построенными. Специфичность синтаксических отношений, ограниченная возможность развертывания, типизированность, связанная с наличием постоянных лексических компонентов — все это указывает на фразеологичность псевдоусловных предложений.

Итак, части построения с псевдоусловным предложением не связаны причинно-следственными отношениями. Налицо условие без обусловленного. Но если предложение, оформленное по модели придаточного условного, может функционировать без соответствующего обусловленного, а присоединяется к предложениям, с которыми не строит причинно-следственных отношений, значит, оно представляет собой самостоятельную единицу со значением, отличным от придаточных условных. Это подтверждается самостоятельным функционированием рассматриваемых предложений, например:

— I'll leave it to you, I'll get off out of it.

— If that's how you see it. (M. Drabble)

I understand he's the guy that walks behind the boss. If you know what I mean. (R. Chandler)

Таким образом, в результате наблюдения над валентностными свойствами лексических единиц и грамматических форм, входящих в состав главной части, в результате теста на устранимость придаточной части, можно сделать вывод, что предложение, вводимое *if*, носит факультативный характер по отношению

к главной части, несмотря на наличие в нем формального показателя зависимости — союза if. Предложение, включающее такую факультативную единицу, уже не является грамматическим и смысловым единством. Синтаксическая функция таких псевдо-придаточных предложений иная: они переосмысяются, условное значение заменяется субъективно-модальным. Меняется вся структурная организация предложения: перед нами уже не сложноподчиненное предложение как единая коммуникативная единица, а построение, «включающее предложение — псевдоусловное предложение».

Таким образом, рассмотрев структурные и семантические особенности псевдоусловного предложения в составе включающего предложение, его взаимоотношения с последним, можно прийти к заключению, что псевдоусловные конструкции представляют собой фразеологизированные построения, имеющие в своей основе структурную модель условного придаточного предложения, но утратившие условное значение и подчиненный характер и перешедшие в область вводных образований.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Грамматика русского языка. Синтаксис.— М., 1969, т. 11, ч. 2, с. 321.

/2/ Русская грамматика. Синтаксис.— М., 1980, т. 11, с. 572.

/3/ Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 563.

/4/ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке.— М., 1969, с. 84.

/5/ Крылова И. П. Сложноподчиненное предложение с придаточным условия в современном английском языке. АКД.— М., 1956, с. 11.

/6/ Кобрин Н. А. Вставные предикативные единицы, оформленные по типу частей сложноподчиненного предложения.— В сб.: Синтаксис сложного предложения германских языков. Л., 1973, с. 47.

/7/ Кобрин Н. А. Предложение с вставной предикативной единицей в современном английском языке. АДД. Л., 1974, с. 22.

Л. Ф. РЯБКОВА

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ ГАЗЕТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ (на материале немецкоязычной прессы)

Задача настоящей статьи определяется актуальностью исследования структуры предложения в немецком языке с учетом особенностей в форме изложения и тематике сообщения в такой жанрово-стилистической разновидности функционального общественно-политического стиля, как язык прессы. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить характерные структурно-

семантические особенности и способы распространения элементарного предложения (ЭП) /1/, а также, пользуясь качественно-количественной методикой грамматических явлений /2/, проследить наличие именного (номинативного) стиля и тенденции к языковой экономии в текстах объявлений немецкоязычной газеты.

Нами было обследовано 20 выборок текстов объявлений по 2000 слов каждая из 10 наименований немецкоязычных газет.

Газетные объявления отличаются разнообразием логико-грамматических типов предложений. Предельная ясность и краткость — характерная черта объявлений. Повторяемость определенных видов объявлений, контекст, которым является сама рубрика, создают условия для имплицитного представления не только главных, но и второстепенных членов предложения, что в свою очередь, связано с языковой экономией в современном немецком языке.

Существительное вместе с группой может выступать в функции различных членов предложения, т. е. использоваться многократно. Поэтому в объявлениях, как в телеграммах и местной хронике, также создаются условия для номинативного стиля.

В объявлениях под рубрикой «*Kauf*», «*Ankauf*», «*Möbel*», «*Wohnungen*», «*Geschäftsverbindungen*», «*Vertretungen*», «*Stellen gesuch*» преобладают постпозитивные несогласующиеся с ядром группы определения, способные передать и вместить в границы группы существительного самые подробные описания предмета, который продается, покупается, меняется, например: *Neubau Komfort-Wohnung, sonnig, 3 1/2 Zimmer, Bad, Loggia, Telefon, teilrenoviert, Miete 82,— schöne Gegend, NO, verkehrsgünstig gelegen, Ostsektor, 2 Personen, ohne Lohnausgleich tauscht gegen ähnliche 2—3 — Zimmerwohnung Westberlin* (Der Kurier, 4.7. 1951).

В группу существительного можно ввести причастие, а через него обширную группу глагола: *Außerhalb Wien wohnenden Bediensteten wird ein Fahrkostenzuschuß gewährt*. (Arbeiter Zeitung, 23.6.1974).

Анафорические и указательные данные, увеличивающие объем распространенного причастного определения (РПО) и, следовательно, группы существительного, имеют такую же синтаксическую функцию, как и различные предложные обстоятельства, обстоятельства образа действия, места и т. д. Коэффициенты объема группы существительного колеблются здесь в параметрах трех—шести слов.

Распространенное причастное определение при активной частотности его употребления (одно РПО на каждые 5—20 цельных предложений) представлено в 23% всех выборок, т. е. оно не является доминирующим в наполнении группы существительного и элементарного предложения.

Однако высокий коэффициент объема группы существительного представлен в 85% всех выборок. Следовательно, в 62%

выборок группа существительного увеличена за счет постпозитивных несогласованных определений:

1. Hübsche, sportl., eleg. Untern.— Tochter, 26/1, 70 bester Herkunft charm., reif, weibl., verständnisliebevoll, verantwortungsbew., lebensnah, selbständige, kfn., hausfraul., tüchtig, großes Durchstehvermög., viel Schönheitssinn, Witz, Temperament, geistl., Niveau, sportl., aktiv, über 1 Mill. eig. Vermögen, wü. gutauss., kultiv., zuverl., Lebensgef. entspr. Verhältn., bis Ende 30 (Die Welt, 24.7.1976).

2. Wir suchen ab sofort tüchtigen Verkäufer mit Führerschein Kl. 3 bei guter Beziehung (Frankfurter Rundschau, 19.10.1974).

Односоставные предложения в объявлениях представляют собою номинативные предложения. Они весьма ограничены в своих грамматических средствах и существуют только на фоне контекста или ситуации. Назывные предложения находятся в синтаксической зависимости от контекста /3/ которым может быть сама рубрика или первые предложения в объявлениях:

Stellenangebote

Elektroarbeiten. 8512926 (Die Welt, 21.8.1974).

Geschäftliches

Fischereigeräte in großer Auswahl. Regenwürmer, Köderfische. Fachbücher und Zeitschriften. Fachgeschäft Büsch. Wien 12. Schönbrunner Str. 188 (AZ, 22.6.1974).

Односоставные предложения могут употребляться целыми рядами. Они связаны между собою сочинительной связью. Иногда односоставные предложения могут быть конструктивно расширены: Das Haus gepflegter Gastlichkeit mit einmalig schönster Aussicht zum gewaltigen Zugspitzmassiv, staubfrei und ruhig am sonnigen Platz Grainhaus. (Rheinischer Merkur, 8.8.1958).

Широкое употребление в объявлениях находят неполные двусоставные предложения с опущенным подлежащим: Verpachtet ab 1975 Wochenendhaus, 30 km von Berlin, in Wald — und Wassernähe. (Wochen-Post, 16.8.1974).

Подлежащее опускается, или оно представлено имплицитно и легко проецируется благодаря спрягаемому сказуемому. Употребление временной формы Präsens диктуется необходимостью и условиями экстренной подачи и периодичностью сообщаемого материала. В имплицитной репрезентации подлежащего, в краткости и обозримости, компактности выражения содержания проявляется тенденция к языковой экономии /4/.

Группа существительного увеличивает свой объем до весьма высоких средних коэффициентов (3—5 слов) в основном за счет постпозитивных несогласованных с ядром группы определений. Такая группа существительного включает в свой состав одновременно и предложные группы, и одиночные существительные, и

обособленные причастные конструкции, и обособленные прилагательные, и причастия в краткой форме, т. е. определения существительного, могущие выступать более или менее обособленно: *Verkaufe PKW Typ P 70 mit Kofferklappe, generalüberholt, Motor und Getriebe, neuer Boden, Radlager, Bremsen neu gelegt, Auspuff neu, Waschanlage, Preis 2900-M, Bestzustand* (Der Morgen, 11.1.1975).

Такие постпозитивные определения представляют собою своеобразный плацдарм для расширения группы существительного в целях более подробного и в то же время лаконичного и краткого описания характеризуемого предмета, например, в объявлениях. Клише и аббревиатуры благодаря их легкой обозримости способствуют экстренному восприятию информации.

Безглагольные предложения являются также одной из основных синтаксических моделей, свойственных текстам газетных объявлений, в особенности под рубриками «Kauf», «Ankauf», «Verkauf», «Erholung», «Reisen», «Wohnungen».

Особая ситуация, момент написания текста объявления резко очерчивает слово. Эта ситуация с ее доминирующим значением делает излишней передачу синтаксических функций с помощью грамматических элементов /5/: *2 1/2 Zimmer mit Bad, Tempelhof, Miete 50 DM, nur für Behördeangestellten gegen 1 1/2 bis 2 Zimmer Zahlendorf. Angebote unter AR 470* (Der Kuriер, 1.9.1951).

В первом предложении опускается сказуемое *werden getauscht*, во втором — *erbeten* или полностью *sind zu erbeten*.

Причастная конструкция, стоящая в постпозиции (*die erweiterte Partizipialapposition* или *das nachgestellte appositionelle Partizip*) и имеющая при себе дальнейшие определения, которые могут начинаться с предлогов, представляют собой своеобразный трамплин для развертывания группы существительного /6/: *PKW P 70 sehr gut erhaltend mit Garagenwagen für 3000 Mark zu verkaufen* (Der Morgen, 9.1.1975).

Обширные группы существительного в объявлениях создают условия для номинативного стиля и в то же время — благодаря компактной вместимости посредством «нанизывания» различных постпозитивных определений на стержень ядра группы — условия для проявления тенденции к языковой экономии. В силу того, что группа существительного включает в свой состав некоторое количество препозитивных и весьма значительное количество постпозитивных несогласующихся определений, выражающих содержание обстоятельства места, времени, целых придаточных предложений (чаще определительных), партиципиальных конструкций, создаются возможности для максимального увеличения группы существительного и элементарного предложения.

Отметим еще некоторые структурно-семантические и стилистические особенности предложений в текстах газетных объявлений:

1. Эмфатический порядок слов как одно из выразительных средств языка проявляется в выносе дополнения, сказуемого или его компонентов на первое место: а) Geboten wird: geräumige 4-Zimmerwohnung... (Der Kurier, 1.9.1951); б) Dringend gesucht... alle Glas — und Porzellanwaren (Der Tagesspiegel, 2.6.1971); в) Erforderlich ist die Abschlußprüfung einer Ingenieurschule. (Rheinischer Merkur, 19.12.1958).

2. Вынос за глагольную рамку предложных дополнений и обстоятельств (чаще с целью выделения адресата объявления) является также типичной стилистико-грамматической особенностью объявлений: Bewerbungen mit den üblichen Unterlagen bitten wir umgehend zu richten an die Verwaltung des St. Elisabeth — Hospitals, Beckum, Bezirk Münster. (Rheinischer Merkur, 19.12.1958).

3. Разрыхление структуры предложения наблюдается в таких стилистических явлениях, как анаколуф: Stenotypieren, die einfache Korrespondenz zu erledigen, telefonieren mit Kunden und so weiter,— das wären ihre Aufgaben (Der Tagesspiegel, 6.6.1971); или стилистическое добавление: Kino zu pachten gesucht, evtl. Kauf oder Pacht (Der Kurier, 4.8.1951); или изоляция: Geschäft gesucht. Kauf oder Pacht (Der Kurier, 6.6.1951).

Стилистический прием изоляции придает тексту объявления интимно-разговорный тон. Здесь прослеживается влияние разговорного языка на язык газеты. Однако во многих западно-германских газетных объявлениях стилистическая изоляция используется для создания крикливой рекламы: Sie haben Zeit und möchten auf Zeit arbeiten? Job vermitteln die Job-Büros beim Arbeitsamt. Kostenlos. Unbürokratisch. Schnell (Der Tagesspiegel, 6.6.1971).

Тенденция к разрыхлению синтаксического единства завершается членением простого элементарного предложения. Для текстов объявлений характерен стиль синтаксического стаккато. Довольно часто выделяются в самостоятельные короткие предложения логические подлежащие, компоненты перечисления, а также различные добавления с описанием каких-либо обстоятельств: Tüchtige Kontoristin (auch Anfängerin) perfekt in Steno- und Schreibmaschine, zur Unterstützung unserer Chefsekretärin gesucht. Und Stenokontoristin. (Der Tagesspiegel, 6.6.1971).

Другой вариант экспрессивного присоединения состоит в том, что придаточное предложение отделяется от своего глагольного и присоединяется к нему в виде самостоятельного предложения. Логическая сегментация служит средством разрыхления структуры как внутри элементарного, так и целого предложения. Из сложносочиненного предложения может вычленяться предложение, причем соединительный союз und выступает в качестве вводящего слова после ритмического понижения интонации, как и в разговорном языке:

Falls Sie Konversheim, unseren Firmensitz nicht kennen:
Die Landeshauptstadt Stuttgart erreichen Sie mit PKW oder
der Bahn in ca. 15 Minuten. Der Schwarzwald liegt vor der Tür.
Und zum Bodensee ist es auch nicht so weit (Der Tagesspiegel,
6.6.1971).

Итак, анализ показал, что ведущей грамматической структурой в текстах газетных объявлений является простое распространенное элементарное предложение, средний размер которого составляет 13,02 слова. Низкий коэффициент средней комплексности предложения (1,13 предложения) подтверждает частое совпадение размеров элементарного предложения и цельного предложения, т. е. преобладание элементарного предложения. Контекст объявления обуславливает имплицитное представление как главных, так и второстепенных членов предложения, в чем проявляется тенденция к языковой экономии.

Предложения с имплицитно выраженными компонентами обнаруживают еще меньшие средние размеры, чем полные двусоставные предложения (11,07 слова); односоставные предложения — 5,19 слова.

Группа существительного, увеличенная в своем объеме преимущественно за счет постпозитивных определений, создает предпосылки для именного стиля и распространения элементарного предложения в текстах газетных объявлений. Синтаксическое дробление предложения (парцелляция), являющееся следствием влияния разговорного языка на язык газеты, делает предложение более обозримым, позволяет компактно выразить сложное содержание.

ПРИМЕЧАНИЕ

/1/ Адмони В. Г. Размер предложения и словосочетания как явление синтаксического строя.— Вопросы языкознания, 1966, № 4.

/2/ Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка.— Л., 1966, с. 7, 165.

/3/ Кораблева Л. Г. Некоторые вопросы отграничения бытийных предложений от других номинативных — В сб.: Грамматические исследования.— Л., 1975, ч. 1.

/4/ Sandig B. Syntaktische Typologie der Schlagzeile. Möglichkeiten und Grenzen der Sprachökonomie im Zeitungsdeutsch.— München, 1971, S. 40.

/5/ Grosse S. Mitteilung ohne Verb. Festgabe für Fr. Mauer.— Düsseldorf, 1968, S. 56—57.

/6/ Weber H. Das erweiterte Adjektiv — und Partizipialattribut im Deutschen.— In: Linguistische Reihe München, 1971, Bd. 4, S. 116.

ОБ ОДНОМ ВИДЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Вопросительные по форме предложения типа *Am I tired!*; *Is he a liar!*; *Am I hungry!* не имеют однозначного определения в грамматической литературе. Они рассматриваются как вопросительно-восклицательные /1/, восклицательные инвертированные /2/, эмоциональные предложения /3/. В стилистике современного английского языка такие предложения определяются как один из видов транспозиции вопросительных предложений в восклицательные /4/. Различие в определении рассматриваемых предложений обусловлено тем, что они имеют ряд особенностей, выявляемых в процессе их анализа. По своей структуре это неместоименные вопросительные предложения. Однако в отличие от собственно-вопросительных предложений, передающих значение вопросительности, вышеупомянутые вопросительные предложения имеют значение сообщения. Как отмечается в грамматиках английского языка, эти вопросительно-восклицательные предложения служат разговорным средством передачи сильной положительной убежденности говорящего в чем-либо, т. е. являются утверждением:

Am I hungry! = I am very, very hungry.

Did he look annoyed! = He looked very annoyed.

Has she grown! = She has grown very much /1/.

Другой отличительный признак рассматриваемых предложений — их интонационное оформление. В отличие от неместоименных вопросительных предложений, которые произносятся с восходящим тоном, интонационный рисунок предложений типа *Am I hungry!* имеет совсем другой характер. В специальном исследовании интонации английского языка О'Коннора /5/, а также в некоторых грамматиках английского языка указывается, что такие предложения произносятся с интонацией понижения тона, а вспомогательный глагол и подлежащее имеют эмфатическое ударение '*Am* 'I tired! 'Has 'she grown! 'Did he 'look annoyed! /1/. Каждый из выделенных признаков данных предложений может служить основанием для их соотнесения с определенным коммуникативным типом предложения: вопросительным (инвертированный порядок слов), повествовательным (значение сообщения), восклицательным (эмфатическая интонация). Такое совмещение различных признаков обуславливает необходимость выяснения, каким образом вопросительное по форме предложение реализует несвойственное ему значение сообщения, эмоционально-окрашенное, благодаря восклицательной интонации и эмфати-

ческому ударению, и передает эмоциональное отношение говорящего к предмету высказывания.

В статье делается попытка выявить внутренний механизм данного языкового явления, которое рассматривается как функционально-семантическая транспозиция вопросительного предложения в восклицательное (Восклицательные предложения рассматриваются как самостоятельный коммуникативный тип предложения, к которому относятся предложения, имеющие *What/How + noun phrase*). Под функционально-семантической транспозицией понимается использование языковой единицы в нетипичных для нее условиях функционирования, при которых происходит модификация значения и функции данной единицы.

Поставленная задача предполагает выявление условий, при которых происходит такая модификация вопросительного предложения. Исследователями установлено, что основными лингвистическими факторами, обуславливающими возникновение явления транспозиции, являются интонация и контекст /6/. Кроме того, в каждом конкретном случае выявляются частные факторы транспозиции. К ним следует отнести лексико-грамматический состав предложения, его структурные особенности. Все эти факторы транспозиции взаимодействуют друг с другом, актуализируя одни семы и подавляя другие семы в семном составе транспонируемой единицы /6/. В рамках данной статьи ограничимся рассмотрением особенностей лексико-грамматического состава вопросительных предложений, транспонированных в восклицательные, их структурного оформления.

Анализ примеров неместоименных вопросительных предложений, передающих значение сообщения, показывает, что, в отличие от собственно-вопросительных предложений, выражающих запрос информации от собеседника, их лексический состав обычно содержит междометия *oh*, *well* или существительные *God*, *Jesus Christ*, *hell*, которые выполняют функцию междометий. Так, в словарных дефинициях отмечается употребление *hell* в разговорной речи в восклицательных предложениях для выражения гнева или для усиления значения сообщаемого /7/.

Tot was already at the bus station, revolving like a lighthouse beacon. «By hell, am Ah glad to see ye!» he greeted. (S. Chaplin).

В приведенном примере вопросительное по форме предложение *By hell, am Ah glad to see ye!* не реализует закрепленное за ним в системе языка значение вопросительности. В данном контексте оно актуализирует сообщение. Сема «сообщение» выявляется при трансформации данного вопросительного предложения в повествовательное: *By hell, am Ah glad to see ye! — I'm very glad to see you.* Тест на их взаимозамену в исходном контексте подтверждает наличие семы «сообщение» в вопросительном предложении:

Tot was already at the bus station, revolving like a lighthouse beacon. «I'm very glad to see you» he greeted.

Сопоставление транспонированного вопросительного предложения с повествовательным предложением *I'm very glad to see you* показывает, что, помимо семы «сообщение», в данном вопросительном предложении актуализируется сема «эмоциональность». Этому способствует восклицательная интонация, которая передается в письменной речи восклицательным знаком, а также междометие *hell*, которое используется в данном случае с целью усиления значения высказывания. Транспонированное вопросительное предложение *By hell, am Ah glad to see you!* можно рассматривать как эмоционально-маркированное предложение по отношению к эмоционально-нейтральному повествовательному предложению *I'm very glad to see you*.

Функцию междометия в рассматриваемых предложениях может выполнять и существительное *boy*, которое утрачивает свою основную функцию номинации и выражает такие чувства говорящего, как удивление, энтузиазм и т. д. /7/.

«Hey», I said, «is it okay if I sleep in Ely's bed tonight? He won't be back till tomorrow night, will he?» I knew damn well he wouldn't. «I don't know when the hell he's coming back», Ackley said. Boy, did that annoy me! (J. Salinger).

Наличие междометий в лексическом составе приведенных вопросительных предложений является своеобразным сигнализатором того, что в них утрачена сема «запрос информации» и актуализируется сема «эмоциональность» и сема «сообщение».

В процессе анализа выявились и некоторые особенности лексического наполнения позиции глагола-сказуемого в рассматриваемых вопросительных предложениях. В большинстве случаев это глаголы, имеющие значение эмоционального действия: *hate, love, annoy, worry, depress, laugh*. Они называют определенное эмоциональное чувство, которое испытывает говорящий: любовь, ненависть, беспокойство и т. д.

«I mean do you like school and all that stuff?» «It's a terrific bore». «I know it's a terrific bore, but do you hate it, that what I mean.» «Well, I don't exactly hate it. You always have to. Well, I hate it. **Boy, do I hate it**» I said (J. Salinger).

В приведенном примере эмоциональное отношение говорящего к обсуждаемому факту передается не только с помощью слова *boy*, выполняющего функцию междометия, но и значением глагола-сказуемого *hate*. В случаях, когда вопросительное предложение имеет составное именное сказуемое, предикативный член обычно представлен прилагательным, характеризующим эмоциональное состояние говорящего: *nervous, sore, mad, lousy, crazy*, причастием II, указывающим на эмоциональное состояние говорящего: *scared, worried, annoyed, excited, depressed* или существительным, имеющим значение оценки: *liar*.

They acted like they owned the damned place. Old Sunny sat on the window sill. Old Morrice sat down in the big chair and loose-

ned his collar and all he was wearing his elevator's operator's uniform. **Boy, was I nervous** (J. Salinger).

«Let's have it, chief». «No». «When I said that, he got up from his chair and started walking towards me and all. He looked like he was very, very tired..., **God, was I scared** (J. Salinger).

Модальный глагол *can/could*, употребляясь в вопросительных предложениях, может актуализировать не значение возможности, способности выполнить действие, называемое вторым элементом сказуемого, а передавать определенное эмоциональное отношение. В словаре А. С. Хорнби отмечается, что *can/could* в вопросительных предложениях выражает удивление, изумление, нетерпение и т. д., в зависимости от контекста /7/.

We just danced. **God, could that dopey girl dance**. (J. Salinger).

Boy, can you make delicious coffee! (N. Mc Cawley). Вопросительные предложения *God, could that dopey girl dance!* *Boy, can you make delicious coffee!* не содержат вопроса о возможности или способности собеседника сварить кофе, вопроса о том, умеет ли девушка танцевать. Они передают утвердительное сообщение, в котором выражается удивление говорящего: *That girl danced very well; You make very delicious coffee*. Этому способствует наличие междометий *Boy, God*, значение модального глагола *can/could*.

В структурном аспекте рассматриваемые вопросительные предложения являются двусоставными предложениями с простым или составным именным сказуемым:

1) (Int.) V *can/could* — N (Prn.) — V!

Boy, can you make delicious coffee!

2) V(aux) — N (Prn.) — V!

Did we laugh!

Noun

3) to be — N (Prn.) — Adjective

Participle II

Are you a liar!; Was I nervous!; Am I tired!

Частое употребление таких вопросительных структур в разговорной речи для выражения эмоционального отношения говорящего к определенному явлению приводит к стабилизированности структур и закреплению за ними определенного эмоционального значения. В исследовании А. В. Безруковой, посвященном рассмотрению эмоциональных предложений в современном английском языке, вопросительные по форме предложения *Are you a liar!; Is she mad!* определяются как стабилизированные структуры с закрепленным за ними значением эмоциональности /3/.

Стабилизированность вопросительных структур, используемых в разговорной речи для выражения определенного эмоционального сообщения, подтверждается тем, что введение интенсификаторов *very*, *extremely* в лексический состав таких струк-

тур приводит к изменению значения всего предложения: сема «сообщение» и сема «эмоциональность» утрачиваются и актуализируется сема «запрос информации» /2/. *Am I tired. = I'm very tired; Am I extremely tired = You are asking me if I'm extremely tired.*

Другой особенностью рассматриваемых вопросительных предложений является то, что введение в их лексический состав негатора *not* не изменяет их утвердительного значения: *Has she grown!; Hasn't she grown! = She has grown very much.* Наличие восклицательной интонации, создающей эмоциональность, и утвердительное значение предложений *Has she grown!; Hasn't she grown!* дают основание рассматривать их как два вида вопросительно-восклицательных предложений /1/.

Рассмотренные особенности структуры и лексико-грамматического состава вопросительных предложений, выражающих эмоциональное сообщение, позволяют сделать вывод о том, что они являются индикаторами транспонированности данных предложений в восклицательные в определенном контексте при наличии эмфатической интонации. Взаимодействие всех факторов транспозиции обусловливает выдвижение на первый план семы «сообщение» и семы «эмоциональность» и подавление основной семы вопросительного предложения — «запрос информации».

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English.—M., 1983; Quirk R., Greenbaum S., Leech J. A University Grammar of English.—M., 1982.

/2/ McCowley N. Boy! Is Syntax Easy!—In: Papers from the 19th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 1973.

/3/ Безрукова А. В. Эмоциональные адъективные и субстантивные двусоставные предложения в современном английском языке. АКД.—Л., 1981.

/4/ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка.—Л., 1981.

/5/ O'Connoll, Agnold G. Intonation of Colloquial English.—L., 1961.

/6/ Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике.—M., 1970.

/7/ Hogbin A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.—M., 1982.

И. А. СЕМИХИНА

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом исследования в данной статье является обобщенное значение /1/ предложений, объединенных общим формальным

признаком — наличием предикативного инфинитива в качестве главного члена односоставного предложения. Такие предложения получили название инфинитивных предложений (ИП) /2/.

Cр. (1) «*Zusammenhalten!* Die schlagen uns die Knochen im Leibe entzwei» (Apitz, 250).

(2) «*Nicht zurückdenken!*» (Schulz, 40).

Семантика ИП неоднократно изучалась в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Так, исследуя поле модальности /3/, Е. И. Шендельс и Е. В. Гулыга выделили ИП в качестве конституента микрополя «побуждение», входящего в ядро данного микрополя.

Многие исследователи также выделяют значение побуждения в качестве обобщенного, инвариантного /4/ значения этих предложений (В. Г. Адмони, О. И. Москальская, В. Д. Девкин, Н. Фрис и другие).

Однако наличие большого фактического материала /4/ свидетельствует о том, что, обладая полевым строением, обобщенное значение исследуемой грамматической формы характеризуется достаточно сложной семантической структурой. Помимо основного значения побуждения она может выражать значения желания, необходимости (долженствования) /5/ и даже оценки (в подавляющем большинстве случаев — отрицательной).

Все эти значения в той или иной степени связаны друг с другом, будучи соотнесенными с одной и той же базисной структурой, образуемой инфинитивом. Поэтому мы считаем возможным говорить об обобщенном значении потенциальности ИП, т. е. о потенциальном действии, которому предстоит осуществиться. Подчиненные этому значению значения отдельных групп ИП обозначим как подзначения.

Итак, рассмотрим отдельные подзначения ИП в их связи друг с другом.

1. Побудительные ИП, выражающие побуждение к называемому инфинитивом потенциальному действию. Значение побуждения определяется в словаре О. С. Ахмановой как «волеизъявление» /6/ субъекта речи с целью вызвать названное действие со стороны слушающего (адресата), например:..

(3) Er schnauzte die Flakwehrmänner an: «Munition bereithalten!...» (Holt, 162).

Понятие «побуждение» представляется нам родовым по отношению к таким видовым понятиям как «приказ», «просьба», «инструкция» (в том числе рецепты, указания по употреблению) и многие другие. Отметим те из них, которые могут быть выражены инфинитивными предложениями.

Разновидности побудительных подзначений располагаются на оси между полюсами

запрет — мольба

Сюда мы относим требование, приказ, служебное распоряжение, инструкцию, просьбу.

Примеры:

(4) «In Deckung gehen!» (Casanowa, 186) (требование)

(5) *Er schlenderte auf Kluttig zu; «Mal herhören, Herr Hauptsturmführer!* (Apitz, 52) (просьба).

(6) *Den vorbereiteten Kürbis in Stücke schneiden und in 1/2 Liter leichtem Salzwasser garen* (Gemüse, 17) (рецепт). Подобные предложения составляют ядро, основную семантическую группу ИП (4760 примеров).

II. Оптативные ИП, выражающие желание совершения называемого инфинитивом действия (421 пример).

Значение «желание» отличается от значения «побуждение» тем, что желание не должно быть ориентировано непосредственно на второго участника речевого акта /5/. Говорящий и субъект действия, выраженного инфинитивом, совпадают.

В состав модели оптативных ИП могут входить междометия и модальные слова, усиливающие семантику желания.

(7) *Ach, einmal dich unter der Fuchtel haben, überlegte sie, mit ihren Gedanken schon wieder bei dem Schwiegersohn* (Väter, 11).

(8) *Wenn ich nur heut' abend mal nicht nach Hause brauchte, denkt der Franz, nur mal wieder mit einem sprechen, mit einem wie dem da.* (Seghers, 243)

Встречается также эмоционально усиленная модель, содержащая повтор инфинитива с группой «nichts als».

(9) *Holt wickelte sich in eine Decke. Schläfen, nichts als schlafen!* (Holt, 354)

Итак, важно подчеркнуть, что семантическое отличие оптативных ИП от побудительных касается категории лица субъекта действия. Для них характерна также принадлежность инфинитивов к определенному лексико-грамматическому классу глаголов: обычно это глаголы экзистенциального и локализующего значения. Возможны также в этой позиции глаголы речемыслительного и эмоционального действия.

III. ИП со значением необходимости (долженствования), выражающие необходимость совершения называемого инфинитивом действия (507 примеров).

Субъект речи и субъект действия совпадают. Правда, в ИП, выражающих необходимость, это обычно первое лицо множественного числа.

Отличие ИП со значением необходимости мы усматриваем еще в одном моменте: если в побудительных и оптативных ИП активной силой, побуждающей к действию, является человек (субъект речи), его воля, то в этом типе предложений такой силой обычно являются внешние обстоятельства.

(10) *Diese Richtung einhalten! Du kommst dann in den Tiergarten* (Bredel, 277).

IV. Оценочные ИП (332 примера), в которых содержится отрицательная оценка называемого действия. Говорящий обращается к слушающему с определенной интенцией, которая однако не такова, чтобы прямо побудить слушающего к совершению определенного действия. Тем не менее, отрицательная оценка может быть воспринята как косвенное побуждение не совершать указанных действий в будущем. Поэтому мы считаем возможным условно причислить данные предложения к ИП с обобщенным значением потенциальности.

К формальным средствам выражения отрицательной оценки можно отнести наличие в предложении модально-оценочных компонентов, выражаемых словосочетанием или предложением «So was...»; «Was für ein Unsinn!»

(11) **Zwischen Elli und meinen Kindern wählen, was für ein Unsinn!** (Seghers, 258).

(12) «So was, **Bettler in die Küche holen und füttern!**» (Bredel, 294)

Значение отрицательной оценки может создаваться также в результате несоответствия содержания отдельных частей предложения друг другу, а также фоновыми знаниями читателя.

(13) «**Einen Menschen danach bewerten, wieviel Hosen er verkaufen kann!**» (Fallada, 156)

Обычно человека оценивают по его душевным, умственным качествам, работоспособности. В результате «столкновения» фоновых значений и второй части сложного предложения возникает значение отрицательной оценки.

Помимо указанных подзначений следует отметить наличие в языке также промежуточных значений, возникающих в результате нейтрализации отдельных дифференциальных признаков, например, значений необходимости—побуждения, желания—побуждения, которые, однако, в рамках данной статьи рассматриваться не могут.

Таким образом, имеется объективная возможность, диктуемая фактическим материалом, изучать семантику ИП как систему, включающую в себя обобщенное значение базисной структуры и частные подзначения, опирающиеся на некоторые лексико-грамматические различия структурных разновидностей этих предложений.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Поскольку основные положения, связанные с теорией значения хорошо известны (см., напр., статью Бондарко А. В. «Теория значения и трактовка категорий залога»).— В кн.: Проблемы теории грамматического залога.— Л., 1978, нет необходимости останавливаться на них подробно. Определим лишь принятый в данной статье подход к семантике предложения. Мы проводим различие между языковой (грамматической, синтаксической) семантикой как «семантикой синтаксических структур» (В. Г. Адмони) и смыслом, сосредоточивая внимание на первом компоненте указанного противопоставления.

/2/ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.— М., 1966.

/3/ Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке.— М., 1969.

/4/ Инвариантного значения, не нуждающегося в поддержке контекста (см., напр. /2/, с. 163).

/5/ Различая понятные категории необходимости и долженствования, мы не проводим однако этого различия при определении обобщенного значения инфинитивных предложений, так как это различие не находит воплощения в формальном языковом различии. Выделяя отдельные значения инфинитивных предложений, мы опирались на тезис В. Г. Адмони о том, что без различия в структуре не может быть и речи о какой-либо грамматической дифференциации предложения (См.: Адмони В. Г. Стой современного немецкого языка.— Л., 1972).

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Apitz ← Apitz Bruno. Nackt unter Wölfen. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun. 1967.

Casanowa — Hauser Harald. Der illegale Casanova. 75 Erzähler der DDR. 2. Bd. Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1974.

Fallada — Fallada Hans. Kleiner Mann — was nun? Berlin und Weimar: Aufbau Verlag, 1972.

Gemüse — Gemüse. Verlag Mir Moskau — Verlag für die Frau.— Leipzig, 1983.

Holt — Noll Dieter. Die Abendteuer des Werner Holt.— Berlin: Aufbau Verlag, 1975.

Seghers — Seghers Anna. Das siebte Kreuz. Verlag Phillip Reclam jun. Leipzig, 1968.

Söhne — Bredel Willi. Die Söhne. Aufbau Verlag, Berlin und Weimar, 1979.

Т. Ю. СМИРНОВА

ВЛИЯНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ, ЗАНИМАЕМОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В ПРЕДЛОЖЕНИИ, НА ЕГО МОДАЛЬНОСТЬ

Одной из основных тенденций развития лингвистической науки последних лет является переход от аналитического представления языковых фактов и явлений к комплексному, синтезирующему. В кругу внимания лингвистов оказываются не отдельные языковые категории и не единицы отдельных языковых уровней, а взаимодействие языковых единиц различных уровней в процессе создания высказывания, т. е. функционирование различных единиц в высказывании.

К функциональным аспектам отглагольного процессуального существительного (девербатива), связанным с реализацией их потенций в высказывании, относится наряду с их специфической функцией в организации семантической структуры предложения их модальное значение. На наличие модальности у номинализованных конструкций — девербативов с зависимыми от них членами — указывается в ряде семантико-синтаксических исследований /1/. По отношению к номинализации выделяются также раз-

личные виды модальности. Критериями для классификации при этом служат, с одной стороны, объективная модальность — реальность/нереальность обозначаемого факта, с другой стороны, так называемая логическая модальность — то, «каким образом содержание предложения или его части сообщается рецепенту» /2/ — утверждается ли связь между носителем признака и признаком, предполагается ли или отсутствует (нейтрализована). При этом вышеназванные признаки пересекаются, накладываются друг на друга. Так, например, в предложении *Ich freue mich auf deine Rückkehr* номинализация обозначает нереальный факт, а связь между субъектом и действием предполагается. Структуры, обозначающие нереальные ситуации, классифицируются в некоторых исследованиях также на основании денотативного статуса девербатива. Это, например, номинализации, обозначающие потенциальный факт: Я попросил его о поддержке моего проекта; и номинализации, обозначающие неактуальный факт с вневременным значением, универсальный факт: Я люблю прогулки с друзьями. Не ставя своей целью создание новой единой классификации модальных значений номинализованных конструкций, мы используем наблюдения, сделанные в вышеназванных работах и выделяем следующие виды модальности номинализации-девербатива: а) ассертивную, б) презумптивную, в) гипотетическую, г) универсальную, д) вопросительную модальности.

Ассертивной модальностью номинализованная структура обладает в том случае, если значение осуществления процесса, выраженного девербативом, передается членом номинализованной структуры, например, глаголом-предикатором: *Dort fiel ein Schuß*.

Структуры с презумптивной модальностью могут быть двух типов. С одной стороны это — структуры, обозначающие уже осуществившиеся процессы. Истинностное значение глагола-сказуемого при этом не влияет на истинностное значение девербатива: *Ich freue mich (nicht) über deine Rückkehr*. Такая презумптивная модальность может быть определена как фактивная. С другой стороны, при влиянии истинностного значения глагола-сказуемого на истинностное значение девербатива можно говорить о презумптивной нефактивной модальности девербатива: *Er hat sie zu diesem Geständnis (nicht) gezwungen* /3/.

Девербатив с гипотетической модальностью обозначает некоторый потенциальный факт, локализованный в будущем времени. Глагол-сказуемое, (основной предикат предложения) обладает перспективной семой: *Sie forderten die Entlassung der Gefangenen*.

Девербатив, обладающий универсальной модальностью, обозначает некоторую идею безотносительно к ее реализации; *Er hätte übereilte Entscheidungen*.

Номинализации с вопросительной модальностью могут рассматриваться как потенциальные факты с альтернативой — реализация/нереализация процесса, обозначаемого девербативом: *Alles hängt von seinem Entschluß ab*.

Общей спецификой выражения модального отношения номинализованной структурой (за исключением структур с ассертивной модальностью) является то, что они представляют ситуацию без эксплицитного утверждения актуальности связи между носителем признака и признаком, т. е. модальное значение представлено в номинализованной структуре имплицитно, в снятом виде. В качестве основного языкового средства, «индуцирующего» определенную модальность номинализации обычно рассматривается глагол-сказуемое, его семантика, его временное и модальное значение.

В данной статье исследуется влияние на модальность девербатива обобщенно-грамматического значения синтаксической позиции, которую девербатив занимает в предложении. С этой целью сопоставим предложения, в которых девербатив занимает позицию подлежащего или дополнения.

Номинализованные структуры в позиции подлежащего имеют либо презумптивную, либо универсальную модальность в зависимости от денотативного статуса девербатива. Если девербатив употребляется референтно, т. е. если называемый им процесс локализован во времени и пространстве, номинализация имеет презумптивную модальность: (1) *Die sausende Fahrt ging zum städtischen Zentralfriedhof* (Werfel, 234); (2) *Das Flüstern erstarb* ... (Hermlin, 26); (3) *Der Ausbruch deutete einfach auf eine nervöse Erschöpfung hin* ... (Horstmann, 50); (4) *Die Schreie wurden häufiger* ... (Hermlin, 34). При нереферентном употреблении девербатива номинализация имеет универсальную модальность: (5) *Amerikanische Wissenschaftler haben also nachgewiesen, daß gemeinsames Fernsehen im Bett gefährdete Ehen wieder glücklich machen kann* (Lenz, 215); (6) *Ich begann also mich damit abzufinden, daß Autofahren anstrengend ist* (Wolf, 116).

Исключение составляют бытийные предложения. Глагол-сказуемое в этих монопропозитивных предложениях является частью номинализации, которая равновелика по объему предложению /4/. Обозначение процесса само по себе не имплицирует значения реальности, осуществления процесса. Бытие, реализация процесса выражается при помощи глагола-предиката: (7) *Gegen Morgen fielen Schüsse im Nachbargarten* (Reimann, 8); (8) *Aber da erhob sich ein Zank zwischen Bargan und seinem Freund Groze...* (Brecht, 9). Значение реализации процесса может входить в утверждаемую часть смысла высказывания. Номинализация при этом имеет пресуппозицию утверждения, так как «пресуппозицию утверждения» может составить обозначение события, уже введенного в качестве предмета речи, темы /5/: (9) *Die Beerdigung fand doch statt* (Horstmann, 261); (10) *Der Hahnenschrei erklang wieder* ... (Hermlin, 48).

Таким образом, наличие ассертивной модальности у номинализации связано с особым типом семантической структуры — монопропозитивной структуры. Основными же видами модальности

девербатива в позиции подлежащего являются презумптивная фактивная и универсальная модальности.

Номинализованные структуры, представленные девербативом (группой девербатива) в позиции дополнения, могут иметь все из установленных выше видов модальности: ассертивную, презумптивную, гипотетическую, универсальную и вопросительную.

Ассертивную модальность имеют монопропозитивные структуры, в которых глагол обозначает осуществление, фазу начала или возобновление, а также степень реализованности процесса: (11) ... als er in einem offenen Schlitten eine Fahrt zu einem entfernten Gut machte (Brecht, 152), (12) Auch jetzt deutete er nur ein Kopfschütteln an (Horstmann, 7).

Презумптивную фактивную модальность девербатив имеет в полипропозитивных предложениях с глаголом-сказуемым, обозначающим реакцию субъекта на некоторую ситуацию, участие субъекта в некотором событии, в предложениях с фазовыми глаголами «продолжения» или «конца», а также глаголами со значением передачи информации: (13) So kümmerte er sich nicht um die Mühen des Jungen ... (Brecht, 149); (14) Die Rote Armee setzte ihren Vormarsch fort (Brecht, 18); (15) Eine beträchtliche Anzahl bis dahin Schwankender schloß sich dem Rückzug der Milizen an (Werfel, 229). Презумптивную нефактивную модальность девербатив имеет в предложениях с глаголом-сказуемым, обозначающим каузацию, причинно-следственные и другие логические отношения, т. е. выражаяющим обусловленность одного процесса, обозначенного девербативом, некоторым другим: (16) Unsichtbare Flammen ... brachten ihn zum Siedeln (Hermlin, 19); (17) Die Meldung erregte Staunen, Bewunderung ... (Werfel, 234).

Наличие гипотетической или вопросительной модальности у девербатива-дополнения зависит от семантики глагола, например, от наличия в его семной структуре проспективной семы: (18) Sie begaben sich sofort in den Maschinenraum und erwarteten weitere Befehle (Horstmann, 159).

Универсальная модальность девербатива, связанная с его денотативным статусом, «индуцируется» также глаголами определенной семантики: (19) ... sagte Franziska, die Kartoffelschälen unter dem eisigen Wasser verabscheute (Reimann, 26).

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что синтаксическая позиция, занимаемая девербативом, несомненно, влияет на его модальное значение. Это выражается в том, что для модальности девербатива-дополнения определяющее значение имеет семантика глагола-сказуемого, что в свою очередь обусловлено тесной семантической и синтаксической связью лексической единицы в позиции дополнения с глаголом-сказуемым, по отношению к которому она является комплементом. Для девербатива-подлежащего семантика лексической единицы в позиции сказуемого не имеет определяющего значения. Это подтверждается также и тем, что универсальная модальность девербатива в той и другой

позиции «индуцируется» различными средствами. У девербатива-дополнения — глаголами, относящимися к определенной лексико-семантической группе, у девербатива-подлежащего — общим смыслом предложения.

Общим для предложений с девербативом-подлежащим и девербативом-дополнением является наличие у них асертивной модальности, связанной с определенным типом семантической структуры — монопропозитивной структурой, которая присуща как тем, так и другим предложениям. Однако, девербатив-подлежащее может иметь в монопропозитивном предложении и презумптивную модальность, что связано с его функцией темы в коммуникативном аспекте предложения /6/.

Общим является и то, что в обоих сопоставляемых предложениях девербатив может иметь презумптивную модальность. Однако, для девербатива-подлежащего характерна презумптивная фактивная модальность, что, по-видимому, также связано с его коммуникативной функцией темы, а для девербатива-дополнения — как презумптивная фактивная, так и презумптивная нефактивная модальность в зависимости от семантики глагола.

Таким образом, можно говорить о тесной взаимосвязи всех аспектов предложения в создании общего смысла высказывания, а также о доминирующей роли формально-грамматического уровня как уровня с грамматическими значениями высокой степени абстракции. Неравнозначность синтаксического отношения между глаголом-сказуемым и левым и правым предикатным актантом — девербативом проявляется в неравнозначности языковых средств, обусловливающих модальность девербатива. Влияние грамматического значения синтаксической позиции на модальность девербатива не является непосредственным. Оно осуществляется через определенные семантические структуры, присущие им, через специфическое лексическое наполнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Адамец П. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. — Научные доклады высшей школы, «Филологические науки», 1973, № 4; Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — М., 1974; Богданов В. В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста. — В кн.: Семантика и прагматика синтаксических единиц. — Калинин, 1981; Митякина Е. А. Типология конструкций с предикатным актантом в позиции дополнения в современном английском языке. АКД. — М., 1984.

/2/ Богданов В. В. Указ. раб., с. 7.

/3/ Н. Д. Арутюнова анализирует в данной связи концепцию Кипарских, которые разграничивают фактивные и нефактивные предикаты, связанные соответственно с пресуппозицией или утверждением истинности. См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М., 1976, с. 67—68.

/4/ В монопропозитивных предложениях единственный семантический предикат представлен девербативом, глагол-сказуемое не имеет соответствия в семантической структуре предложения. Такая номинализация не является включенной, и все предложение в целом представляет собой, таким образом, независимую номинализацию. См.: П. Адамец, Н. Д. Арутюнова, указ. работы.

/5/ Арутюнова Н. Д. Указ. раб. с. 68.

/6/ На корреляцию подлежащего и темы указывается в ряде исследований. См., например: Юрченко В. С. К вопросу о соотношении актуального и грамматического членения предложения. — В кн.: Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единиц. Калинин, 1980.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Brecht — Bertolt Brecht. Werke in fünf Bänden. Band 4. Aufbau-Verlag, 1975.

Hermlin — Stephan Hermlin. Erzählungen. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1977.

Horstmann — H. Horstmann. Die Rätsel des Silbermonds. Verlag Das Neue Berlin, 1971.

Lenz — S. Lenz. Ein Haus aus lauter Liebe. Ausgewählte Erzählungen. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1977.

Reimann — B. Reimann. Franziska Linkerhand. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1977.

Werfel — F. Werfel. Erzählung — In: Die arge Legende vom gerissenen Galgenstrick und andere deutsch-sprachige Meistererzählungen des 20. Jahrhunderts. Verlag Neues Leben, 1973.

Wolf — Ch. Wolf. Unter den Linden. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1976.

Е. Б. ЯРЦЕВА

ОБ ОДНОЙ ФУНКЦИИ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Цель статьи — описание одной из возможных коммуникативно-стилистических функций повторной номинации в текстах художественной прозы — функции логического выделения содержания высказывания.

Термин «повторная номинация» широко используется в современной лингвистической литературе, но трактуется учеными по-разному /1/. В настоящей работе под повторной номинацией (далее — ПН) понимается повторное обозначение объекта существительным или именным словосочетанием, выполняющим функцию репрезентации объекта речи /2/. Основные средства репрезентации объектов в тексте — имена собственные и местоимения. Наряду с ними лексические ПН обеспечивают отсылку к предшествующим кореферентным номинациям и установление тождества объекта на протяжении текста.

ПН обладает большим коммуникативно-стилистическим потенциалом, что объясняется разнообразием варьирования лексических средств ее выражения и функциональной значимостью последовательности ее варьирования в тексте. Функциональная значимость ПН определяется не только в связи с ее способностью передавать «дополнительную» стилистическую информацию, но так-

же учитывается коммуникативно-значимый аспект ПН, связанный с передачей предметно-логической информации /3/.

Общая для всех лексических форм ПН функция в текстах художественной прозы — обязательное общетекстовое варьирование средств репрезентации обозначаемых объектов. На основе целенаправленной реализации свободы варьирования выделяются следующие частные коммуникативно-стилистические функции ПН в прозаических текстах: 1) функция передачи субъективно-оценочной модальности текста; 2) функция логического выделения содержания, высказывания; 3) функция создания изобразительной конкретизации текста; 4) функция передачи субъективированной неопределенности текста.

Особенности функционального аспекта ПН состоят в том, что хотя и существует определенная зависимость между семантическим типом ПН и определенной функцией, эта зависимость не является жесткой. Разные по смыслу ПН могут выполнять одну функцию. Особенность функционального аспекта проявляется также в возможности одновременной полифункциональности ПН — выполнении в рамках единичного использования ПН разных функций, что вытекает из различных текстовых оснований выделения функциональной направленности ПН.

Под функцией логического выделения содержания высказывания значением ПН понимается целенаправленное варьирование обозначений объектов при их ПН в целях обоснованного ввода в текст новой информации. Объем этой информации ограничивается рамками простого или сложного высказывания. При логическом выделении содержания высказывания значением ПН информация, содержащаяся в высказывании, подвергается дополнительной логической обработке: дается вывод, к которому приходит автор, квалифицируя отношения между значением ПН и смыслом высказывания, за счет чего устанавливаются имплицитные логико-семантические отношения, которые в современной лингвистике определяются как каузальные /4/.

Возможность установления логико-семантических отношений в рамках простого предложения на основе семантического взаимодействия имен, выполняющих репрезентацию обозначаемых объектов, и предикатов отмечалась в работах ряда исследователей. М. В. Никитин указывает на возможность установления определенной логико-семантической зависимости между признаками, эксплицированными значением определения при подлежащем и признаком, предицированным в предложении, и показывает, что подобные предложения при трансформации для обнаружения их глубинной структуры имеют формы, соответствующие сложноподчиненному предложению: *the predatory tigers were separated — the tigers were separated, as tigers are predatory* /5/. Н. Д. Арутюнова отмечает, что, помимо функции репрезентации объекта, значение референтных имен может быть направлено на смысл предиката, пояснить его, при этом она подчеркивает, что подобные

смысловые связи не являются обязательным атрибутом референтных имен /6/. Появление каузальных отношений в простом предложении, основанных на семантической связи имен в позиции дополнения и обстоятельства со сказуемым предложения, констатируется также в работах и других авторов /7/.

В настоящей работе направленность значения ПН на смысл высказывания рассматривается в функциональном аспекте в плане информационного развития текста, что обусловлено следующими факторами:

1. Реализация функции логического выделения не ограничивается рамками какого-либо одного семантического типа обозначений. Логическим обоснованием содержания высказывания могут служить оценочные ПН, основанные на субъективном взгляде говорящего: ... this is Prince Chillicheff — A battered, powder-gray Russian of fifty ... During the narrative Dick decided that **this parched papier mâché relic of the past** was scarcely worth the lives of three young men (FTN, p. 224). В качестве признака объекта, реализующегося в значении ПН, могут выбираться объективные характеристики объекта: **She married a cousin of mine. He died a couple of months ago and she's just recovering from a nervous breakdown ... Beatrice's soft heart went out to the lorn widow** (MROSS, p. 359).

2. Использование ПН в качестве логического обоснования смысла высказывания характерно для различных коммуникативно-прагматических типов высказываний, под которыми понимается их принадлежность к числу единиц, квалифицирующихся как описание, характеристика, поиск информации, приказ, извинение. Так, в последнем из приведенных примеров значение ПН является причинным обоснованием дескриптивного высказывания, сообщающего об определенных событиях.

They emerged from the station and Maud led to a **dilapidated car of almost fabulous antiquity**. «Sorry about our old rattletrap», she said (CAF, p. 51). В значении квалификативной ПН our old rattletrap эксплицируется признак объекта, который аргументирует использование конкретного коммуникативно-прагматического типа высказывания-извинения.

«**He always hoped to marry Audrey, I think. And then you came along and cut him out.**»... «**True love rewarded? Audrey marry that wet fish?** She's a lot too good for that» (CTZ, p. 101—102).

Коммуникативно-прагматическое содержание вопросительных предложений в данном случае можно определить как переспрос-удивление, которое возникает как несогласие с мнением адресата. Оценочная ПН **that wet fish** является обоснованием выражаемого несогласия с высказанным предположением, поскольку оценка, содержащаяся в ней, противоречит, по мнению говорящего, реализации этого предположения.

«**Sneaked round behind by back and tried to steal Anatole**»
«... **Fortunately, Anatole proved staunch — after I had doubled his wages**».

«Keep on doubling them. Pour out money like water rather than lose that superb master of the roasts and hashes» (WCW, p. 13). IIII that superb master of the roasts and hashes в составе простого предложения служит аргументацией собственно-регулятивной части высказывания (совета) pour out money like water как дополнительное обоснование выбора из двух возможных ситуаций за счет положительной оценки объекта обозначения.

Логическое выделение на основе ПН обеспечивает надежность правильной интерпретации передаваемой мысли, что является выражением коммуникативной направленности ПН. Исследование этой функции ПН включается в изучение информативной — смысловой стороны языка. Если понимать под коммуникацией передачу всех типов информации: мыслительной (предметно-логической) и дополнительной (стилистической), то функция логического выделения направлена на соответствующим образом интерпретированную подачу предметно-логической информации, что, однако, не исключает возможности одновременной реализации других функций.

ПН вносит два типа отношений каузальности в простое предложение — отношения причины и уступительности.

При реализации причинно-следственных отношений ПН является аргументом, пояснением выносимого суждения. В качестве следствия выступает суммарное содержание высказывания. В большинстве случаев в составе предиката имеется слово, с которым ПН образует лексико-семантические корреляции, лежащие в основе причинно-следственной зависимости: «No need to do the kiss?» said Mr Brinkmeyer, rather pleadingly. «Just walk the kiss, eh?». «Certainly. I don't suppose you want to kiss **this little insect** more than absolutely necessary» (WLG, p. 106). В основе причинного обоснования суждения, содержащегося в примере, лежит противопоставление оценочных значений глагола kiss, предполагающего положительную оценку лица, на которое направлено действие, и ПН **this little insect**, актуализирующей противоположную по знаку оценку.

Причинные отношения между ПН и содержанием высказывания могут быть собственно причинными, тогда ПН сообщает о непосредственной причине того, о чем сообщается в высказывании. К данному типу отношений безоговорочно можно отнести только случаи обозначения объекта на основе объективного признака, который является фактическим основанием, причиной действия, о котором сообщается в предикате. Например, в следующих предложениях:

Brinkmeyer ... This seemed to reassure the dubious dentist (WLG, p. 54).

Up John ... said George tentatively, hoping to soothe **this excitable and irritated genius** (ADH, p. 130).

Dr. Fosswill ... I calmed the excited expert (CASS, p. 72).

Joey Cooley ... No words of mine, I felt, could cheer this stricken child (WLG, p. 50).

Определения в составе данных ПН указывают на временное психологическое состояние лица, которое можно изменить. Данное состояние — это причина выполненного, желаемого быть выполненным или невыполненного действия. Причинно-следственные отношения устанавливаются между определениями в составе ПН и глаголом, содержащемся в предикате, который является глаголом психологического воздействия — обозначает действие, способное изменить состояние лица, которое эксплицировано в дополнении.

В большинстве случаев признак объекта, актуализируемый в значении ПН, можно рассматривать как довод в пользу того, о чем сообщается в высказывании. Логико-семантические отношения можно квалифицировать как причинно-аргументирующие (несобственно-причинные). К этому случаю относятся примеры использования оценочных обозначений после предикатов, которые называют эти чувства-отношения. Оценка, содержащаяся в глаголе, соответствует оценке ПН: ... the only company he cared for in the alien, ugly little town he was losing ... He grumbled, he said he hated the hellish hole (LEME, p. 166).

Wilson stood up and puffing on his pipe strolled away ... «I hate that red-faced swine», Macomber said (HSS, p. 257).

Дерогативно-оценочные ПН the hellish hole, that red-faced swine не указывают на истинную причину чувства-отношения, не эксплицируют причину этого отношения, а лишь оправдывают его — служат косвенным свидетельством, выраженного в предложении отношения.

Основная закономерность порождения ПН состоит в том, что в предтексте должна содержаться информация, мотивирующая появление ПН того или иного семантического типа. Выборочное использование ретроспективной информации об объекте обозначения в ПН в связи с новой информацией текста облегчает восприятие текста и представляет собой одну из форм реализации закона избыточности текста /8/. Рассмотрим пример: His tie as red as ever, Rampion presented himself ... Mrs. Felpham tried to rise to the occasion. **The village Shakespeare, it was obvious, must be interested in drama** (HPCP, p. 105). Между ПН the village Shakespeare и содержанием высказывания устанавливаются причинные отношения. Информация, которая легла в основу ПН и послужила мотивом выносимого суждения, находится в предтексте: Some of the Sunday school children had acted a little play in the open air. The dramatist was Mark Rampion (HPCN, p. 104). Эта информация отделена от ПН тематически отличным отрывком текста. Данная ПН напоминает о принадлежности лица к театру и служит основанием, на котором делается вывод о том, что этот человек должен обязательно интересоваться драмой. Этот пример служит наглядным подтверждением возможности одновременной

полифункциональности ПН. ПН the village Shakespeare способствует созданию субъективно-оценочной модальности текста, отражая точку зрения персонажа (Mrs. Felpham) и являясь лексическим выражением ироничности. В данном случае эффект иронии создается за счет противоречия славы Шекспира как драматурга и заслуг обозначаемого лица в области театра. В результате этого несоответствия ПН содержит оценку, завышенную чрезмерно высоко, за которой стоит отрицательное отношение субъекта номинации.

Основой имплицитной каузальной причинно-следственной зависимости в рассматриваемых случаях является то, что в высказывание привносится имплицитное суждение, связанное со значением ПН. Это суждение основывается на общеизвестных представлениях о взаимосвязи вещей. В последнем из рассмотренных примеров общеизвестная обязательная связь: Шекспир — театр. Это суждение оживляется и присутствует в качестве фона, на котором реализуется причинная мотивировка содержания высказывания, за счет чего достигается аргументированная подача информации.

Степень аргументированности суждений, создаваемой ПН, может быть разной, особенно, в случае несобственно-причинных отношений. Она может зависеть от сугубо индивидуальных представлений говорящих, например: «John Martin, surely?» said Ian Kilbannock. «No», said Guy firmly. He wouldn't accept correction on matters of art from the former sporting journalist (WOG, p. 9). В сознании говорящего есть посылка типа «не разбирается в искусстве, поскольку его профессия — спортивный journalism». Принадлежность к спортивному журнализму совсем не предполагает обязательного отсутствия знаний в области искусства. Следовательно, выбор признака объекта, который направлен на аргументированную подачу суждения, может быть основан на сугубо индивидуальных, субъективных представлениях говорящих о взаимосвязи вещей.

При внесении значением ПН уступительности происходит выделение содержания высказывания через «коммуникативную неожиданность», парадоксальность. Как известно из синтаксиса, «ситуация, представленная в придаточной части уступительной конструкции, оценивается как недостаточное основание, чтобы отменить другую ситуацию, представленную в главной части» /9/. Понятие «недостаточное основание» является ведущим при определении уступительных отношений в простом предложении; значение уступительности воспринимается из логико-семантических отношений компонентов высказывания — ПН и предиката, например: His friends were still kind, but his enemies treated him as an outcast beyond the pale of respectable society. And yet, from behind the scenes this outcast was exercising most of the functions of the royal governer (HDL, p. 64). Ретроспективная информация, используемая в ПН this outcast, и новая информация, сообщаемая

предикатом, представляются как столкновение двух различных характеристик лица, обе из которых актуальны. ПН *this outcast* указывает на официальное положение лица в обществе, смысл предиката *exercising most of the functions of the royal governer* — на фактическое. Признак лица, эксплицированный в ПН *this outcast*, является недостаточным основанием для того, чтобы не реализовалось то, о чем сообщается в предикате. Эффект парадоксальности создается за счет лексико-семантических компонентов предложения, которые представлены антонимической оппозицией *this outcast* — *the royal governer*.

Основное назначение парадокса — ошеломить, удивить. Поэтому естественно, что простые предложения со значением уступительности, создаваемой ПН, входят в более сложные предикативные структуры в качестве дополнительных изъяснительных предложений после субъективно-оценочных предикатов, выражают недоумение, удивление, например: *Indeed, it was impossible to believe that this charming and handsome man had been so offensive* (CSSS, p. 196) *Oh, was it possible that that odious, bad-blooded young cad was her lover?* (НАН, p. 66). Парадоксальность простых предложений в составе приведенных сложных высказываний создается за счет того, что в предикатах сообщается о признаках лица, существующих вопреки квалификативной характеристике, содержащейся в ПН. ПН вносит основной показатель отношения уступительности — значение недостаточного основания в семантику высказывания. Второй элемент этих отношений содержится в антонимах в составе сказуемого: *charming, handsome — offensive; odious, bad-blooded cad — lover*.

Таким образом, при реализации в значении ПН — подлежащего предложения — признака объекта, который противоречит его квалификативной характеристике, содержащейся в предикате, происходит выделение этой новой характеристики через контрастное противопоставление.

Когда ПН, вносящая значение уступительности, служит дополнением или обстоятельством, в семантику высказывания входит описание ситуации или действия, которое происходит при несоответствующем условии, акцентируемом значением ПН: *Sam demurred; and then, to his own amazement, found himself telling this mere milkmaid something he had previously told only to himself* (FFLW, p. 116).

Необычность, неестественность происходящего, отраженные в оценке самого субъекта (*to his own amazement*), усиливаются противопоставлением значения ПН *this mere milkmaid* содержанию всего высказывания.

Коммуникативная ценность отношений уступительности, вносимых ПН, состоит в контрастном выделении описываемого за счет внесения смыслового оттенка «совершение действия вопреки ожидаемому», что наглядно подтверждается заменой ПН на имя собственное персонажа: ... *telling Mary something he had previously told only to himself*.

But he didn't want to tear her away when she was enjoying herself; and did want to suppress his slight resentment that she seemed more at ease with **these strangers around** her than she was with him (FDM, p. 500).

В данном случае ПН *these strangers*, появляющаяся в цепочке обозначений *the people, the guests*, входит в состав аппозитивного придаточного (подтип изъяснительного дополнительного), раскрывающего смысл оценочного существительного *resentment*. Роль ПН — в подчеркивании неестественности отношений персонажей в описываемой ситуации. Сема уступительности «вопреки ожиданиям» реализуется за счет значения ПН *these strangers* смысла предиката *seemed more at ease* и противопоставления, содержащегося в сравнительной конструкции *more, than she was with him*. Вторая часть противопоставления контекстуально определена (*he* — близкий человек).

Основой имплицитной каузальной уступительной связи, также как и причинной, является привносимое в высказывание значением ПН имплицитное суждение, вытекающее из представлений говорящего о нормативных связях и отношениях. В последнем примере в пресуппозицию говорящего входит суждение — с близкими людьми чувствуешь себя лучше, чем с чужими. На фоне этого суждения реализуется имплицитная уступительная связь, подчеркивающая несоответствие происходящего нормативным представлениям.

Имплицитный характер каузальных отношений, вносимых в простое предложение значением ПН, обусловлен тенденцией к компрессии речи. Он представляет собой одну из форм реализации закона экономии текста, выражающуюся в данном случае в использовании простых предложений вместо сложных с союзной связью. Таким образом происходит своеобразная компенсация двух противоположных законов организации текста: избыточности, состоящей в повторе текстовой информации значением ПН с целью мотивировки смысла высказывания при аргументации новой информации или введении ее через парадоксальное несоответствие и экономии за счет имплицитности каузальных отношений, создаваемых ПН.

Итак, в функции логического выделения содержания высказывания ПН направлена на аргументированный ввод новой информации текста, содержащейся в различных коммуникативно-прагматических типах высказывания, через обоснование или контраст. Прагматическим фактором, обусловливающим данную функцию, являются представления говорящего о взаимозависимости вещей, которые связаны со смыслом ПН и привносятся в высказывание как имплицитное суждение, на фоне которого разворачивается причинная каузальная зависимость как подтверждение типичной связи, или уступительная зависимость, подчеркивающая несоответствие описываемого нормативному положению вещей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- /1/ См., например: Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование.— В кн.: Вопросы французской филологии. М., 1972; Сквородников А. П. Об одном виде повторной номинации со стилистической значимостью.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.
- /2/ Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании.— Владимир, 1974, с. 7.
- /3/ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка.— Л., 1981, с. 8.
- /4/ Ляпон М. В. Сложное предложение. Предложения расчлененной структуры.— В кн.: Русская грамматика. Синтаксис. М., 1980, с. 562.
- /5/ Никитин М. В. Лексическое значение слова: Структура и комбинаторика.— М., 1983, с. 77.
- /6/ Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, с. 31.
- /7/ Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978, с. 64; Каменева Н. Д. Значение уступительности и средства его выражения в современном английском языке. АКД.— Минск, 1975; Кирсанов В. И. Средства выражения следственных отношений в современном английском языке. АКД.— Л., 1980; Шевелева А. И. Паратаксис и гипотаксис как средства выражения причинных отношений в современном английском языке. АКД.— М., 1977.
- /8/ Откупщикова М. И. Синтаксис связанного текста.— Л., 1982, с. 50.
- /9/ Ляпон М. В. Структура отношения и ситуативные условия ее реализации в сложном предложении.— В кн.: Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982, с. 70.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

- ADH — Aldington, R. Death of a Hero. М., 1958.
- CAF — Christie, A. After the Funeral. Fontana/Collins, 1974.
- CTZ — Christie, A. Towards Zero. Fontana, 1970.
- CASS — Christie, A. Selected Stories. М., 1976.
- CSSS — Cheever, J. Selected Short Stories. М., 1980.
- FFLW — Fowles, J. The French Lieutenant's Woman. Triad/Panther Books, 1979.
- FDM — Fowles, J. Daniel Martin. Triad/Panther Books, 1982.
- FTN — Fitzgerald, F. S. Tender is the Night. М., 1983.
- HSS — Hemingway, E. Selected Stories. М., 1971.
- HAH — Huxley, A. Antic Hay. Triad/Panther, 1980.
- HCPC — Huxley A. Point Counter Point. Penguin Books, 1967.
- HDL — Huxley A. Devils of Loudun. Penguin Books, 1971.
- LEME — Lawrence, D. H. England, My England. Penguin Books, 1973.
- MROSS — Maugham, W. S. Rain and Other Short Stories. М., 1977.
- WOG — Waugh, E. Officers and Gentlemen. Penguin Books, 1978.
- WCW — Wodehouse, P. G. The Code of the Woosters. Penguin Books, 1978.
- WLG — Wodehouse, P. G. Laughing Gas. Penguin Books, 1971.

Г. А. ФОМИНА

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

Описание референциальных отношений, играющих важную роль в конституировании текста — цель настоящей статьи. В основ-

ве понятия «референция» лежит отражение мышлением объективной действительности в результате ее познания: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» /1/.

Под текстовой референцией (далее — ТР) понимается: 1) отнесенность высказываний к реальной действительности, к ситуации, отношение слова к предмету объективной реальности (референту); 2) кореференция, т. е. соотнесенность текстовых единиц, отнесенность их к одному и тому же текстовому референту, введенному в текст и подлежащему идентификации.

Процесс актуализации ТР есть идентификация текстового референта, сигнализируемая определенным артиклем, местоимениями (личными, указательными, притяжательными, относительными), указательными наречиями темпоральной, локальной иauseальной семантики, а также лексическим повтором (адекватным или модифицированным, в том числе синонимическим, перифразическим, метафорическим). В континууме ТР заключается когезия (смысловая связь предложений в тексте) и когерентность единства содержания текста). В кореференции (соотнесенности одним и тем же текстовым референтом) заключается единство мысли и единый план ее развития на синтагматическом и паратекстовом уровне.

Кореференция представляет собой тождество референции, основанное на: 1) повторной номинации объекта; 2) субституции, реализуемой через прономинализацию (a man — he) или адвербализацию (in the garden — there); 3) репрезентации — замене аBSTного понятия общим.

Текстовая референция имеет векторную направленность (аналогическую и катафорическую), определяющую соответственно братнонаправленную и прямонаправленную связность текста /2/, лияющую на его общее конституирование и создание текстового континуума — последовательного развертывания и непрерывности текстовования. М. А. Хэллидей и Р. Хазан рассматривают референцию как частный случай когезии /3/. ТР характеризуется специфичностью природы информации, сигнализируемой возвращением к прединформации и предсказанием, предопределением постинформации. Эта информация заключается в установлении тождества предмета или класса предметов, в уточнении информации, включе на предыдущее или последующее сообщение, в развитии зиса. ТР позволяет воссоединять и суммировать информацию, выводить итоги и делать ретроспективный обзор. Опираясь на предыдущую полученной информации, она дает возможность вводить и предугадывать, предсказывать (в плане пресуппозиции) новую информацию. Таким образом ТР способствует развертыванию текстовования во времени и пространстве (в аспекте взаимосвязи взаимообусловленности явлений и событий) как разносторонняя характеризация персонажей и показ их взаимоотношений.

В информативном плане эксплицитным и имплицитным способами выражаются и, соответственно, различаются виды семантических отношений ТР, в том числе:

- 1) экспликативная ТР (уточнение, пояснение, добавление);
- 2) квалификативная ТР (характеризующая, оценочная);
- 3) компаративная ТР;
- 4) интенсифицирующая ТР;
- 5) контрастная ТР;
- 6) дейктическая (анафорическая) ТР;
- 7) катафорическая ТР;
- 8) ретроспективная ТР;
- 9) проспективная ТР;
- 10) ситуативная (tempорально-локальная) ТР.

По стилистической окраске дифференцируются: ироническая, экспрессивно-образная, эмоциональная ТР, импликация, аллюзия и подтекст.

Текст представляет собой многоэтажную реляционную структуру отношений, взаимопересекающихся подструктур с многократными вхождениями одного и того же элемента в различные конструкции /4/. М. А. К. Хэллидей образно сравнивает язык литературного произведения с фугой, в которой несколько тем развиваются одновременно, причем каждая тема воспроизводится в различных комбинациях или перспективах, а каждая мелодическая линия в синтаксической секвенции имеет более одного значения в целом произведении /5/.

Подобные сложные, многоэтажные полифонические построения, в основе которых лежит пересечение различных референциальных структур, обнаруживаются в произведениях Генри Джеймса. Его роман «Вашингтонская площадь» /6/ имеет эмиссионное начало. Это означает, что текстовой референт вводится в текст сначала в форме неопределенной дескрипции, за которой следует его постепенная идентификация.

В основе экспозиции романа лежит темпоральная референция, вводящая читателя во временные рамки повествования. Ее индуктивно-эпическая форма создает своеобразный «горизонт ожидания». В начале романа, в завуалированном виде (импликация) автор дает понять, что действие происходит в конце первой половины XIX века. Учитывая, что роман был написан в 1879 г., следует именно так толковать ссылку на *dur*ing ... the first half of the present century, вместе с уточняющей кореференцией — *dur*ing the latter part of it, тем более, что по мере развертывания повествования, упоминается 1820 г. (речь идет о женитьбе доктора Слоупера и о его возрасте — ему было тогда 27 лет). Через 27 лет он умирает, а его дочери Кэтрин тогда исполнилось 25 лет. Исходя из этих ориентиров, выраженных через ретроспективную ТР, можно установить, что действие происходило в 1847 г. Вторым ситуативным ориентиром является локальная референция, указывающая место действия: the city of New York, New York, the United States, America, a country, a community — синонимический рефе-

ренциальный ряд, построенный на кореференции, в основе которой лежит отношение часть/целое (иными словами, гипоним/гипероним). Причем a country, a community являются общими понятиями-репрезентами США.

На фоне этой темпорально-локальной экспозиции вводится текстовой референт (доктор Слоупер), за идентификацией которого следует целая серия вариантов номинаций в виде длинной референциальной цепочки, последовательно характеризующей данный персонаж. Цепочка начинается с неопределенной дескрипции a physician, who указывающей на представителя профессии; придаточное предложение дает дополнительные сведения о популярности доктора. Далее следуют обозначения: Doctor Sloper (идентификация через имя собственное), he ... he ... (цепочка анафорических местоимений), a scholarly doctor (аттестация — квалификативная ТР). Затем идет квалификативно-оценочная ТР — градация (a local celebrity, the brightest doctor in the country, a man of the world, a thoroughly honest man, extremely thorough), свидетельствующая о славе модного доктора, о его светских талантах, духовных качествах, а также интеллектуальном уровне — an observer, a philosopher. В качестве последующих обозначений выступают: a widower (квалификативная ТР, касающаяся семейного положения), a doctor (квалификативная ТР, определяющая профессию), our friend (фамильярно-ироническая ТР), her father (коевенная, релятивная ТР к дочери Кэтрин). Austin Sloper — полное имя доктора является конечным звеном референциальной цепочки, что свидетельствует об аналитико-индуктивном методе представления персонажей.

Коевенно относится к доктору Слоуперу производный текстовой референт, имплицитно содержащий иронический оттенок (distinguished members of the medical profession), подразумевающий собратьев доктора по профессии, включая его самого, и кореферентный ряд эквивалентных единиц the medical profession, this profession, the healing art. Пропозиции It belongs to the realm of the practical и it is touched by the light of science являются референтными к the healing art, на что указывает анафорическое местоимение it, и содержат дистанцированную ироническую авторскую оценку «искусства врачевания». Референтная единица the medical profession является экспликативной ТР благодаря эпитету. This profession — анафорическая ТР, которая благодаря дейксису this и дублированию слова profession, способствует анафорической связи первого и второго предложения в тексте. Затем следует ироническое сопоставление доктора с другими врачами (some doctors, some practitioners) — компаративная ТР, пронизанная иронией: ... he never went so far (like some practitioners one had heard of) as to trust to the explanation alone, but always left behind him an inscrutable prescription.

Ряд ТР в том же тексте имеет экспрессивный оттенок благодаря интенсификаторам (a thoroughly honest man, a little boy

of extraordinary promise) и экспрессивным эпитетам с абсолютным значением или значением исключительности (the brightest doctor in the country, an inscrutable prescription).

Многочисленные повторы, в том числе повторы местоимений, кореферентных с именем собственным Sloper, реализуют когезию, создавая сеть переплетенных референтных линий.

Концентрация синонимов и местоимений, референтных к одному объекту, не только способствует включению дополнительной информации, увеличению объемности и глубины изображения объекта, но и позволяет ввести определенный лейтмотив, приковать к нему надолго внимание читателя.

Семантическая рекуррентность является одним из необходимых средств текстообразования. Она встречается в анализируемом тексте в самых различных вариантах: а) адекватный повтор: the popular voice — the popular voice; the United States — the United States; б) местоименное дублирование: he ... he ... he; it ... it; who — who; which — which; в) расширенный и варьированный повтор: to learn something and to do something — to learn something interesting and to do something useful; г) усеченный (сокращенный) повтор: a thoroughly honest man — honest in a degree ...; some inscrutable prescription — prescription; the city of New York — New York; д) модифицированный повтор (перифраз): during a portion of the first half of the present century — during the latter part of it; е) повтор, содержащий интенсификатор (суперлатив, усилительную или ограничительную частицу, квантификатор): our friend escaped criticism — he escaped all criticism but his own; ж) повтор с указательным элементом: the medical profession — this profession; з) перифрастический (метафорический) повтор — импликация с ироническим оттенком: a second infant — an infant of a sex which rendered the poor child an inadequate substitute for his lamented first born; и) повтор, содержащий модифицированную конструкцию: the brightest doctor in the country — to be bright; a very charming girl — in addition to her charms — the most charming eyes in the island of Manhattan.

Синонимические повторы наиболее рельефно выступают, назанные на одну номинационную (референциальную) цепочку. Так, супруга доктора Слоупера характеризуется через подобную шкалу кореферентных синонимов, представляющую персонаж во многих аспектах (квалификативно-оценочная ТР): one of the pretty girls — a young woman of high fashion — a rich woman — a reasonable woman — a bright exception, the young mother. Дополнительно сюда относятся his wife (косвенная релятивная ТР к доктору Слоуперу) и имена собственные: Miss Catherine Hargrington — Mrs. Sloper.

В анализируемом фрагменте имеются анафорическая, катафорическая и диафорическая ТР. К последней относятся относительные местоимения и наречия (who, which, what, why). Катафорическую направленность имеют неопределенные дескрипции (an

inscrutable prescription), неопределенные местоимения и наречия (some, something, any, nothing, sometimes, always), вводные обороты и корреляты: there is (was), it (it will be seen that), определенные дескрипции с последующей детерминацией (the reason why; at the time at which).

Анафорическую направленность имеют определенные дескрипции (the prescription), указательные местоимения (it, this), личные местоимения (he), притяжательные местоимения (his learning and his skill).

Если к одному объекту может относиться референциальная цепочка, то, с другой стороны, одна и та же текстовая единица может иметь разновекторную направленность и относиться к разным объектам, что иллюстрирует сложную кореферентную переплетенность.

В романе Г. Джеймса «Женский портрет» /7/ диалоги полны скрытого смысла, намеков, подтекста. Слова не столько раскрывают, сколько прячут мысли и чувства, побуждая к догадке, до-мысливанию /8/. Так, например, лорд Уорбертон любезно говорит больному мистеру Тачиту, что тот чудесно устроился:

«I'm bound to say you look wonderfully comfortable». «Well, I suppose I am in most respect», and the old man looked down at his green shawl and smoothed it over his knees. «The fact is I've been comfortable so many years that suppose I've got so used to it I don't know it».

«Yes, that's the bore of comfort», said Lord Warburton. «We only know when we're uncomfortable ... I should think you would be very unhappy with that shawl ...».

«Oh no, he must have the shawl» cried the gentleman in the velvet coat. «Don't put such ideas as that into his head». «It belongs to my wife», said the old man simply.

«Oh, if it's for sentimental reasons». And Lord Warburton made a gesture of apology.

«I suppose I must give it to her when she comes», the old man went on

«You'll please do nothing of the kind. You'll keep it to cover your poor old legs» (p. 5).

Слово the shawl вводится как разновекторная ТР: 1) имплицитная к состоянию здоровья Тачита; 2) эксплицитная, поясняющая взаимоотношения отца и сына; 3) посессивная (It belongs to my wife); 4) пресуппозиция к семейным отношениям Тачитов (Oh, if it's for sentimental reason); 5) находящаяся в контрастном отношении к реальным взаимоотношениям в семье (I must give it to her when she comes) — имплицитная ТР; 6) метонимическая ТР — реплика лорда You would be very unhappy with that shawl содержит подтекст, касающийся неудачного брака.

Широкий круг ТР, связанный со словом the shawl, подтверждает большой семантический вес этого слова в данном тексте. Ср. многократное анафорическое употребление местоимения it — суб-

ститута слова *the shawl*, и такие варианты употребления этого слова, как *that shawl* (дейктическая ТР), *his green shawl* (посессивная ТР).

Контрастная ТР связана с антитезой *comfortable* — *uncomfortable* и различным пониманием значения слова *comfortable* лордом и мистером Тачитом. Последний, соглашаясь на словах с лордом, подразумевает совсем иное — *uncomfortable*, так как он сам и его сын больны, а хозяйка дома постоянно отсутствует. Не случайно в устах лорда слово *uncomfortable* звучит пророчески (подтекст) и имеет перспективную ТР к Тачитам и самому лорду.

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

Для романов Г. Джеймса характерна сложная референциальная структура текста с многочисленными характеристиками персонажей и разветвленными референциальными отношениями, рождающими высокую степень плотности текста, что проявляется в текстовой взаимосвязанности и взаимообусловленности абсолютно всех текстовых элементов.

Специфической чертой стиля Г. Джеймса является наличие многочисленных семантически эквивалентных элементов: синонимов, местоименных повторов и перифраз, нанизанных на один референциальный стержень и отнесенных к одному объекту. В то же самое время отдельные текстовые элементы могут обозначать разновекторную, многоаспектную цепь референциальных отношений (экспликативных, квалификативно-оценочных, посессивных, релятивных, контрастных и др.), выраженных эксплицитным и имплицитным способом.

Большую роль в произведениях Г. Джеймса играют импликации и подтекст. Референциальные нити, протянутые горизонтально и вертикально, вплетаясь в ткань повествования, наслаиваясь одна на другую, перекрещиваясь друг с другом, составляют семантико-стилистический каркас произведения, способствуя развертыванию повествования и интеграции текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 29, с. 152—153.

/2/ Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста. Об участии грамматических средств в построении текста. Грамматические средства прямонаправленной связности текста.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1979, вып. 8.

/3/ Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English.—

/4/ Лотман Ю. М. Структура художественного текста.— М., 1970, с. 101—102.

/5/ Хэллайдей М. А. К. Лингвистическая функция и литературный стиль.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980, вып. 9, с. 141.

/6/ James Hepgur. Washington Square.— L., Penguin Books, 1981.

/7/ James Hepgur. The Portrait of a Lady.— N. Y. 1966.

/8/ Шершевская М. А. Генри Джеймс и его роман «Женский портрет».— Приложение к книге: Г. Джеймс «Женский портрет». М., 1982, с. 548.

ПРОЯВЛЕНИЯ СПОНТАННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В структурном плане нижненемецкая диалектная система располагает значительным составом своеобразных черт, отличающих ее от верхненемецких литературной и обиходно-разговорных форм существования немецкого языка /1/. Обычно считается, что важным свойством диалекта является его консерватизм — способность сохранять древние и реликтовые явления, восходящие к предыдущим периодам истории языка /2/. Определяющими признаками современного статуса диалектов является обслуживание лишь части этнического коллектива, их функциональная ограниченность и зависимость диалектной лингвистической системы /3/.

На фоне значительного интереса лингвистов к структурной организации разговорной речи (т. е. обиходно-разговорных форм существования немецкого языка) /4/ диалектная речь (диалект и диалектный слой обиходно-разговорного языка) остается в этом отношении мало изученной.

Структурные проявления спонтанности диалектной речи на глядно прослеживаются в синтаксисе. В части синтаксиса простого предложения между нижненемецким диалектом и верхненемецким обиходно-разговорным языком существует больше тождественного, и это объясняется спецификой их устного применения, которая определяется неподготовленностью акта коммуникации и непосредственным участием в нем говорящих. Внеязыковая ситуация становится частью акта коммуникации, в котором широко используются невербальные средства. Условия функционирования как верхненемецкой обиходно-разговорной, так и нижненемецкой диалектной речи приводят к тому, что в них особенно значительную роль играют средства так называемой линейной грамматики /5/: местоимения, разного рода отсылки к сказанному ранее, вынесение отдельных элементов, синтаксические подхваты, повторы и др.

Характерным для диалектного синтаксиса является преобладание в обследованных идиолектах простых распространенных предложений — конструкций, в структурную схему которых включаются два главных члена, вокруг которых группируются в разном составе другие члены.

В диалогических речевых произведениях широко употребляются так называемые неполные предложения /6/, коммуникативная полноценность которых возможна лишь в рамках каждой конкретной конситуации /7/, а грамматический состав чрезвычайно разнообразен и неустойчив, меняясь от одной ситуации к другой /8/. (Ср., например, конструкции с незамещенными пози-

циями, невербализованный смысл которых определяется консистуацией: *Jetzt ga ik worra* (=holen). *Dunn hett de Hund wat* (=krägen).

Важной функциональной характеристикой современной нижненемецкой диалектной речи является сильная зависимость диалекта от верхненемецких форм существования языка, обусловленная его слабой позицией. Тот факт, что почти каждый носитель диалекта владеет сегодня в той или иной мере верхненемецким литературным и обиходно-разговорным языком и использует их в зависимости от потребностей коммуникации /9/, неизбежно приводит к взаимным наложениям в различных частях лингвистической структуры, в том числе и в синтаксисе.

Взаимное влияние особенно проявляется в части более сложных синтаксических форм. И это объясняется тем, что в составе сложных синтаксических форм и элементов синтаксической связи между литературным языком, с одной стороны, особенно в его письменной разновидности, обиходно-разговорным языком и нижненемецким диалектом, с другой стороны, характерны многообразные дифференциации, которые касаются прежде всего сложной смысловой связи логического характера. В преобладающем в речи паратаксисе логическая связь осуществляется, как правило, при помощи чрезвычайно продуктивных в речи каждого говорящего сочинительных союзов *up* и *denn*. При этом диалектный союз такой связи *dunn* конкурирует с верхненемецкими эквивалентами *denn* и *dann*, которые в речи представителей младшего возраста являются почти единственными возможными, тогда как у представителей старшего возраста еще варьируют *dunn*, *denn*, *dann* (Ср., например, следующие высказывания 65-летней домохозяйки: *Dann heww ik ... dacht/ Dunn wier mien Korf ... vull/ Dunn heww ik ... bröcht/ Dann heww ik t wascht/ Denn hett de Hund wat/*).

Состав сочинительных союзов верхненемецкого литературного языка и нижненемецкого диалекта не представляет большого различия. Тем не менее условия функционирования диалекта приводят к тому, что в современную речь на нижненемецкой основе для передачи сочинительной связи широко вовлекаются соответствующие верхненемецкие союзы: для противительных синтаксических отношений — *trotzdem* /10/, *sondern* (фонетически адаптированный *nich nüg, sonnern ok*), причинно-следственных — *denn*, *pämtlich*, *also*. Верхненемецкие союзы употребляются, как правило, в части идиолектов с производственной тематикой.

Сочинительные союзы *up* и *dann* (*dunn*, *denn*) настолько продуктивны, что могут соединять практически любые предикативные конструкции, семантически не обнаруживающие между собой никакой связи и используются как своеобразные синтаксические заполнители коммуникативных пауз.

Гораздо существеннее влияние верхненемецкого на нижненемецкую диалектную речь в части сложных смысловых подчинительных отношений, дифференциация которых стала возможной

благодаря включению в диалектную речь разнообразных подчинительных союзов, не принадлежащих диалектной системе. Употребление в речи сложных форм смыслового подчинения связывается обычно с влиянием письменной литературной речи /11/. Ввиду неразвитости в нижненемецком диалекте формально-грамматических средств связи большую роль традиционно играли семантические средства связи, а для формально-грамматического аспекта характерна была недифференцированность этих связей или их полифункциональность. Аналогично широкое распространение в диалектной речи имели или простое соположение синтаксических единиц или бессоюзные отношения, которые представлены и в современной диалектной речи (ср.: *Ik ga nich ut/ dat is mi to kold*). Такие высказывания возможны, поскольку их предикативные единицы имеют общие компоненты смысла. Характерно, что подобная структура высказываний наличествует в речи старшего поколения. Однако чаще такие единицы корректируются в высказывания с союзной связью, например, соответственно при передаче временного отношения: *Un mien Vadder hett sich ... verheirat hadd/ as mien Mudder storben wier/* (Оба высказывания принадлежат 75-летним информантам).

Расширение логических дифференциаций отмечается в части возможного употребления адаптированной инфинитивной группы *um ... to* вместо обычного для диалекта придаточного с союзом *dat* (ср.: *Jeden Mittwoch un SünnaObend gung to'm StraOttenfegen/ um poor Groschen to kriegen*).

Верхненемецкий и нижненемецкий синтаксис характеризуются различиями в наборе единиц сложных подчинительных отношений, и это связано со спецификой организации этих двух лингвистических подсистем немецкого языка. Система союзов и союзных слов в диалекте по сравнению с верхненемецким языком предстает в значительно редуцированном виде. Изначально доминантными союзами для обозначения подчинения являлись синсемантические союзы *dat*, *wat*, *wo*, функция которых состоит в том, чтобы показать зависимость предикативных конструкций в смысловом отношении, а определенность такой связи присутствует имплицитно в компонентах высказывания. Универсальный союз *dat* (равно как и *wat*) мог изначально употребляться для передачи отношений подчинения разного рода: изъяснительных с глаголами говорения и мышления, причинных, временных, условных, цели и следствия /12/. Такая эксплицитно не выраженная семантическая связь в значительной степени подвергается коррекции в смысле более точной логической дифференциации в отношениях подчинения, что стало возможным благодаря широкому включению в современную диалектную речь верхненемецких подчинительных союзов.

Исследование диалектной речи показывает, что все типы формальной связи, свойственные верхненемецкой литературной норме, представлены и в мекленбургской диалектной речи. Связь между компонентами таких конструкций осуществляется как с помощью

тических нижненемецких подчинительных союзов, так и за счет верхненемецких. И это один из важнейших итогов структурного проявления спонтанности современной диалектной речи. При этом наиболее продуктивными при передаче подчинительных смысловых отношений оказываются верхненемецкие союзы, что в целом свидетельствует о широком процессе перестройки живых диалектных форм связи. Примечательно, что во всем объеме обследованной диалектной речи установлено 420 полипредикативных высказываний, содержащих различные типы подчинения с формально-грамматическим оформлением. По частотности употребления такие предложения распределяются в следующем порядке: 1) атрибутивные (частота 75), 2) дополнительные (74), 3) придаточные времени (61), 4) условные (53), 5) придаточные предложения причины (44), 6) сравнительные (30), 7) придаточные следствия (23), 8) цели (19), 9) придаточные подлежащие (12), 10) места (10), 11) обстоятельства образа действия (8), 12) придаточные сказуемые (5), 13) уступительные (4), 14) ограничительные (2).

Разумеется, частотное распределение типов подчинения зависит от темы общения. В целом, однако, анализировалась речь, содержащая разнообразные темы. При наличии более частотных типов подчинения, т. е. (1—6), в речи подавляющего большинства говорящих /13/, другие типы, особенно (11—14), имеются у работающих в сфере промышленного производства мастеров и других специалистов, речь которых в основном строится по верхненемецкому образцу. Ни у кого из говорящих на диалекте не обнаружены все типы придаточных предложений, что вполне закономерно. Однако в каждом идиолекте наличествует подчинительная связь типов (1—3), а из подчинительных союзов наиболее продуктивными являются *wenn*, *dat*, *weil*, *wat*, *wo*.

Эти данные свидетельствуют о сравнительной продуктивности нижненемецких союзов *dat*, *wat*, *wo*, которые хотя еще и обнаруживают свою типичную для диалекта недифференцированность, т. е. употребляются для разного относительного подчинения, однако они в целом не выдерживают конкуренции с соответствующими верхненемецкими дифференцированными союзами. Так, *wo*, как союз определительной связи (ср.: *De Kinner hemm sich ... diese Wohnung/ wo (=in der) wi inwohnt/ hemm sich... köfft*), уступает по продуктивности относительному *de* и варьирующими с ним верхненемецким *die*, *der* (ср.: *Heff 'ne zweinenhalf Zimmer AWG-Wohnung/ de wi uns so no unserem Geschmack inricht hemm*).

Аналогично и временное отношение изначально выражалось союзом *wo* (=als, *wenn*) (ср.: *Wo ik do trüch kommen bün/ hett mi mitglik to schaul werra schickt*). Союз *wo* не является продуктивным в данном типе подчинения, здесь чаще применяются *as* (=als), *wenn*, которые поддерживаются аналогичными в верхненемецком. Однако и другие, не свойственные диалекту верхненемецкие союзы находят здесь применение: *nachdem*, *bis*

(наряду с адаптированным *bet* и *solange*). Влияние верхненемецкого литературного языка обнаруживается в употреблении относительного *wie* вместо нижненемецкого *as* или верхненемецких *als* и *wenn*, для которых имеется *as*. В полипредикативных высказываниях, содержащих временное подчинение, становятся возможными такие конструкции как /Da⁰mals wie ik anfüng/do wier de Wach hier/. В продуктивных вопросительных конструкциях, передающих косвенную речь, не засвидетельствованы изначальные диалектные формы типа: «*Hei frög, wat mien Mudder to Hus wier*» (*Er fragte, ob meine Mutter zu Hause wäre*) /14/, которые полностью заменяются ставшими продуктивными с *ob* (ср.: *Ik heff nich fra⁰gt/*, *ob de kommen deit/*). Характерно, что К. Шеель отмечала еще употребление адаптированного верхненемецкого *of*, который нами не засвидетельствован /15/. В приведенном выше высказывании употребляется характерный для диалекта (и под влиянием диалекта — для обиходно-разговорного языка) глагол *daun*, семантика которого нейтрализована и он широко используется в качестве вспомогательного. Наблюдение показывает, что на фоне широкого употребления в других случаях в данном типе предложений этот глагол часто не употребляется, например: /Do öwerlechst du/ *ob du... Platt sprekst/* (высказывание 45-летнего рабочего).

Характерное для диалекта применение *wat* в дополнительных предложениях, выражающих меру, степень качества и количества, остается еще продуктивным в диалектной речи (ср.: *Denk ma⁰.../ wat hest du Freud/ wenn du Fohrrad krag*). Союз *wat* конкурирует здесь с верхненемецким адаптированным *wieväl* (ср.: *Mit wieval Personen?/ Weit ik nich/ wieval Personen/*).

Продуктивным остается выражение подлежащего придаточным подлежащим с союзом *wat* (Cp.: *Wat ehre Groböllern wäst sünd un ok uns Öllern hemm nur platt mit ehr räd*) (Высказывание 52-летнего рабочего). Тогда как условные придаточные вводятся исключительно союзом *wenn* (верхненемецкий *falls* нами не засвидетельствован), то в конструкциях с отношением причины чуть ли не единственным союзом (за исключением случаев его элиминирования, ср.: *Na eigentlich keine all to leichte Kippnertied/ wier schwer/ Vater wier oft arbeitslos*) оказывается верхненемецкий *weil*. Фонетически адаптированный *wiel*, на который еще указывала К. Шеель /16/, не засвидетельствован, а нижненемецкий *dat* применяется здесь в редких случаях (Cp.: *Dann schimpfen wi auf die Gören/ dat sie dit un dat nich ... mokt hemm/*).

Аналогично происходит вытеснение нижненемецких *dat* и *wat* для выражения сравнительных смысловых отношений. Лишь в речи одной говорящей (74 года) он варьирует в этом значении с верхненемецким *so*, *wie* (Cp.: *De Wurst hett aber anners schmeckt/ wat sie hät schmecken de/*). У всех других говорящих *wat* и *dat* здесь не употребляются. Сравнительные отношения в

диалекте и в верхненемецком литературном языке дифференцируются в выражении равности и неравности сравниваемых частей. В диалектной системе налицоствует здесь единственный союз *as*, однако его употребление подвержено коррекции. Так, при наличии в главном предложении коррелята *so*, носители, как правило, употребляют и остальную часть по-верхненемецки (Cр.: *Un dann rädn wi so/ wie jetzt/*). Верхненемецкий союз *wie* применяется, как правило, согласно литературной норме, а нижненемецкий *as*, сохраняя нижненемецкую фонетическую форму, специализируется соответственно для выражения неравности (Cр.: *Wi hemm dat nich so gaut hatt/ as de Kinner hüt*).

Среди других менее продуктивных типов подчинительной связи обращает на себя внимание употребление верхненемецкого союза *damit* в придаточных цели (Cр.: *In miene Fru de hett inne Kök/ damit se nich ümmer kolle Bein hett/ hett se 'ne Heizung för'n Winterbetrieb/*).

Современная нижненемецкая диалектная система приобретает специфические черты, обусловленные влиянием верхненемецких форм проявления немецкого языка. В диалектную речь вносятся различные конструкции, синтаксические обороты, верхненемецкие средства передачи подчинительных смысловых отношений, традиционно не свойственные диалекту. Нижненемецкий диалектный синтаксис характеризуется тем самым высокой степенью разрыхленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Материалом для данной статьи послужили записи на пленку непринужденной речи более 100 говорящих общим звучанием около 15 часов, осуществленные автором в конце 70-х годов на северо-востоке ГДР в ареале мекленбургского диалекта.

/2/ Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. Leipzig, 1970, Bd. 2, S. 313.

/3/ Баранникова Л. И. О разграничении языка и диалекта.— В кн.: Язык и общество. М., 1963, с. 170.

/4/ Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь.— М., 1979; Baumgärtner K. Zur Syntax der Umgangssprache in Leipzig.— Berlin, 1959.

/5/ Николаева Т. М. О функциональных категориях линейной грамматики.— В кн.: Синтаксис текста.— М., 1979.

/6/ Лаптева О. А. в качестве структурного признака диалогичности и монологичности разговорной речи называет протяженность реплики. Краткая единичная однофразовая реплика свойственна преимущественно диалогу, а пространное неединичное высказывание — монологу. (Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис.— М., 1976).

/7/ Консультация понимается вслед за Е. А. Земской как контекст в широком смысле слова (Земская Е. А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981, с. 14 и сл.).

/8/ В нашем конкретном случае мы анализируем как диалогические, так и монологические высказывания, однофразовые и многофразовые, которые в интерпретации Е. Н. Ширяева предстают как предикативные конструкции, полипредикативные высказывания и речевые тексты (Земская Е. А. и др. Указ. раб., с. 227 и сл.).

/9/ Домашнев А. И., Худницкий В. С. К вопросу о положении нижненемецкого диалекта в ГДР.— ВЯ, 1981, № 5, с. 66.

/10/ К. Шеель отмечала в 1939 г., что этот союз в диалекте не употребляется (Scheel K. Untersuchungen über den Satzbau der niederdeutschen Volks-sprache und Kunstsprosa.— Hamburg, 1939, S. 85).

//11/ Жирмунский В. М. Немецкая диалектология.— М.—Л., 1956, с. 378.

/12/ Scheel K. Op. sit. S. 73.

/13/ Основную часть говорящих на диалекте составляют представители старшой возрастной группы.

/14/ Данное предложение приводит Г. Гернентц (Gernentz H. Z. Die kommunikative Funktion der niederdeutschen Mundart und der hochdeutschen Umgangssprache im Norden der DDR unter besonderer Berücksichtigung der Interferenz und der Alternanz zwischen diesen beiden sprachlichen Existenzformen.— In: Studia Germanica Candensia.— Belgien, 1974, XV, S. 227).

/15/ Scheel K. Op. sit. S. 83.

/16/ Scheel K. Op. cit. S. 86.

Л. К. ЧИСТОНОГОВА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РИТМА

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

(на материале романа Р. П. Уоррена «Вся королевская рать»)

Вопросам ритмической организации прозаического текста в литературоведении и стилистике уделяется большое внимание, причем термин «ритм» трактуется исследователями очень широко как всякое более или менее равномерное чередование эквивалентных элементов текста /1/ и выделяется ритм развертывания сюжета, ритм пластов повествования, ритм синтаксических структур, ритм образов и т. д. /2/. Многообразие толкований термина «ритм» свидетельствует о том, что ритм прозы есть явление сложное, результат взаимодействия различных ритмических элементов на разных уровнях произведения, где на первый план выступает не звуковая и метрическая организация текста, как в стихе, а смысл, идея, образ; и главный вывод, служащий нам эвристическим средством при анализе литературного произведения, это тот, что «ритм» оказывается категорией художественного **смыслообразования** /3/.

В данной статье исследуется ритм романа Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать». Попытаемся показать, как построение романа способствует увеличению его эстетической и эмоциональной информации, как сама архитектоника художественного текста служит целям приращения смысла, или, иначе, как создается в этом романе подтекст, под которым понимается имплицитная информация, существующая на уровне глубинной структуры текста и эксплицирующаяся в виде приращений смысла отдельных его единиц на уровне поверхностных структур /4/. Рассмотрим лишь сцепление языковых элементов романа на уровне текста (макроритм), т. е. членение художественной ткани произведения на главы, смену глав и их сцепление, и на уровне предло-

жения (микроритм), другими словами, в центре нашего внимания будет ритм сюжетного построения и ритм повторяющихся структур.

В самом общем виде роман Р. П. Уоррена — это сказовой формы монолог некоего Джека Бэрдена, описывающего бурную политическую карьеру губернатора Вилли Старка; при этом сам он, будучи доверенным лицом Хозяина, самым непосредственным образом вовлечен в повествование. События сюжета развертываются перед читателем не в хронологической последовательности, как это имело бы место в жизни, а как бы скачками: повествование то прыгает назад, то прозревает будущее, то как бы замирает на какой-то момент, давая Бэрдену возможность самовыражения. Вилли Старк — это композиционный центр романа, та ось, вокруг которой вращаются все остальные персонажи разыгравшейся драмы: Адам и Анна Стентон, судья Ирвин, Сэди Берк, сам Джек и др. И так велика оказывается центростремительная сила Хозяина, что все они, вольно или невольно, вовлекаются в сферу его воздействия; столкновение их интересов, идеалов и амбиций становится неизбежным, и в главе 9 главные герои погибают. Основные сюжетные линии «Старк и судья Ирвин», «Старк и Адам Стентон», «Старк и Анна Стентон», и побочные, связанные с взаимоотношениями Джека с этими и другими людьми, развиваются из главы в главу, где они проходят разные этапы своей эволюции, обогащаясь новыми деталями, нюансами, реминисценциями рассказчика. При этом то один сюжет, то другой выходит на передний план авторского повествования, в то время как остальные звучат приглушенno, создавая событийный фон. Так, например, завязка романа, тема судьи Ирвина, в последующих главах уходит на задний план (в главах 2, 3 и 4 дается предыстория романа, события до лета 1936 года), но о ней постоянно напоминает упорно повторяющийся и варьирующийся рефрен — мотив археологических раскопок, мотив извлечения на свет божий того, что история скрывает в своих наслоениях. Роковое поручение Хозяина Джеку — скомпрометировать неподкупного судью любой ценой, ибо «Man is conceived in sin and born in corruption and he passeth from the stink of the didie to the stench of the shroud. There is always something» (гл. 1, с. 49) /5/, служит зачином главы 4, непосредственно не связанный с развитием сюжета, а также главы 5, которую можно было бы озаглавить, заимствовав определение Джека: «The Case of the Upright Judge». В обоих зачинах это кредо Хозяина развивается и раскрывается в цепочке экспрессивных метафор на тему раскопок.

Cp.: Гл. 4, с. 157: And he told me to dig it out, to dig it up, the dead cat with patches of fur still clinging to the tight, swollen dove-gray hide. It was the proper job for me, for, as I have said, I was a student of history. A student of history does not care what he digs out of the ash pile, the midden, the sublunary dung heap, which is the human past. He doesn't care whether it is the dead pussy or the Kohinoor diamond. So it was a proper assignment for me, an excursion into the past.

И, описав свою первую экскурсию в прошлое Кэса Мастерна, рассказчик открывает главу 5 следующим образом (с. 191): *That was the end of my first journey into the enchantment of the past, my first job of historical research. It was, as I have indicated, not a success. But the second job was a sensational success It all began, as I have said, when the Boss, ... said to me (to Me who was what Jack Burden, the student of history, had grown up to be), There is always something;* снова повторяется сентенция Старка «*Man is conceived in sin and born in corruption ...*», и на с. 192 Джек Бэрден подхватывает ослабевшую было нить сюжета «Старк и Ирвин» и шаг за шагом ретроспективно «откапывает пятно» на совести честного судьи, и чем ближе Джек к цели своих изысканий, тем богаче и разнообразнее становятся метафоры, тем чаще, плотнее и экспрессивнее по семантике слова этого тематического ряда: *to dig up the dead cat, to excavate the maggot from the cheese, to locate the canker in the rose, to find the deceased fly among the raisins in the rice pudding (p. 192); the dead kitty buried in the ash heap (p. 205); I had speared it up from the deep mud (p. 210); to tap, hollow sound, insert the crowbar, to put in, to sink the crowbar deeper, to take a plunge into smth.*

Такой сквозной повтор слов определенной тематической сетки служит не просто композиционной скрепой между главами 1, 4 и 5, но и мощным средством усиления эмоциональной напряженности этого текста, когда читатель вовлечен в поиски Джека, сопровождает его и сопреживает ему. На этом сквозном повторе основан весь ритм главы 5, и следует согласиться с утверждением Сапарова М. А., что «художественный ритм создается не буквальным повторением какого-либо выразительного элемента, а его повторением в новой, постоянно возобновляющейся художественной целостности, его интонированием и акцентированием ... Повтор в структуре художественного произведения связан с накоплением качества, трансформацией смысла, а посему он не тавтологичен; более того, он неповторим» /6/.

Исследование Змиевской Н. А. о роли дистантного повтора в организации художественного текста подтверждает тезис о том, что даже трехразовое появление языкового знака в тексте никогда не является простой формальной чертой, а всегда оказывается стилистически релевантным /7/. В нашем случае сквозной повтор археологической лексики становится лейтмотивом сюжетной линии судьи Ирвина и шире — человеческой истории. Вот почему впечатляющим аккордом звучит финал главы 5, перекликаясь с ее началом: *So I had it after all the months. For nothing is lost, nothing is ever lost. There is always the clue.*

Семантико-композиционной скрепой в архитектонике романа Р. П. Уоррена этот лейтмотив прозвучит еще не раз в гл. 4 (с. 188), в гл. 6 (с. 248, 260), в гл. 7 (с. 271 — 272), в гл. 8 (с. 354) и в финале романа на с. 438.

Исследователями замечено, что художественное произведение

может распадаться на ряд сквозных, пространственно рассредоточенных, относительно автономных в языковом отношении «малых» текстов или микроописаний, каждый из которых семантически и формально объединяется образом автора (или рассказчика) и организован по тому же принципу, что и все произведение /8/.

Представляется, что начало главы 7 составляет такое относительно замкнутое микроописание переживаний повествователя и имеет ту же ритмическую канву, что и остальные главы.

Ритм зачина этой главы основан на многократном повторении единиц разных уровней: а) лексических единиц тематического ряда «движение» — *to leave, to go down, to be headed out, to do seventy-five, to drive, to put the throttle to the floor*; б) параллельных синтаксических конструкций с эпифорическими и анафорическими повторами *«It is where you go»* и подхватом.

Ритм отрывка создается также цепью однородных членов предложения, соединенных союзом *and*: а) сказуемых *I left her apartment that morning and went down to the bank and drew out some money and got my car out of the garage and packed a bag and was headed out; I pulled the sun screen down and squinted and put the throttle*; б) определений: *down a long bone-white road, straight as a string and smooth as glass and glittering and wavering in the heat and humming under the tires like a plucked nerve*.

Яркая аллитерация звуков, *s, z, st, h, r* создает специфическую тонограмму бешеного движения машины, шуршания шин по асфальту и равномерного гула двигателей.

Благодаря своей аранжировке этот абзац становится чрезвычайно эмоционально напряженным. Эмоциональным камертоном его является словосочетание *a plucked nerve*, а ключевым выражением, девять раз повторенным только здесь и еще несколько раз дальше, — *to go West*. Семантико-стилистический потенциал этого выражения многократно возрастает не только за счет усиленной эксплуатации его денотативного значения, актуализируемого в главе 7, — ехать на Запад, но и особенно за счет подтекста, другого денотативного значения его — умирать, которое имплицируется и, более того, поддерживается самим художественным произведением. В этой же главе (с. 271—272) читаем: *And I was moving. I was moving West at seventy-five miles an hour ... and I was moving back through time into my memory. They say the drowning man relives his life as he drowns. Well, I was not drowning in water, but I was drowning in West. I drowned westward through the hot brass days and black velvet nights. It took me seventy-eight hours to drown. For my body to sink down to the very bottom of West and lie in the motionless ooze of History, naked on a hotel bed in Long Beach, California.*

Обращает на себя внимание ритмический рисунок этой цитаты: опять те же повторы-подхваты, синтаксический параллелизм

I was moving, I was drowning, дистальный синонимический повтор to go West, to move West, to drown westward, скрепляющий различные абзацы этой главы. Напомним, что не случайно ритмический фактор в филологической науке часто связывается с понятием тесноты ряда (Ю. Н. Тынянов) и синтаксическим параллелизмом (В. М. Жирмунский).

Субъективное читательское восприятие услужливо подсказывает нам гамлетовское «to die, to sleep», но оказывается, что даже эта ассоциация не произвольно приходит на память читателю, а навязана ему автором, порождена «максимальной контекстуальной индикацией» /1/. Мы уже знаем из главы 2, что, по признанию Джека, всякий раз, когда жизнь его оказывается на переломе, он впадает в состояние анабиоза, которое длится днями и даже неделями и для которого он придумал термин «The Great Sleep». Описание великой спячки после ухода Джека из университета заключает главу 4; вторая спячка перед разводом с женой подробно описана в главе 7; подобное же состояние охватывает рассказчика и сейчас, в 1939 г., когда он теряет свою единственную любовь Анну Сентон и забывается пьяным сном на западе страны, в Калифорнии. Таким образом, контекстуальная индикация в романе «Вся королевская рать» не только не снимает, как обычно, многозначность языковых средств, но и наоборот, усиливает ее за счет комбинаторных приращений смысла элементов всех языковых уровней.

Проведенный анализ показал, что в основе ритмической организации романа Р. П. Уоррена лежит регулярная повторяемость и чередование крупных отрезков текста, определенных образов, тем, сюжетных ходов, мыслей и чувств героев. В каждой новой главе персонажи как бы заново переживают то, что они испытали в предыдущих главах, но при этом тематический материал обогащается новым смыслом, иным освещением, добавочным разъяснением. Ритм романа носит достаточно динамичный характер, где сменяют друг друга спады и подъемы эмоционального напряжения, достигая в кульминационных главах, 8 и 9, где эпизоды сдвигаются вплотную, особой интенсивности. Макроритм данного романа на уровне композиции поддерживается микроритмами отдельных абзацев и пассажей, в основе которых также лежит повтор единиц всех уровней языка.

Ритм, важнейший фактор формообразования, является и идейно-эстетической категорией, способствующей созданию законченной, строго упорядоченной системы художественного произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Арнольд И. В., Кононенко Е. Т. Ритм как составная часть макроконтекста. — В сб.: Вопросы английской контекстологии. Л., 1974, вып. 1; Кононенко Е. Т. Ритмико-синтаксическая структура художественной прозы. АКД. — Л., 1973.

- /2/ Гиршман М. М. Ритм художественной прозы и целостность прозаического литературного произведения. АДД.— М., 1977.
- /3/ Сапаров М. А. Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения.— В сб.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. М., 1974, с. 101.
- /4/ Чулкова В. С. Один из способов интеграции текста.— Филологические науки, 1978, № 1.
- /5/ Все цитаты оригинального текста даются по изданию: Robert Penn Warren. *All the King's Men*. Bantam Books, New York, 1963.
- /6/ Сапаров М. А. Указ. раб., с. 101.
- /7/ Змиевская Н. А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста. АКД.— М., 1978.
- /8/ Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы.— М., 1970, с. 196, 198.

М. Н. ЕЛЕНЕВСКАЯ

КАУЗАЛЬНОСТЬ В АФОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Анализ смысловой структуры афоризмов показывает типизированность логических и семантико-сintаксических моделей афористического фонда. Афоризмам свойственна двучленность, которая проявляется в субъективно-предикатном характере суждений и в композиционном строении, в основе которого лежат аналогия и контраст. Этим объясняется преобладание в афористике высказываний — бинарных групп. Классификация афоризмов по типам логических суждений показывает, что для афоризмов — бинарных групп наиболее частотной моделью является высказывание, совмещающее в себе следующие типы суждений: сложное, утвердительное, общее, категорическое/условное, действительное. В данной статье рассматриваются афоризмы, представляющие собой условные суждения и характеризующиеся отношениями каузальности.

Каузальность рассматривается как реальная объективная связь, существующая вне сознания познающего субъекта. Каузальная связь охватывает предметно-логическую сферу, т. е. существует не только между предметами и явлениями объективного мира, но и между мыслями о них и отражается в языке /1/. В анализируемых афоризмах противопоставляемые элементы связаны отношениям каузации, т. е. причинно-следственными связями, а также целевыми, условными и уступительными отношениями.

There would be no great ones; if there were no little ones.
(G. Herbert).

If the devil finds a man idle, he'll set him to work. (J. Kelly).

Though ambition itself is a vice, it is often a parent of virtue
(B. Johnson).

It can't be nature, for it is not sense (Ch. Churchill).

Приведенные высказывания выражены сложноподчиненными

предложениями, в которых придаточное предложение связано с главным отношениями: условия (1; 2), уступительными (3) и причинно-следственными (4).

Высказывания, содержащие каузальность, выражаются также сложноподчиненными предложениями с придаточным временем. Осложнение временного значения причинно-следственным характерно для тех случаев, когда явления происходят одновременно или следуют друг за другом в силу существующих между ними причинно-следственных связей /2/.

Рассматривая каузальность в афористических высказываниях, будем пользоваться терминами, «антецедент» и «консеквент». Антецедент и консеквент — члены импликации. Антецедент — первый член импликации, которому предпослано слово «если». Консеквент — второй член импликации, вводимый в сложное высказывание при помощи слова «то» /3/. Исходные понятия будут различаться в приложении к синтаксису и семантике.

Афористические высказывания, характеризующиеся отношениями каузальности, вслед за В. П. Недялковым и Г. Г. Сильницким будем рассматривать как каузативные конструкции, включающие каузирующую ситуацию — антецедент и каузируемую ситуацию — консеквент. В совокупности антецедент и консеквент включают в каузативную конструкцию четыре константы: предмет антецедента и каузирующее состояние, предмет консеквента и каузируемое состояние /4/. В применении к семантике термины антецедент и консеквент используются при анализе текстовой импликации /5/.

Противопоставляемые элементы могут быть по-разному размещены в афоризмах — каузативных конструкциях.

If little labour, little are our gains; Man's fortunes are according to his pains. (R. Herrick).

All that is human must retrograde if it doesn't advance (E. Gibbon).

В этих высказываниях, выражающих условные отношения, представлены все четыре константы каузативной конструкции: предмет антецедента, каузирующее состояние, предмет консеквента и каузируемое состояние. Противопоставляемые элементы размещены в разных частях конструкции. В первом примере противопоставляются предмет антецедента и предмет консеквента little labour — little gains, а во втором примере каузирующее и каузируемое состояния to retrograde — to advance.

Противопоставление может реализоваться и в одной части каузативной конструкции:

If on Parnassus Top you sit

You rarely bite, are always bit (J. Swift).

Противопоставляемые элементы, выраженные глаголом bite в действительном — страдательном залоге, размещены в консеквенте. Однако несмотря на то, что противопоставление затрагивает только антецедент, это высказывание можно отнести к каузатив-

ной конструкции, так как определяющим отношением каузативной макроситуации является отношение каузации.

Собранный материал дает примеры и семантически эллиптической каузативной конструкции, в которой не все константы имеют выражение:

I would be married, but I'd have no wife,

I would be married to a single life. (R. Crashaw).

Антецедент здесь опущен, но легко восстанавливается по эксплицитно выраженным семантическим элементам и грамматическому оформлению консеквента. Противопоставление, которое содержит консеквент, выражено дважды. Первая строка представляет собой несовместимое противоположное суждение. Вторая строка находится в отношении семантического пересечения с первой. Она несет ту же смысловую нагрузку, но здесь отклонение от нормы усиливается за счет полуотмеченной структуры *married to a single life*. Как известно, полуотмеченные структуры, отличаясь низкой предсказуемостью, несут большую информационную нагрузку.

Совмещение в одном высказывании двух несовместимых противоположных суждений — пример логического сдвига, который используется в афористике для раскрытия противоречий. В каузативной конструкции причинно-следственные отношения могут характеризоваться отклонением от логических норм.

Three may keep a secret, if two of them are dead (B. Franklin). Причинной-следственные связи в приведенном примере реализуются в двух планах: синтаксическая форма его организации — каузативная конструкция с эксплицитно выраженным антецедентом и консеквентом. Основной смысл высказывания несет текстовая импликация. По определению И. В. Арнольд, в случае текстовой импликации антецедент выражен вербально, а консеквент подразумевается, причем импликация является частью смысла отрывка текста, а не отдельного слова или предложения /6/. Имплицитный смысл этого афоризма противоположен смыслу каузативной конструкции и сводится к тому, что три человека не могут хранить тайну. Противопоставление здесь выражено дважды: семантическое противопоставление консеквента всей каузативной конструкции и эксплицитного смысла имплицитному. В этом афористическом высказывании реализуется закон противоречия: не могут быть одновременно истинными высказывание А и отрицание А. Противоречивость высказывания заставляет читателя вернуться к прочитанному, чтобы решить для себя альтернативу: который из двух смыслов содержит истину? Афоризмы, содержащие логические сдвиги, одновременно представляют собой отклонение от традиционных представлений.

If you don't think about the future, you cannot have one (J. Galsworthy).

Как отмечает У. Вейнрейх, человек в своем мышлении может выйти из «логических форм», навязываемых ему родным языком /7/. Именно это мы наблюдаем в последнем примере, где как

равнозначные величины предстают мысли о будущем и возможность иметь его. В условиях такого противопоставления «будущее» выступает как субъективная категория, зависящая от человека. Такое противоречивое толкование этого понятия помогает формированию имплицитного смысла сообщения: человек может сам быть хозяином своей судьбы. Как и в предыдущем примере, в высказывании заключены два смысла, внешний, выраженный при помощи линейных связей и значений, и внутренний, требующий переосмыслиния сообщения.

Собранный материал дает много примеров, в которых каузальность выражена имплицитно:

The nearer the Church, the further from the god (A. Lancelot).

Данное афористическое высказывание представляет собой пропорциональное сравнение. Как главное, так и придаточное предложения выражены параллельными конструкциями, причем аналогичные позиции главного и придаточного связаны антитетическими отношениями. Противопоставление *near-far* является традиционной антонимической парой, а противопоставление *church-god* — окказиональное и наиболее значимое в контексте высказывания. Одновременно с этим отмечается каузальность конструкции. Придаточное предложение выражает исходное изменение и, следовательно, может расцениваться как причина или условие, а главное предложение как результат или следствие:

Ambition in a private man a vice,

Is in a prince a virtue (D. Massinger).

Противопоставляемые сегменты *in a private man a vice* — *in a prince a virtue* выражены параллельными конструкциями. Антитетическими отношениями связаны узуально противопоставляемые существительные *vice* — *virtue* и параллельно с этим возникает контекстуально обусловленная антитеза: *private man* — *prince*. Антитетическое противопоставление осложнено уступительными отношениями. Первая строка представляет собой антецедент, вторая — консеквент. Уступительные отношения закреплены в этом афористическом высказывании, так как оно является поэтическим перифразом афоризма Квинтилиана, переведенного на английский язык Б. Джонсоном:

Though ambition itself is a vice, it is often the parent of virtue (B. Johnson).

Имплицитно выраженная каузальность поддержана клишированным характером высказывания.

Исследуемый материал показывает, что каузативные конструкции являются продуктивной моделью для формирования парадоксов. Проанализированные высказывания на первый взгляд кажутся абсурдными, однако содержат аргументы, поддерживающие истинность заключенных в них суждений. В языке это находит выражение во взаимодействии эксплицитного и имплицитного планов высказывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- /1/ Давыдова В. С. Структурно-семантическая характеристика вводных конструкций каузального типа.— Киев, 1982, с. 5.
- /2/ Дубровская С. Г. Некоторые особенности сложноподчиненных предложений с придаточной частью, вводимой союзами «when» и «while».— М., 1964, с. 4.
- /3/ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник.— М., 1975, с. 42, 78.
- /4/ Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций.— В кн.: Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Л., 1969, с. 6.
- /5/ Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения.— Вопросы языкоznания, 1982, с. 84.
- /6/ Вейнрайх У. О семантической структуре языка.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1970, с. 171.

И. В. САФЬЯНОВА

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В данной статье делается попытка описания особенностей семантики ЛСГ слов-наименований птиц и семантического осложнения этих слов в зависимости от условий их функционирования в различных поэтических текстах.

Исследуемая лексическая группа принадлежит к помпa *prorgrīa* и характеризуется устойчивостью понятийного центра и обусловленной этим свободой лексических связей. Лексическому значению этих имен свойственна семантическая комплексность: они наделены полной семантической структурой, способны реализовать в речи как денотативное, так и сигнifikативное содержание, допускают как референтное, так и нереферентное употребление, т. е. могут выступать как в идентифицирующей, так и предикативной функциях. «Абсолютная номинативная значимость, семантическая двойственность и функциональная подвижность этих имен чрезвычайно расширяет их коммуникативные и выразительные возможности, одним из источников которых является вторичная номинация» /1/.

Большинство названий птиц в их прямом (виртуальном) значении стилистически нейтральны. Однако склонность человеческого сознания к олицетворению и созданию зоонимов привела к возникновению в семантической структуре этих слов переносных значений.

Конкретная лексика образна в своей основе, ей свойственна многопризнаковость и семантическая нерасчлененность, которые облегчают метафоризацию /2/.

С некоторыми птицами традиционно связывается определенный признак, который входит в сильный импликационал значения: *reasock* — вызывает стереотипные ассоциации тщеславия, *dove* —

крутисти, *hawk* — хищности, жестокости. В результате метафорического сдвига возникает переносное значение: *hawk* — хищник; *dove* — голубушка; *goose* — простофиля.

Н. Д. Арутюнова относит эти языковые метафоры к образному типу метафор, т. е. метафор, рожденных вследствие перехода идентифицирующего значения в предикатное, и дающих конденсированную характеристику конкретного предмета, часто претендуя на проникновение в существо. Однако когда метафора становится общеупотребительной, ее значение, следя модели семантических предикатов, редуцируется до моносемантического. Возможно, в этом кроется объяснение того факта, что для поэзии такое метафорическое употребление названий птиц не характерно, разве только в шутливо-ироническом или сатирическом стихотворении, так как для поэтического слова свойственно стремление к многомерности и многоплановости. Другое объяснение — синтаксическая связность этого типа значения (предикативно-характеризующего, по классификации В. В. Виноградова).

В этой связи интересно коснуться вопроса о том, принадлежит ли признак, лежащий в основании переименования, семантике слова или представлениям о мире носителей языка.

Н. Д. Арутюнова считает, что метафора «любит работать в той области идеального, которую принято называть коннотациями значения слова и которая в сущности (если отвлечься от стилистических коннотаций) не принадлежит языку, составляя разницу между объемами логического понятия и представлений о классе предметов» /3/. То, что коннотации стандартизируются, входя в картину мира того или другого народа, не делает их принадлежностью языковой семантики. Метафора, базирующаяся на конкретной лексике, вытекает не из значения слова и даже не из логического понятия, а скорее из «ходящих представлений» о классе реалий.

Д. Н. Шмелев менее категоричен. Он склонен считать, что признаки, служащие основанием для семантической транспозиции слов, не являются ни дифференциальными семантическими признаками, ни вообще конструктивными элементами значения. Это не «элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначается словом. Но вместе с тем, это и не полностью внеязыковые ассоциации» /4/.

Разрешить противоречие можно исходя из теории вероятностной природы лексического значения. В соответствии с этой концепцией все стереотипные ассоциации как истинные, так и ложные, традиционно связываемые с каким-либо классом денотатов, «подключены к импликационалу» /5/.

В художественном, особенно поэтическом тексте, ориентированном на нетривиальное восприятие, решение вопросов о соотношении лингвистических и экстралингвистических факторов, лежащих в основе семантической трансформации, еще более сложно.

Это вытекает из суггестивности образа, его способности вызывать неопределенные и плохо мотивированные лингвистическими правилами серии ассоциаций.

Неравенство поэтического слова самому себе — универсальное свойство поэтической семантики. Проблема «гиперсемантизации» поэтического слова, «приращения смысла» в поэтическом тексте вследствие его повышенной упорядоченности получила подробное освещение в работах А. А. Потебни, Б. А. Ларина, Ю. Н. Тынянова и других авторов.

В художественном тексте семантика языковой единицы определяется условиями ее актуализации. В качестве факторов, влияющих на процесс лексической актуализации (под которой понимается манифестация словом своего семантико-стилистического потенциала в контексте, когда акцентируются импликационные, коннотативные компоненты значения, выявляются неожиданные переносные смыслы, реализуются окказиональные семы) выступают:

- 1) семантическая специфика слова;
- 2) тип контекста;
- 3) коммуникативные условия речевого акта /6/.

В стилистическом анализе художественного текста необходимо учитывать все виды связей слова: парадигматические, синтагматические, а также интегративные процессы, играющие огромную роль в формировании содержания, т. к. выразительный потенциал языковых единиц, их стилистическая функция имеет не узальную, а контекстуальную природу /7/. В стилистике декодирования стилистический контекст понимается не как нейтральный фон, на котором выпукло выступает стилистически маркированное слово, а единство и противопоставление стилистического приема и его окружения, активный фактор создания образности. Стилистический контекст рассматривается как максимум контекстуальных связей, помогающих выявить окказиональные образные, экспрессивные и оценочные коннотации слов в художественном тексте /8/.

Процессы семантического осложнения слова в поэтическом тексте были рассмотрены Ю. И. Левиным. Наиболее отчетливо «приращение смысла» наблюдается в случае смещения, но и вне традиционной образности, за счет повышенной упорядоченности художественного текста (действия принципа «единства и тесноты стихотворного ряда» по Ю. Тынянову) семантическая структура слова существенно трансформируется. Ю. И. Левин выделил следующие процессы трансформации слова:

- 1) акцентирование сем (часто второстепенных, т. е. импликационных);
- 2) индуцирование контекстом новых сем;
- 3) затушевывание сем — вытеснение сем из ядра значения (интенсионала) в окружение (импликационал);
- 4) нейтрализация сем /9/.

Обратимся к конкретному примеру, который дает возможность

проследить взаимодействие интенсионала и импликационала значения, приводящее к изменению статуса признака, а также семантическое осложнение слова под влиянием стилистического контекста, индуцирование эмоционально-оценочных коннотаций, отражающих, по определению, условия акта коммуникации и отношение говорящего к предмету речи. Сравним функционирование одного и того же слова *sparrow* в двух известных стихотворениях «*The Sorrow of Love*» У. Б. Йетса и «*My Kingdom*» Р. Стивенсона.

My Kingdom
R. L. Stevenson

... And all about is mine I said:
The little sparrows overhead
The little minnows too.
This was the world and I was King,
For me the bees came by to sing
For me the swallows flew /10/.

The Sorrow of Love
W. B. Yeats

... And now the sparrows warring in the eaves,
The curd-pale moon, the white stars in the sky,
And the loud chaunting of the unquiet leaves
Are shaken with the earth's old and weary cry /11/.

В словарном определении указывается: *sparrow* — small grey bird remarkable for its pugnacity. . .

Анализ показывает, что при общем сохранении предметного тождества, семантика слова существенно трансформируется, а образы воробьев в этих стихотворениях выполняют совершенно различные и даже прямо противоположные стилистические функции. Если в стихотворении Р. Стивенсона воробьи — это часть светлого и радостного мира детства, то в стихотворении «*The Sorrow of Love*» они помогают создать образ трагически разорванного мира.

Признак драчливости, входящий в сильный импликационал, в первом случае несколько затушевывается, и в семантике слова усиливается коннотативное значение положительной оценки. А в стихотворении У. Б. Йетса импликациональное значение выдвигается на первый план, усиливая общее значение дисгармонии и получая дополнительные признаки отрицательной оценки. Семантическая деформация происходит благодаря конвергенции приемов: метафора *warring sparrows*, «высвечивающая» признак, поддержанная звукоподраждающей аллитерацией, которая акцентирована размером, что придает стиху необычайную выразительность.

Таким образом, стилистические функции названий птиц — даже одной и той же — могут быть весьма различны, индивиду-

ально-неповторимы, как неповторимо каждое конкретное стихотворение. Однако анализ материала позволяет выделить наиболее типичные функции, в основе которых лежат узуальные коннотации и ассоциации. Названия птиц могут выступать в качестве элементов образа времени 1) дня, 2) года, 3) сельской природы, т. е. участвовать в организации художественного времени и пространства стиха. Значение локализации во времени и пространстве диктуется стандартизованными представлениями носителей языка, в которых отразились жизненный опыт данного народа, его культурно-исторические традиции.

Наиболее частотная образная функция птиц — участие в создании образа времени дня. Эта функция настолько традиционна и отчетливо мотивирована природой денотата, что появляется искушение назвать птиц универсальными поэтическими часами, что было бы некоторой натяжкой, так как каждый поэт ищет свою систему образов, которая адекватно передавала бы его мироощущение, строит собственную модель мира, к тому же выбор во многом зависит от эпохи и школы. Тем не менее большое количество примеров показывает, что представление об утре очень четко связывается с жаворонком или петухом, вечер и ночь — с соловьем, совой, реже — вороной и коноплянкой. Достаточно вспомнить известный отрывок из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», где песня соловья ассоциируется с ночью, а жаворонок предвещает наступление утра, а вместе с ним и разлуки. Слова Джульетты: «*It was the nightingale not the lark*» понимаются однозначно, так как импликационные связи в тексте соответствуют реальным связям объектов внеязыковой действительности.

Четкая закрепленность употребления подчеркивается устойчивым семантическим окружением:

а) постоянными эпитетами, несущими семантический компонент «время суток» *night raven* (Milton), *night-fowl crow* (Tennyson), *herald of the morn* (Shakespeare), *messager of day* (Chaucer);

б) устойчивыми сочетаниями с темпоральным значением, например, сопутствующими упоминанию о жаворонке *break of day*, *rise of morn*, *dewy wings*, *watery nest*;

в) на синтаксическом уровне — придаточными-временными или определительными с союзом *when* — «*It is the hour when from the boughs the nightingale's high note is heard*» (Byron);

г) временная отнесенность может выноситься в название: «*Twilight*» (Byron), «*Aubade*» (W. Empson), «*Morning Song*» (W. Averant).

Такая устойчивая отнесенность послужила основанием для метафорического образа *the night of nightingales* (E. Thomas «*Aspens*»), оживившего внутреннюю форму слова.

Интересно сопоставить результаты наших наблюдений над поэтическими текстами и данные словарей, фиксирующие узуальные компоненты значений. Стабильность связей некоторых птиц

с определенным временем дня или года приводит к тому, что за существительными с конкретно-предметным значением закрепляется темпоральная семантика. Типичность темпорального (событийного) прочтения отражена в языке в таких устойчивых сочетаниях, как *to rise with the lark, at cock-crow, to fly with the owl* (вести ночной образ жизни), в семантике производных слов, в которых актуализируются импликациональные семы — *owl-light* — сумерки, *owl-train* (US) — ночной поезд и др. М. М. Покровский, специально интересовавшийся проблемой перехода конкретных значений в абстрактные, в частности, преобразованием предметного значения в темпоральное, в результате наблюдений над обширным материалом многих языков сформулировал следующий семасиологический закон: «всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова» /12/. Таким образом, функционирование наименований птиц в качестве элементов образа времени дня в целом совпадает с общеязыковой тенденцией, но данные перекрываются не полностью: в поэтических текстах наблюдается расширение и обогащение выразительных возможностей этих слов. Например, если для наименований таких птиц, как жаворонок, петух и сова, сема времени отмечена словами как узуальная, в случае коноплянки и даже соловья, несмотря на этимологию, — это лишь дополнительная сема.

Не менее важна роль птиц в создании образа времени года. Птицы становятся основными приметами весны и лета, а отлет птиц — осени. Примером могут служить известные стихотворения «To Autumn» Дж. Китса и «Home-Thoughts, from Abroad» Р. Браунинга. В последнем тоска по родине выражена в поэтическом описании одного за другим весенних месяцев, где образы птиц являются одним из основных средств создания картины.

Oh, to be in England
Now that's April there,
And whoever wakes in England
Sees, some morning, unaware,
That the lowest boughs and the brushwood sheaf
Round the elm-tree bole are in tiny leaf,
While the chaffinch sings on the orchard bough
In England-now:
And after April when May follows
And the whitethroat builds, and all the swallows! /13/

Эти строки написаны не педантом-естественноиспытателем, до-тощно фиксирующим свои фенологические наблюдения, а поэтом, долгие годы прожившим вдали от родины. Об этом, впрочем, в стихотворении нет ни слова, за исключением заглавия, разводя-

щего в оппозицию темы *home::abroad*, которые можно рассматривать как хронотопы, нагруженные соответствующими ассоциациями. Ностальгия обостряет память, делает особо дорогими и значимыми малейшие подробности воспоминаний. Яркий южный цветок по контрасту вызывает у поэта воспоминания об английской природе, весне в Англии, которые составляют основу образной системы стихотворения.

При таком образном употреблении названия птиц отягощены дополнительными ассоциациями. Аналогично в стихотворении «*коконного поэта*» Вилфрида Оуэна «*Exposure*» образ поющих весной птиц вырастает до образа-символа весны, родины, мира и самой жизни. В этих случаях можно говорить об импликации и метонимических символах. «Слова, выражая свои прямые значения, в то же время могут вызывать мысль о других предметах, событиях и чувствах, которые неразрывно связаны с этими словами», — писал В. В. Виноградов. Принцип соответствия слова предмету и принцип пластической выразительности не исключает метонимических подразумеваний. Возникают разнообразные приемы такого сочетания образов, при котором по легким намекам угадывается скрытый основной смысл. «Этот прием изобразительной эллиптичности безмерно обогащает выразительность слова. Слово утрачивает свою прямолинейность, становится многозначным, многоплановым. Стилистическая сущность этого способа выражения состоит в изображении предмета, действия посредством названия сопутствующих явлений» /14/.

Естественно участие птиц в создании образа сельской природы, так как наименования птиц относятся к семантическому полю «природа». И в этом случае мы можем говорить о возможности углубления и обогащения значения, как например, в поэзии эпохи романтизма вследствие оппозиции «естественной жизни» на лоне природы и «пошлой цивилизации». Следует отметить также резкое возрастание частотности употребления образов птиц в стихах поэтов этой школы.

The Tables Turned W. Wordsworth

... Books! 'tis dull and endless strife,
Come, hear the woodland linnet.
How sweet his music! on my life
There's more wisdom in it.
And hark! how blithe the throstle sings!
He too is no mean preacher.
Come forth into the light of things
Let Nature be your teacher /15/.

В этом полемически заостренном стихотворении Вордсворт птицы — это не только «голоса природы», что было бы естественно

ожидать, но глашатай Истины, носители утверждаемых поэтом духовных ценностей и одновременно их воплощение. Объективным показателем семантического осложнения служит соотнесенность наименований птиц с личными и притяжательными местоимениями, что сигнализирует о приобретении ими окказиональной семы антропоморфности и является постоянным средством персонификации.

Даже этот краткий анализ позволяет сделать вывод, что помимо стандартных коннотаций слово в поэтическом тексте нагружено дополнительными ассоциациями, дополнительным смысловым и эмоциональным содержанием. Это обстоятельство лежит в основе возможности возникновения образов-символов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- /1/ Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи.— В кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 91.
- /2/ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика).— В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979, с. 160.
- /3/ Арутюнова Н. Д. Указ. раб., с. 172.
- /4/ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.— М., 1973, с. 193.
- /5/ Никитин М. В. Лексическое значение слова.— М., 1981, с. 25.
- /6/ Хованская В. И. Лексическая актуализация.— Филологические науки, 1983, № 1.
- /7/ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка.— Л., 1973, с. 34.
- /8/ Арнольд И. В., Банникова И. А. Лингвистический и стилистический контекст.— В сб. Стиль и контекст. Л., 1972.
- /9/ Левин Ю. И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах.— В кн.: Структурная типология языков. М., 1966, с. 213—215.
- /10/ The Oxford Book of English Verse.— Oxford University Press 1918, р. 1023.
- /11/ An Anthology of English and American Verse.— М., 1972, р. 353.
- /12/ Покровский М. М. Избранные работы по языкоznанию.— М., 1955, с. 43.
- /13/ An Anthology of English and American Verse.— М., 1972, р. 272.
- /14/ Виноградов В. В. Стиль Пушкина.— М., 1941, с. 62—63.
- /15/ W. Wordsworth. The Shorter Poems, L., 1915, р. 191.

Г. В. ЕЛИЗАРОВА

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЛАВОЙ ЧАСТИ НА КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТИПА It is hoped that he will come

Объектом исследования послужили сложноподчиненные предложения с главной частью типа *It is hoped (believed, said) that ...*.

Эти построения типичны для системы английского языка. Они имеют развернутую парадигму: пассивные формы в сочетании с *it* возможны во всех видо-временных формах групп *Indefinite* и *Perfect*, широко употребляются с модальными глаголами (*It must be assumed that...*), имеют постоянное лексическое наполнение, в которое вовлечены более 150 глаголов. Вместе с тем, в своем функционировании данные структуры имеют ряд специфических черт в отличие от хорошо известных форм страдательного залога. Они, как правило, не используются в отрицательной форме, не образуют специальных вопросов, имеют разные значения при употреблении в составе простого и сложного предложения. Это позволило выдвинуть гипотезу об особой семантике и коммуникативном статусе группы *it* + пассив в роли главной части сложно-подчиненного предложения. Анализу данной структуры и посвящена статья.

Для полной характеристики конструкции представляется целесообразным последовательно рассмотреть роль трех факторов: элемента *it* в формировании значения главной части; пассивной формы глагола в этой же модели; всей структуры *it* + пассив в составе целого предложения, не упуская из виду их взаимосвязи и взаимообусловленности.

С *содержательной* точки зрения подлежащее — это прежде всего субстанциональное (vs. призначное) значение /1/, носитель признака, выражаемого сказуемым как представителем предиката, постоянная семантическая величина. Это положение не подрывается тем фактом, что подлежащему могут быть приписаны разные семантические роли (агенс, пациент и тому подобные). Это разные уровни представления смысловой структуры предложения. Признаки могут быть разными и влияют на семантические роли, но подлежащее на синтаксическом уровне в содержательном плане всегда манифестирует носителя признака и освобождается от уточняющих определений (активных, пассивных и так далее), так как для статуса члена предложения подобные характеристики не важны. Появление подлежащего и есть, по С. Д. Кацнельсону, результат преобразования пропозиции (в которую входят семантические роли) в предложение /1/. Продолжая анализ в содержательном плане следует отметить, что будучи обозначением носителя признака, подлежащее, чем бы оно не было выражено, характеризуется онтологической или мысленной предметностью. В связи с этим в центр выдвигается референциальный аспект. Референтом подлежащего является предмет, явление, признак или ситуация мыслимые как предмет. Подлежащее всегда имеет некий внеязыковой коррелят /1/, т. е. обладает референтностью. Это свойство подлежащего, вытекающее из его содержательных характеристик, особенно актуально для семантики предложения в целом, поскольку благодаря ему именно подлежащее, обладающее по терминологии Н. Д. Арутюновой денотацией (в противоположность сказуемому, представленному в норме признаковым словом

с сигнifikативным значением), осуществляя референтную отнесенность всего предложения /2/. В структурном плане роль подлежащего в английском предложении также исключительно важна. Будучи языком аналитическим, английский характеризуется обязательной двусоставностью предложения, в котором происходит согласование подлежащего и сказуемого как в формальном плане, так и в синтагматическом аспекте (на уровнях семных составов лексем).

С учетом этих критериев попытаемся раскрыть статус лексемы *it*.

В традиционной грамматике, стоящей на логико-структурных позициях, объяснение роли *it* в сложноподчиненных предложениях, начинающихся с этого элемента в функции подлежащего, связывалось с его местоименной природой. Элемент *it* в большинстве случаев понимался только как предваряющее местоимение, замещающее оттянутое (postponed) настоящее подлежащее или придаточную подлежащую часть /3/. Эта точка зрения сохранилась и в грамматиках последних лет, построенных по типу системных /4/. Большинство грамматистов не усматривали аналогии между функционированием *it* в безличных предложениях типа *It rains* и в предложениях описываемого типа. Основным аргументом в пользу того, что это вводящее местоимение, была возможность трансформации перемещения придаточной части в позицию подлежащего. Но трансформации такого рода, во-первых, не всегда грамматичны, во-вторых, влекут за собой изменение коммуникативного значения. Такие последствия могут быть объяснены тем, что местоимение *it* не выполняет в подобных случаях чисто замещающей функции, в результате чего имеющаяся глагольная форма не является полнозначным сказуемым и не может быть предицирована структуре с пропозициональной семантикой. В классических грамматиках была представлена и иная трактовка *it* в функции подлежащего сложноподчиненного предложения. Уже Х. Поутсма пользуется понятием формального грамматически подлежащего (sham-subject). Анализируя предложения исследуемого типа, он трактует их как обозначающие определенное действие или состояние без упоминания лица или явления, которому оно приписывается, т. е. местоимение *it* понимается как безличное /5/. Подобной точки зрения придерживались Р. Пенс, считавший, что в подобных случаях *it* не имеет сигнifikата в сознании говорящего и превращается просто в примету синтаксической конструкции по типу *It rains* /6/ и А. И. Смирницкий /7/. Т. е. в принципе допустимо трактовать элемент *it* в функции подлежащего в сложноподчиненном предложении как формальное грамматическое подлежащее, не имеющее сигнifikативного значения и референта, как псевдоподлежащее, никак не соотносящееся с элементами других уровней. Такое понимание сближает данный тип с функционально близкими *It seems that...*, *It is evident that...*, которые могут даже образовывать с ним цепочку однородных чле-

нов *It was well understood and clear...*, что было бы невозможно, если бы *it* в сочетании с пассивом обозначало объект, как того требуют правила грамматики.

Однако специфика рассматриваемого построения как раз и заключается в том, что глагол-сказуемое, следующий за формальным подлежащим стоит в пассиве, для которого позиция подлежащего, обозначающего объект действия, является исключительно важной. В настоящей работе за исходное принимается понимание залога как лексико-морфолого-синтаксической категории. В английском языке морфологические признаки являются наименее релевантными, так как будучи языком аналитическим, он обладает синтаксическими средствами упорядочения глагольного окружения и раскрытия категориального значения глагола. Тесная связь категории залога с синтаксисом предложения проявляется в том, что в отличие от других глагольных категорий (лицо, время) разные залоговые формы употребляются в предложениях разных конструкций. Т. е. глагольная форма сама по себе не может быть определена с залоговой точки зрения вне ее связи с другими элементами предложения /8/. Проанализируем с этой точки зрения предикат исследуемых структур и обратимся к главному критерию — синтаксической позиции предиката и его семантико-синтаксическим связям. По нормам английского языка позицию подлежащего при пассиве занимает слово, обозначающее объект воздействия. Но в нашем случае перед глагольной формой стоит безличное, семантически опустошенное *it*. По правилам семантической синтагматики в сочетающихся элементах должны быть дублирующиеся семы /9/. Это положение особенно актуально для релятивно связанных синтаксических позиций подлежащего и сказуемого. В данном случае этого нет. «Пустое» *it* не образует семантической цепочки с предикатом. Оно лишает предикат признака направленности на объект, тем самым снимает категориальное значение пассива и каузирует новое категориальное значение. Это же нереферентное *it* в номинативном плане, аннулируя объект воздействия, снимает референцию со всей главной части, так как референтная отнесенность осуществляется посредством подлежащего, а сказуемое осуществляет характеристизацию или предикатную номинацию не обладающую референтностью /2/. В этом случае от основного категориального значения пассива остается неизменная для этой формы импликация субъекта.

Если объект действия в данном случае элиминируется, значение действия устраниется, то импликация субъекта сохраняется и даже усиливается. Усиление происходит как за счет рассмотренных особенностей семантики структуры, так и в связи с семантикой глаголов. Все используемые глаголы содержат сему «антропонимичность». При этом в предикатную позицию не попадают глаголы физического действия (типичные для пассива), а только глаголы интеллектуальной деятельности, психического восприятия, отношения и речи. Именно сема «антропонимичность» при погашении

семы «действие» в семантике глаголов имплицирует связанную с областью человеческого мышления сему «оценочность» в значении предиката. В большинстве случаев субъект не конкретизируется, но он неизменно воспринимается как лицо, или точнее, как неопределенно-большая группа лиц — социум.

Итак, при модификации обоими компонентами их исходного значения главная часть типа *It is hoped (that)* теряет референцию, не может восприниматься как обозначающая событийность, субъектно-предикатные отношения денотата (диктум), и является предикатной номинацией, описывающей признак бытия, фрагмента действительности, отражаемого последующей пропозицией, т. е. приобретает роль модуса. Но наличие характеристики предполагает и ее носителя /10/. Наличие носителя, обозначенного в придаточной части и прогнозируется наличием местоимения *it* в составе главной. Оно блокирует основную валентность предиката на семантический объект. Но само наличие синтаксической позиции, наличие возможности валентности значимо. Оно способствует переориентации валентности предиката. Последний получает валентность на пропозицию, к которой и должен относиться признак *it* выражаемый. Таким образом предложения исследуемой структуры характеризуются двучастностью как на формально-синтаксическом, так и на семантическом уровнях, они членятся на модусную и диктумную части.

Понятие модуса значительно усложнилось в последнее время. Для целей данной статьи представляется достаточным понимание модуса как отражения того, что говорится о диктуме (кем, когда, кому, с каким намерением, при каких обстоятельствах) /11/. Коммуникативно-модусная и диктумная части нерасчленимы, так как выражение некоторого отношения предопределяется наличием объекта егозывающего. Без этого второго компонента модусный характер главной части предложения был бы невозможен. /становление характера модуса не представляет особой трудности. Признаковая природа предикатной номинации, осуществляемая в модусной части, уже самим фактом своей ориентированности на иднификат, понятийный план, предполагает оценочность. Оценочный характер модуса подтверждается и собственно языковыми семантическими категориями. Главенствующую роль играет имплицируемый формой пассива субъект. Поскольку глаголы содержат ему «антропонимичность», а действия как такового нет, то в силу оного, что любая мыслительная, психическая и речевая деятельность человека предполагает преломление действительности в его ознание и его отношение, проявляемое в ходе этого преломления, мы вправе говорить здесь о модусе оценочности.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Кацельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

/2/ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл.— М., 1976.

- /3/ Kruisinga E. A Handbook of Present-Day English. Groningen, 1931,
Part II/2.
/4/ G. Leech, J. Svartvik. A Communicative English Grammar.—
Л., 1983.
/5/ Poutsma H. Grammar of Late Modern English. 1929. Part I/1.
/6/ Pence R. W. A Grammar of Present-Day English.— N. Y. 1947.
/7/ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка.— М., 1958.
/8/ Сильницкий Г. Г. Глагольная валентность и залог.— В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.
/9/ Никитин М. В. Лексическое значение слова.— М., 1983. •
/10/ Есперсен О. Философия грамматики.— М., 1958.
/11/ Гак В. Г. О категории модуса предложения.— В сб.: Предложение
и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.

К. Ф. БАРАНОВ

ОТРАЖЕНИЕ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В АВТОРСКИХ РЕМАРКАХ (на материале современной английской драматургии)

Верbalное отражение паралингвистических средств в художественных произведениях занимает в последнее время все большее место в общем объеме лингвистических исследований (Г. В. Колшанский /1/, Н. И. Смирнова /2/, З. З. Чанышева /3/ и многие другие). Однако драматургические произведения в силу своей специфики очень мало служили материалом при анализе верbalных средств, использованных для отражения паралингвистических элементов. Специфика же драматургического произведения заключается в неоднородности текста, состоящего из реплик действующих лиц и авторских ремарок. Несмотря на эту неоднородность, оба вида текста тесно связаны между собой и создают единое целое.

При рассмотрении взаимосвязи этих двух компонентов текста драматургического произведения четко выявляется вспомогательная роль ремарки по отношению к реплике. Авторская ремарка представляет собой не только описание условий и особенностей словесной коммуникации /4/, но и средство выражения отношения автора к персонажам, событиям, происходящим в пьесе, т. е. своеобразный авторский комментарий, основной функцией которого является непосредственное управление восприятием читателя /5/. Кроме того ремарка предназначена и для режиссера и актеров при постановке данной пьесы на сцене.

Как особая коммуникативная единица, авторский комментарий имеет свои прагматические функции, либо разъясняя первоначальную информацию (заложенную в репликах персонажей), сообщая дополнительные сведения фактического или языкового характера, либо выражает все возможные типы положительной или отрицательной оценки.

Использование паралингвистических средств в авторских ремарках вызвано не какой-то недостаточностью языковой системы, ее структуры, а лишь обстоятельствами внешнего порядка, связанными с характером коммуникации, например, соблюдением определенного темпа диалога, акцентированием смысла высказывания и так далее. Для решения такого рода задач коммуникации во многих случаях более удобным, компактным и экономным оказывается использование паралингвистических средств. При этом соблюдается полная однозначность информации.

Мы принимаем во внимание три группы невербальных компонентов: 1) фонационные, 2) мимико-жестовые или пантомимические, 3) смешанные /6/, кроме того, особое внимание уделяется указаниям на паузу.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать отражение паралингвистических средств общения в авторских ремарках на материале современной английской драматургии, начиная с О. Уайлда и Б. Шоу и кончая пьесами таких драматургов как Дж. Осборн, Г. Пинтер, Д. Стори и других.

В драматургических произведениях авторские комментарии делятся на два вида, которые мы условно назовем общим и частным. Такое деление основывается на взаимоотношениях реплики и ремарки. Общий вид авторского комментария — это такое сочетание текстового (реплика) и внетекстового (ремарка) комментария, когда реплика дополняет, уточняет смысл ремарки и авторское отношение, выраженное в реплике, делает соответствующую ремарку однозначной, например: *to shrug one's shoulders*.

Частный же вид авторского комментария включает в себя только часть ремарки, которая служит для разъяснения смысла произносимой далее реплики и вызывает дополнительные ассоциации у читателя, способствуя при этом более точной интеллектуальной и эмоциональной оценке: *to shrug one's shoulders in indignation*.

В работе принято считать целесообразным проводить анализ авторских ремарок с нескольких точек зрения:

а) семантической (выявляя значение паралингвистического средства — эмоциональное состояние, ритуальное или этикетное действие, характер персонажа и так далее);

б) прагматической (имея в виду ситуацию и стилистический эффект);

в) синтаксической (определяя грамматические конструкции и их сочетаемость с другими компонентами).

Анализ авторских ремарок выявил очень тесную взаимосвязь семантического и прагматического аспектов отражения паралингвистических средств, поэтому рассматривать их необходимо в совокупности.

Синтаксический анализ показал разнообразные грамматические средства отражения паралингвистических элементов в авторских ремарках: предложные конструкции, причастия и причаст-

ные конструкции, наречия. Самую большую группу составляют авторские ремарки, выраженные наречиями. Эти наречия прямо не показывают, какое паралингвистическое средство скрывается за формой. Чаще всего это фонация — *slowly and musically* или смешанное средство — *furiously, hysterically*. Нередки эмфатические конструкции *very + adv.*, *quite + adv.*, *rather + adv.*, *coldly, almost sullenly*. С семантической точки зрения эти авторские комментарии несут самые различные смысловые нагрузки. Они могут описывать:

- настроение — *thoughtfully and sadly, meditatively*
- эмоциональное состояние — *furiously, emotionally*
- характер персонажа — *naively, innocently, obstinately*
- склад психики — *hysterically*
- характер, темп диалога — *slowly, calmly*.

Авторские комментарии, выраженные наречиями, встречаются в самых разных ситуациях и служат для дополнения, разъяснения информации, содержащейся в репликах. В ряде примеров отчетливо видно отношение автора к персонажу и это является основной функцией ремарки — адекватной интерпретации текста пьесы: *diplomatically; sententiously; handsomely*.

Встретился пример со сложной конструкцией, включающей сравнительную степень наречия. Здесь автор явно вкладывает иронический смысл в свой комментарий: (*a shade kindlier, if possible*).

Рассматривая отражение невербальных средств в авторских ремарках, мы столкнулись с проблемой многозначности паралингвизмов. Можно выделить ряд паралингвистических средств, семантика которых не зависит от ситуации. Они, как правило, воспринимаются читателем и авторами однозначно и служат лишь для дополнения речи персонажей: *to shrug one's shoulders, to nod one's head, etc.*

Большая же часть невербальных средств, особенно при наличии частного авторского комментария, получает разнообразную эмоциональную окрашенность, становясь при этом многозначным, т. е. одно и то же телодвижение, жест может выражать различное эмоциональное состояние, нести дополнительную информацию о характере персонажа. Паралингвизмы, как правило, многозначны и такой пример, как *falls on his knees* предполагает различные значения, которые это выражение несет — можно на коленях просить пощады у врага, можно упасть на колени перед любимой женщиной, эта поза может носить ритуальный, религиозный характер.

В тексте драматургического произведения нередки авторские ремарки, которые имеют форму предложной конструкции типа *with sudden desperate anger; in sudden despair*. При использовании такого вида авторских ремарок автор не дает четких паралингвистических границ, в пределах которых осуществляется выражение данных чувств, эмоциональных состояний. Ни для актера,

ни для читателя не ясно до конца, при помощи какого паралингвистического средства передается авторский замысел — только ли гневными (отчаянными) интонациями голоса, или подключается и мимика, жест, телодвижения и паралингвизм становится смешанным. Разные актеры наверняка по-разному сыграют тот или иной эпизод, и каждый читатель также индивидуально воспримет его при прочтении.

Следует отметить тот факт, что одно и то же эмоциональное состояние может быть выражено различными паралингвистически-выражающими отчаяние: *with a gesture of despair; buries her head in her hands; with something like a yell of despair*. Последний пример интересен еще и для рассмотрения в плане неоднозначности. То, что персонаж пришел в состояние отчаяния, ясно и актеру и читателю, налицо также и то, что паралингвизм выражен при помощи фонационного средства (*a yell of despair*), но вот как понять (и тем более изобразить) это *something like*.

В авторской ремарке встречается еще одно паралингвистическое средство — указание на паузу. Несмотря на отсутствие в течение какого-то времени реплик действующих лиц, коммуникация отнюдь не исключается, поскольку пауза, как правило, несет определенную смысловую нагрузку, подчеркивая, уточняя внутреннее состояние персонажа — его волнение, замешательство, растерянность, задумчивость и многое другое, тем более, что пауза может быть использована в сочетании с другими паралингвистическими средствами.

В синтаксическом смысле пауза может быть выражена как непосредственно при помощи слов (*slight, short*) *pause*; (*long*) *silence*, так и косвенным путем: *he thinks for a moment; No reply; He can't finish; slighter hesitation*, а также посредством тире, многоточия.

Говоря о паузе просто невозможно обойти вниманием пьесу Гарольда Пинтера «Былые времена». Статистическая выкладка показывает достаточно странную картину: десятку «обычных» паралингвизмов в авторских ремарках этой пьесы противостоит 117 случаев употребления паузы (*pause, silence*). Хотя в пьесах других драматургов случаи указания на паузу не так уж редки, такое доминирующее положение, какое занимает пауза в пьесе «Былые времена», позволяет нам говорить о паузе не в каждом отдельном случае (тем более, что их употребление иной раз кажется нелогичным), а о паузе как о стилистическом приеме.

Определенная нарочитость указания на паузу в данном случае определяет специфику творчества Пинтера. Возвращение в прошлое героев пьесы в каких-то неясных ощущениях, грезах — главный стержень пьесы, и хотя это прошлое у всех троих общее, тем не менее они не могут найти общий язык, говорят о чем-то своем, не слыша друг друга. И пауза помогает автору передать эту разобщенность.

Мы постарались показать в данной статье не только роль паралингвистических элементов в воплощении авторского замысла, но и то, как это реализуется в творчестве разных драматургов. Проблема неверbalного общения решается разными авторами по-разному и решение этой проблемы зависит от многих факторов — от стиля автора, цели, которую он ставит при написании пьесы, в отдельных случаях даже от биографических данных автора. Не до конца выяснен вопрос о вербализации одного из важнейших паралингвистических средств — паузы. Указание на паузу, по нашему мнению, заслуживает отдельного исследования, особенно в тех случаях, когда пауза описывается косвенным путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- /1/ Колшанский Г. В. Паралингвистика.— М., 1974.
- /2/ Смирнова Н. И. Невербальные аспекты коммуникации (на материале русского и английского языков). АКД.— М., 1973.
- /3/ Чанышева З. З. Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения.— Уфа, 1984.
- /4/ Василенко И. В. К вопросу о взаимодействии реплики и ремарки в тексте пьесы.— Вест. Киевского ун-та, роман.-герм. фил., Вып. 19, с. 30.
- /5/ Арнольд И. В., Дьяконова Н. Я. Авторский комментарий в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта».— Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1985, с. 395.
- /6/ Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации.— М., 1980, с. 74.

В. И. АДАНАКОВА

ЯВЛЕНИЯ ИМПЛИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПАРАЛИНГВИЗМАМИ

Теория импликации в рамках лингвистики и теории текста получает все большее освещение. При некоторых расхождениях в толковании частных признаков этого явления исследователи в целом единодушны в понимании его главного признака, который заключается в том, что импликация это скрытый, подразумеваемый, неявно выраженный смысл, но воспринимаемый читателем или слушающим благодаря эксплицитно выраженным смыслам. Такое понимание импликации составляет ядро ее исследования и служит отправной точкой при исследовании ее детализирующих характеристик. Проблемам имплицитности посвящено множество работ (Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Старикова, В. В. Богданов, В. Х. Багдасарян, В. А. Кухаренко, К. А. Долинин, А. А. Вейзе, Е. И. Шендельс, И. Р. Гальперин и другие).

Много внимания уделяется ограничению понятия импликации от смежных явлений: подтекста, эллипсиса, апозиопезиса и других

видов «сокращенных» и «редуцированных» смыслов, имеющих черты сходства с импликацией. Все очевидней становится тенденция к определению самостоятельного статуса импликации как языковой и текстовой категории, имеющей своей исходной точкой понимание импликации в логике. Наметилась тенденция различать два вида импликации: узкой, языковой, и экстраглавионистической, более широкой, но имеющей отношение к лингвистике текста, а также грамматической и логической.

При сравнительно подробной освещенности узкой, лингвистической импликации, реализующейся на грамматическом, лексическом и других уровнях языка, импликация как текстовая категория разработана менее подробно. Определению статуса импликации в системе текста, разграничению импликации от подтекста, пресуппозиции, эллипсиса и других видов подразумевания посвящены исследования И. В. Арнольд, послужившие стимулом для дальнейшего изучения текстовой импликации, методики обнаружения средств, маркирующих импликацию, и ее содержательной интерпретации (А. А. Масленникова 1985, З. Г. Бурдина 1983, С. Г. Краже 1986).

В настоящей статье будет сделана попытка проанализировать явления импликации, обусловленные верbalным отражением в художественном тексте паралингвизмов кинесического характера — жестов, мимики, телодвижений, использование которых функционально оправдано и коммуникативно релевантно. Определение текстовой импликации, предложенное И. В. Арнольд, в данной работе будет использоваться в качестве основы для интерпретации явлений импликации; обусловленных паралингвизмами. И. В. Арнольд определяет импликацию как «дополнительный подразумеваемый смысл (соответствующий консеквенту связки), вытекающий из соотношения соположенных единиц текста (соответствующих антecedенту), но им «вербально не выраженный» /1/, то есть вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов антecedента, ограниченного в тексте рамками эпизода, восстанавливавшегося вариативно, рематичного, выраженного связкой $A \rightarrow B$ (если A , то B).

Несмотря на кажущийся аграмматизм жестов и мимики, их биологическая примарность по отношению к естественному языку как средств общения обусловливает их активность и аналогичное лингвистическому знаку поведение в системе коммуникации /2/. Из этого положения следует, что коммуникативно релевантные жесты и мимика функционально и семантически эквивалентны вербальному высказыванию. Антecedент в эпизоде, следовательно, может складываться из совокупности двух семиотически неоднородных высказываний, вербального и невербального. При этом вербальная часть высказывания чаще отвечает на вопрос **что говорится**, невербальная — **как и почему** что-то говорится. Кроме того невербальная часть высказывания реже оказывается информативно избыточной по сравнению с его вербальной частью, то

есть отличается рематичностью. Консеквент связки вытекает из синтагматического соположения двух семиотически неоднородных высказываний — элементов антецедента — и соответствует объему имплицитного смысла.

Функциональная оправданность вербализации паралингвизмов в художественном тексте обусловлена тем, что они объясняют психологическую мотивированность высказываний, являются ключом к разгадке того, что происходит за рамками произносимых слов, а также средством психологизации изображения путем раскрытия душевных состояний персонажей. В процесс восприятия включается не только слуховая, но и зрительная, ассоциативно-психологическая активность читателя. Иными словами, мотивы, намерения и какие-то признаки лица репрезентируются через его действия, жесты и мимику, в то время как сам признак, мотив или намерение остаются эксплицитно не представленными. Перекодирование жестов, мимики в словесные знаки эквивалентно номинации эмоционального состояния, в результате чего средства номинации коррелируют с обозначаемыми объектами — эмоциями и чувствами говорящего, с внутренней реакцией, мыслительной подготовкой к высказыванию и обдумыванием дальнейшей стратегии поведения.

Попытаемся показать сказанное на конкретных примерах. В приводимом примере речь идет о несправедливости судьбы по отношению к трудолюбивому и к тем, кто ловко умеет пристраиваться в жизни.

George Ramsay **beat his clenched fist on the table**. «It's not fair, I tell you, it's not fair. Damn it, it's not fair».

I could not help it. I burst into a shout of laughter as I looked at George's **wrathful face**, I rolled in my chair... (W. S. M. p. 112).

Структуру антецедента составляют три элемента: жест, вербальная реплика и мимика — **beat his clenched fist**, **it's not fair**, **wrathful face**, говорящие об отчаянии и негодовании персонажа, о крайне отрицательной оценке своего положения. Вербальное высказывание как часть антецедента коммуникативно релевантно, благодаря конвергенции стилистических приемов: трехкратное повторение одной и той же реплики, образующее полный параллелизм, парентеза, обращенная к собеседнику, а также эмфатичный сигнал эмоции «**Damn it**». Паралингвистическое обрамление реплики дает информацию о граничной степени эмоционального накала. Смысловая спаянность элементов антецедента обусловливается семантической общностью лексических средств изображения: **beat**, **clench**, **fist**, **wrathful**, **not fair**, образующих тематическую сетку антецедента и их эксплицитность минимизируют объем импликаций. Импликация в данном случае основана на неадекватности реакции адресата, катающегося в припадке неукротимого смеха в ответ на негодящий, но бессильный протест адресанта против несправедливости своего положения. Связка «если А, то В» реализуется алогично, ожидание читателя обма-

нuto, так как вместо прогнозированного сочувствия адресата он слышит его смех. Кажущаяся неуместность такой реакции имплицирует то, что адресат не принимает всерьез и не верит гневу адресанта. В импликации также заключена эмоциональная и экспрессивная оценка происходящего адресатом, возможно и личности самого адресанта.

В следующем эпизоде изображено психологически противоречивое состояние героини, некогда связавшей себя обещанием предоставить при необходимости свободу своему возлюбленному, который значительно моложе ее. Изображенные жесты и мимика дают читателю возможность как бы заглянуть в ее душевное состояние и знать вместе с ней, что такой момент наступил, в то время как адресанту это неведомо.

«And are you going to keep a promise, that he hasn't asked you to keep?»

She **gave a little flutter of those long thin hands of hers** and now I felt that there was something ominous in that dark glitter of that emerald.

«Oh, I must, you know. One must behave like a gentleman... The nuisance is that I'm just as much in love with him now as I was then.» ...I could see that she **clenched her teeth**.

«Well I suppose I ought to go. Peter hates one to keep him waiting». She **gave me a sort of little helpless look** and it struck me that she simply could not bring herself to rise from her chair. But she **smiled and with an abrupt gesture sprang to her feet**. (W. S. M. p. 444).

Элементы, составляющие антецедент, расположены дистанционно и семиотически и семантически неоднородны. Антецедент состоит из поочередно следующих жестов и вербальных высказываний героини: *gave a little flutter of ... hands*, затем следует высказывание, далее мимика *clenched her teeth*, высказывание, мимика *gave a sort of little helpless look*, мимика *smiled*, жест, уточненный и оцененный наблюдающим за ней собеседником *with an abrupt gesture sprang to her feet*. Внимание привлекает смысловое противоречие между вербальным высказыванием, окрашенным яркой модальностью облигаторности *I must ... One must*, и кажущимся двусмысленным сожалением героини о том, что она по-прежнему любит своего избранника. Жесты и мимика ее также отмечены противоречивостью: с одной стороны в них непроизвольная слабость, беспомощность, а с другой — почти воинственная решительность, усилие воли и произвольность. Из контрастирующих вербальных и невербальных признаков поведения героини, составляющих антецедент в эпизоде, из их синтагматической соположенности вытекает следствие, то есть консеквент, имплицирующий внутреннюю борьбу героини, ее гордую, но болезненную решимость сдержать обещание — дать свободу любимому человеку. Наблюдается смысловая аналогия и параллелизм между лингвистическими и паралингвистическими маркерами вынужденности героини

к действию. Контрастная маркировка смыслов на разных семиотических уровнях способствует увеличению объема импликации. Объем импликации при этом соответствует ассоциативному полю или окружению коммуникативно релевантных жестов, их релятивной выразительности.

Особо показательным в плане увеличения и усложнения объема импликации является антецедент, элементы которого не только неоднородны по составу, но и диссонируют по смыслу. Например, категоричное отрицание и столь же категоричное условие, выраженное вербальной репликой, может сопровождаться неожиданно положительно по эмоциональной окрашенности мимикой:

«*Not a penny if she marries without my consent!*» The countess **gave her one of her brightest smiles.** (W. S. M. p. 361). «Хорошая мина при плохой игре» оставляет адресата в состоянии обескураженности, а совокупный смысл вербального и невербального элементов антецедента имплицирует нетождественность социальных статусов, прежде всего имущественных.

Яркая стилистическая окрашенность, образность, аллюзивность вербализации жестов может не только усложнять их зрительную конфигурацию, но также имплицируемые ими смыслы. В приводимом примере речь идет о докторе, некогда уехавшем в Испанию в поисках счастья. Несмотря на то, что жена, которой Испания не пришлась по душе, впоследствии покинула его, он далек от сожалению об этом.

«*Surely you were married?*» I said. «*Yes, My wife didn't like Spain...*»

«*Oh, I'm sorry for that!*» His black eyes flashed a bacchanalian smile. He really had somewhat the look of a young Silenus. «*Life is full of compensations*», he murmured. (W. S. M. p. 352—353).

Конвергенция стилистических приемов включает в себя транспонирование признаков мифологических образов Вакха (в древнеримской и греческой мифологии бог вина и веселья) и Силена (божество, которое в свите Диониса иногда изображалось подвыпившим, лысым, добродушным старцем...) на изображение жестомимического облика персонажа, намекая, по-видимому, на его смиренно-веселую оценку своей жизни.

В заключение этого краткого анализа можно сказать, что паралингвизмы являются важным средством психологизации изображения, создания модально-прагматических импликаций. Доминирующими являются субъективно-оценочные импликации, что обусловливается эмоциональной основой паралингвизмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения.— Вопросы языкоznания, 1982, № 4, с. 84.

/2/ Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

W. S. M.— W. S. Maugham. Collected Short Stories. Vol. I, Pan Books, 1980.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Т. Левандовский (1975, 415) в своем лингвистическом словаре дает следующее определение метакоммуникации: «Метакоммуникация. Разговор или коммуникация об отдельных выражениях, высказываниях, речевых актах, коммуникации. В метакоммуникации практическая общественная коммуникация сама становится предметом обсуждения». Метакоммуникация включает в себя не только научную коммуникацию о языке и речевых актах, решающее значение для метакоммуникации играет тот факт, что она является неотъемлемой составной частью повседневной коммуникации. Представляется интересным рассмотрение проблем метакоммуникации с точки зрения принципов и максим прагматики. Известно, что всякое социальное поведение регламентируется правилами. Не составляет исключения и речевая деятельность. Нормы речевого поведения относятся к сфере молчаливых соглашений между коммуникативно обязанными членами общества. Само существование этих негласных правил становится заметно тогда, когда они нарушаются.

Более развернутый и систематический опыт формулирования правил (постулатов, максим, принципов) коммуникации принадлежит П. Грайсу (1975). Основной принцип, названный Грайсом «принцип сотрудничества», заключается в требовании делать вклад в речевое общение соответствующим принятой цели и направлению разговора. Этому принципу подчинены четыре рода максим: 1) максима полноты информации, 2) максима качества, 3) максима релевантности, 4) максима манеры.

Не менее важным принципом, регулирующим отношения между «я» и «другими», является принцип вежливости (Дж. Лич, 1983). Этот принцип требует удовлетворения следующих максим: 1) максими такта, 2) максими великодушия, 3) максими одобрения, 4) максими скромности, 5) максими согласия, 6) максими симпатии. Дж. Лич (1983, 104) характеризует разные виды и степень вежливости в зависимости от различных ситуаций. Так, например, для импозитивов, в которых иллокуттивная цель конкурирует с социальной целью установления и сохранения вежливости, характерна отрицательная вежливость. Импозитивам по природе не свойственна вежливость, так как это насижение воли извне, заставляющее собеседника выполнять действие вопреки его желанию. В случае же их использования для достижения цели разговора и во избежание конфликта, как считает Дж. Лич, на помощь приходит максима такта. Такт нацелен на смягчение эффекта импозитива.

Подобного же мнения о задачах отрицательной вежливости придерживаются П. Браун и С. Левинсон (1978). Они тоже подчёркивают, что основной функцией отрицательной вежливости является минимизация силы импозитивов. Как отмечают данные исследователи, в культуре англичан отрицательная вежливость — наиболее тщательно разработанная и конвенционализованная область лингвистических стратегий. Для иллоктивных актов, цель которых совпадает с социальной, характерна положительная вежливость. Для увеличения положительной вежливости Дж. Лич предлагает императивы, так как в случае их использования косвенность высказывания будет иметь противоположное действие. Если действие выгодно для слушающего, императивом говорящий ограничивает возможность слушающего отказаться. Цель отрицательной вежливости состоит в завуалировании и смягчении конкурирующей с социальной иллоктивной цели импозитивов. В своем пропозициональном содержании импозитивы относятся к некоторому действию, которое должно быть совершено соответственно говорящим или слушающим. Отрицательная вежливость — суть уважительного поведения, обусловленного желанием сохранить автономию личности от всяких посягательств извне. Лингвистической реализацией отрицательной вежливости является конвекциональная косвенность. При одном и том же пропозициональном содержании степень вежливости увеличивается прямо пропорционально степени косвенности высказывания. Косвенные иллокции вежливы, потому, что они увеличивают степень выбора, а чем больше степень косвенности высказывания, тем меньше и неопределеннее становится сила иллокции. Стратегия косвенных импозитивов заключается в увеличении отрицательной вежливости, что способствует, если не избежанию усилий слушающего, то, по крайней мере, затмению таких интенций и избежанию возможных конфликтов.

Отрицательная вежливость ориентирована в основном на частичное удовлетворение «негативного лица» слушающего, его главного желания сохранить требования территориальности и самоопределения. Реализацией стратегии отрицательной вежливости является признание и уважение собеседниками требования «негативного лица» друг друга, поэтому все действия, угрожающие каким-либо образом территориальной целостности личности, подаются с извинением за вмешательство, нарушение границ. Лингвистической манифестацией вежливости в таком случае будет увеличение косвенности импозитивных иллокций, использование обезличивающего механизма, например, пассива и т. д.

Положительная вежливость ориентирована на «позитивное лицо» слушающего. Реализация стратегии положительной вежливости означает, что говорящий понимает слушающего, ему близки помыслы собеседника, и он принимает собеседника как себе равного. Импликация в данном случае такая, что адресат нра-

вится говорящему, и всякое действие, потенциально угрожающее «лицу» собеседника, не означает отрицательной оценки «лица» слушающего.

Исходя из этих положений, представляется важным рассмотрение роли метакоммуникации в регуляции коммуникативной деятельности, в частности, аспекта активизации речевой деятельности собеседника.

Метакоммуникация играет важную координирующую роль в речевом общении, направляя, активизируя или, наоборот, притормаживая деятельность коммуникантов. Ведя беседу, говорящие обмениваются сообщениями и связаны поэтому, прежде всего, по содержательной линии. Эта информативная сторона и составляет суть коммуникативного акта. Параллельно с этим оказывается важным и другое — комментарий речевой деятельности собеседника и, при общности установок коммуникантов, поощрение собеседника к дальнейшей коммуникативной деятельности.

В соответствии с требованиями принципа вежливости, в частности, в соответствии с требованием максимы одобрения (Дж. Лич, 1983) собеседники положительно отзываются о коммуникативной деятельности друг друга. Это обусловлено стратегией положительной вежливости. Метакоммуникативные высказывания по поводу речевых умений и способностей собеседника в таких случаях способствуют возвышению «положительного лица» собеседника и соответственно — дальнейшему успешному ходу речевого общения. Лингвистической реализацией положительной вежливости являются чаще всего экспрессивные и асертивные иллокутивные акты:

/1/ Lulu: **You're a marvellous speaker, Nat, you know that?**
Where did you learn to speak like that?

Goldberg: You liked it, eh?

Lulu: Oh, yes. (H. Pinter)

/2/ Marshall: **You have a turn for neat phrases.** (L. Hellman)

Метакоммуникативные высказывания такого типа, реализующие положительную вежливость, вкрапленные в разговор, способствуют созданию доброжелательной атмосферы, непринужденности. Они поощряют собеседника к дальнейшей коммуникативной деятельности и таким образом к скорейшему достижению коммуникативных целей. Успех обмена информацией участников интеракции зависит не в последнюю очередь от правильности выбора языковых средств, от того, насколько используемый код соответствует условиям общения, насколько точно он передает намерение и мысли говорящего, насколько верно он рассчитан на полное и нужное понимание слушающим. Собеседники очень живо реагируют на точность и сообразность выбранных слов, синтаксических конструкций, стилистических приемов, звукового и жестового оформления речи. Удачные обороты речи привлекают внимание собеседника и эксплицируются с целью побуждения коммуниканта оставаться в активной роли.

/3/ David: Why? It creates an impression of industry and deduction.

Lois: It makes a grungy impression.

David: **What a beautiful word!**

Lois: You know, I really can't believe I'm finally going to meet him. (P. Shaffer)

Целью данного экспрессивного метакоммуникативного высказывания (МКВ) является одновременное выражение одобрения содержания высказывания и используемого кода.

На первый взгляд МКВ такого рода кажутся нарушением связности речевого общения, поскольку они не удовлетворяют сиюминутному коммуникативному запросу собеседника, они кажутся некоторым нарушением общей программы речевого контакта. Но метакоммуникация является важной частью речевого общения, поскольку она осуществляет связность диалога в более широком смысле. В данном случае иллокутивной целью экспрессивного МКВ является моральная поддержка собеседника. Важность этой функции метакоммуникации возрастает в связи с тем фактом, что передача информации часто не имеет самодовлеющего значения, поскольку сам этот процесс предполагает каждый раз определенное воздействие на общающихся.

Наряду с этим следует отметить, что не все в используемом коде одобряет собеседника. Но для сохранения речевого контакта говорящий не эксплицирует свое неодобрение, он прибегает к более тонкому способу выражения своего отношения: под внешне положительной формой оценки речевых умений и способностей собеседника кроется как раз не очень лестный для него отзыв. Ироническая форма оценки показывает снятие критичности и обидности. В ней заложено некоторое лицемерие, внешне такая форма навязчива и притворно мягка, на самом деле язвительна. В таком «маскировочном» свойстве иронической оценки коммуникативной деятельности собеседника можно все же усматривать желание уменьшить степень грубости и категоричности. Дж. Лич (1983, 142) отмечает, что коммуникативная деятельность такого рода обусловлена действием принципа иронии. Принцип иронии — принцип второго порядка, который дает возможность говорящему быть невежливым, сохраняя внешне все приличия. Задача сохранения вежливости и, соответственно, речевого контакта достигается за счет эксплуатации максим принципа речевого сотрудничества.

/4/ Ellicott: Where is Julia?

Cara: I don't know. I don't spy on Julia.

Ellicott: **You've such a pleasant way of saying things.**
(L. Hellman)

Исходя из презумпции о том, что собеседники придерживаются принципа сотрудничества, можно подчеркнуть, что в данном примере разговорная импликатура выводится за счет эксплуатации максими качества, ибо следование требованию максими

качества в данном случае привело бы к конфликтной ситуации. Заведомо нарушая максиму качества, говорящий выполняет социальную задачу сохранения вежливости. Дж. Лич (1983, 144) объясняет действие принципа иронии следующим образом; если нарушается принцип вежливости, то он, скорее всего, нарушается обеими сторонами, прямое обвинение ведет к обвинению, угроза — к контругрозе и т. д. Но поскольку ирония служит неискреннему излиянию принципа вежливости, то не так-то и легко нарушить требования принципа вежливости в ответ на нее. Таким образом действие принципа иронии уводит агрессию в горы конфликта.

/5/ Louise: ... My father was equally irresponsible: far too imaginative to make a good solicitor. And when he actually inherited a little money, he lost it all in speculation. «Spec-u-lation». Do you understand, dear?

Walter: Oh, yes.

Louise: **Your vocabulary's really amazing.** (P. Shaffer)

В данном примере за счет эксплуатации максимы качества достигается разговорная импликатура: говорящий неискренен, в таком случае надо понимать так, что он не высокого мнения о словарном запасе собеседника. Через оценку вокабуляра собеседник косвенно порицает и содержание высказывания; в данном случае от адресата ожидалась более пространная речь, поддержка или запрос большей информации.

Из выше сказанного следует, что, производя показное впечатление некоторой мягкости и предупредительности, метакоммуникация выполняет свою корrigирующую функцию и способствует таким образом продолжению речевого общения.

Поощрением собеседника служат и метакоммуникативные реплики, обнаруживающие внимание и заинтересованность темой речевого контакта.

/6/ Harris: ... Do sound too much like a lawyer?

Luke: I'm still with you. Go on. (H. Robbins)

МКВ сигнализирует о внимании собеседника, коммуникация была бы значительно затруднена без таких важных сигналов со стороны адресата. С их помощью слушающий гарантирует актуальному говорящему свое внимание:

/7/ Chris: ... Everybody has a sense of reality of some kind or other, some kind of sense of things being real or not real in his, his particular world...

Mrs. Goforth: I know what you mean. Go on.

Chris: I've lost in lately, this sense of reality in my particular world... We don't all live in the same world, you know, Mrs. Goforth...

Mrs. Goforth: Go on. I'm still with you... (T. Williams)

Данный пример ярко иллюстрирует, как «разговорный» монолог прерывается метакоммуникативными репликами, которые важны для собеседника с точки зрения психологической, они есть тот

стимул, который позволяет говорящему судить о заинтересованном внимании слушающего и побуждает его тем самым к развертыванию своего высказывания. С другой стороны, наличие таких МКВ нельзя объяснить только как «пособное средство» для говорящего. Коммуникант произносит их не только в угоду говорящему, сколько исходя из собственной внутренней потребности. Как известно, восприятие речевого сообщения происходит «порционно», частями. При этом прием информации у слушателя связан с внутренним проговариванием услышанного (сказанного). МКВ выше указанного типа и являются зачастую эксплицитным выражением понимания слушающим определенной информации плюс целенаправленного внимания на дальнейшее восприятие текста.

Средством активизации речевой деятельности собеседника может быть положительная оценка содержания высказывания, что тоже обращено к «положительному лицу» собеседника.

/8/ Belle: You shouldn't be so generous, Dearie. Lets him in bad habits. A dime would have been plenty.

Richard: Ah, that's all right. I'm no tightward.

Belle: **That's the talk I like to hear.** (E. O'Neill)

МКВ такого типа имплицируют урегулирование разногласий по содержанию речевого общения. Положительные «содержательные» МКВ также способствуют созданию благоприятного психологического климата.

Этой же цели служит эксплицитная минимизация ценности собственной речевой деятельности. Этикетно приемлемо расточать похвалы собеседнику, плохо — выискивать в нем недостатки, даже если они действительно имеются. Если о слушающем говорится только положительное, то говорящий, говоря о себе, чаще подчеркивает негативность, чем позитивность в своем собственном облике. Дж. Лич (1983; 136) сформулировал требование максимы скромности в речевом общении следующим образом: «Своди к минимуму похвалу себе». В соответствии с данным правилом коммуникант с помощью соответствующих метакоммуникативных высказываний критически оценивает свое собственное речевое поведение и эксплицитно уменьшает ценность собственного вклада в коммуникацию. Это закономерно, ибо в противном случае может нарушиться само речевое общение. Минимизируя свои речевые способности, говорящий имплицирует высокую оценку деятельности собеседника, что, в свою очередь, содействует успеху коммуникации.

/9/ Flora: I'm not much good at-makin'conversation. (T. Williams)

/10/ Clive: I always seem to be talking about things that don't matter. (P. Shaffer)

/11/ Geoffrey: I have been rather monopolizing the conversation. (J. Osborne)

Эти МКВ указывают на критическое отношение говорящего к

самому себе, своему участию в речевом общении и, соответственно, имплицируют весомость высказываний другой стороны.

Следующий разряд МКВ, реализующих требование максимы скромности, указывает на количественное соотношение высказываний. Эта группа содержит МКВ такого плана:

I was just going to say...

All I was (am) saying...

All I intended to say was that...

All I was going to say was...

What I'm trying to say is...

I just wanted to ask you if...

Они указывают на то, что внимание адресата будет задержано ненадолго, т. е. на временной параметр высказывания.

Следует отметить еще одну особенность МКВ, они включены в состав другого, чаще всего, информативного высказывания. Такие включенные МКВ занимают начальную позицию в высказывании. Они также подчинены социальной задаче установления и сохранения вежливости.

Таким образом, рассмотренный аспект действия метакоммуникации позволяет сделать вывод о важности метакоммуникации в повседневном общении. Координируя коммуникативную деятельность, в данном случае активизируя деятельность коммуникантов, она выполняет свою главную задачу — способствовать удаче речевого общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Девкин В. Д. Диалог, Немецкая разговорная речь.— М., 1981.

/2/ Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.— М.; 1985.

/3/ Brown P. and Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena.— In: Questions and Politeness. Strategies in social interaction. Ed. by E. Goody.— Cambridge, etc., CUP, 1978.

/4/ Grice P. Logic and conversation.— In: Syntax and semantics, v. 3, ed. by P. Cole and J. Morgan.— N. Y., Academic Press, 1975.

/5/ Leech G. Principles of pragmatics. London — N. Y., Longman, 1983.

/6/ Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch, 2. Quelle and Meyer.— Heidelberg, 1975.

/7/ Meyer-Hermann R. Metakommunikation (Kleines Lexikon der Linguistik).— In: Linguistik und Didaktik. München, Bayerischer Schulbuch — Verlag, 1976, N. 25.

Л. Б. КОКАНИНА

СТРУКТУРНОЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В СОСТАВЕ ГЕРМАНОШВЕЙЦАРСКОГО ТЕКСТА

Национальное своеобразие немецкого языка Швейцарии, обусловленное особенностями его социально-функциональной струк-

туры и уникальным характером взаимодействия и взаимопроникновения литературного языка и швейцарского (алеманнско-го) диалекта, в значительной степени определяет фразеологические особенности швейцарского варианта. Швейцарский фразеологический инвентарь представляет собой системное образование, на периферии которого находятся так называемые устойчивые словесные комплексы нефразеологического типа (термин И. И. Чернышевой). Фразеологические гельвецизмы и специфически швейцарские устойчивые сочетания отражают исторический опыт германошвейцарского языкового коллектива, самобытность его культуры и особенности психологического склада народа, а также условия языкового развития данного социума.

Наличие национально отмеченных устойчивых образований, выполняющих функцию номинации и характеризующихся единичным сцеплением компонентов и отсутствием семантической трансформации, т. е. так называемых лексических единств, определяется прежде всего действием экстраглавиистических факторов, т. е. потребностью номинации определенных, присущих лишь Швейцарии, реалий. Лингвист из ФРГ Ш. Кайзер говорит в этой связи о ставших традиционными словосочетаниях, «существование которых определяет географическими, историческими, транспортно-техническими, фольклорными и институционально-политическими условиями страны» (1, с. 21).

В зависимости от этих условий и номинативной функции лексические единства, имеющие характер топонимов, имен собственных или составных терминов и придающие германошвейцарскому тексту черты национального своеобразия, можно объединить в следующие группы:

1) Лексические единства, обусловленные географическими и административными особенностями страны.

Членение швейцарских областей на полукантоны привело, например, к употреблению таких устойчивых словосочетаний, как *Inneres Land*, которое обозначает часть кантона Appenzell (без округа *Oberegg*), и *beider Basel*, встречающееся в текстах политico-административного характера: *Abgeordnete*, *Verfassungsrat usw. beider Basel* (1, с. 21).

Многие географические названия обнаруживают структуру устойчивых словесных комплексов, т. е. являются составными раздельно-оформленными образованиями, например: *Schweizer Jura*; *Genfer See*; *Schweizer Alpen*; *Berner Oberland*.

При обозначении городов и кантонов часто используются устойчивые описательные конструкции (перифразы), в основе которых лежат географические и природные особенности этих мест, например: *Sonnenterasse der Schweiz* (Tessin); *die Stadt im grünen Ring* (St. Gallen).

2) Лексические единства, служащие для номинации определенных исторических событий.

Наименование *Lange Tagsitzung* получило состоявшееся в Цюрихе заседание представителей кантонов, которое продлилось с 6 апреля 1814 г. по 31 августа 1815 г. Характерно, что существительное *Tagsitzung* также имеет историческую закрепленность и употребляется преимущественно для обозначения кантональных собраний в период до 1848 г.

3) Устойчивые образования для обозначения реалий, связанных с общественной жизнью и бытом германошвейцарцев.

а) Из области образования: *Eidgenössische Matura* (*die Matura* = *das Matur*); *Eidgenössische Maturität*, *Kantonale Maturität* (*die Maturität* = *Hochschulreife*); *Höhere Töchterschule* (*Tochter* = *Mädchen*, *Fräulein*);

б) Из области юриспруденции: *kriminelles Schwurgericht* (ср. франц. *jurisdiction criminelle* = 'Strafgerichtsbarkeit'); *eidgenössische Geschworene*; *endgültige Rechtsöffnung*; *provisorische Rechtsöffnung* (*Rechtsöffnung* = 'richtliche Beseitigung des Rechtsvorschlags');

в) Из политico-административной области:

— названия политических партий и фракций: *Partei der Arbeit der Schweiz*; *Freisinnig-demokratische Partei der Schweiz*; *Radikal-Demokratische Fraktion*;

— лексические единства, отражающие швейцарскую парламентскую систему: *Vereinigte Bundesversammlung*, т. е. совместное заседание двух палат: Национального совета (*Nationalrat*) и Совета кантонов (*Ständerat*); *der Große Rat* — швейцарское обозначение кантонального парламента; *der Kleine Rat* — правительство кантона Граубюнден. Ср.: «Was man ändern muß, das sollen sie in Bern oben wissen und **der Große Rat**, die sollten das wissen, was sie zu tun haben». (5, с. 151).

В выражениях, связанных с политico-административными отношениями в Швейцарии, наиболее продуктивным является использование существительного *der Eidgenosse* ('Schweizer (Bürger)') и его производных, например: *eidgenössische Räte*; *eidgenössischer Stand* (*Stand* = *einzelnes (selbständiges) Bundesglied der Eidgenossenschaft*); *Eidgenössisches Finanz- und Zolldepartements* и др.

Значительно более сильное влияние французского языка, в сравнении с собственно немецким стандартом, проявляется, например, в широком употреблении существительного *das Departement* ('Verwaltungsinstanz in der Schweiz, Ministerium') в устойчивых сочетаниях типа *politisches Departement* ('Außenministerium'); *Departement des Innern* и др., а также других слов иностранного происхождения в выражениях, например, из области выборной системы. *Eventuelle Abstimmung* (eventuell, lat.-franz. = möglicherweise eintretend) обозначает предварительное голосование, являющееся промежуточным этапом к так называемому заключительному голосованию — *definitive Abstimmung* (definitiv, lat. = endgültig, entscheidend, abschließend).

Латинское происхождение обнаруживает существительное das Referendum ('Unterstellung eines staatlichen Erlasses unter den Volksentscheid') (ср. лат. *referre* rem; *ad referendum* и т. д.). В швейцарском федеральном законодательстве для решения конституционных вопросов учреждается так называемый *obligatorisches Referendum*, а для обсуждения вопросов законодательства — *fakultatives Referendum*.

Свообразие системы управления в некоторых швейцарских кантонах отражают такие понятия, как *der regierende* и *der stillstehende Landammann*. Существительное *der Landammann* соответствует немецкому наименованию *Regierungspräsident* и обозначает в кантонах Ури, Швиц, Золотурн, Цуг, Санкт-Галлен, Ааргау руководителя кантонального правительства. А в кантоне Аппенцель обязанности главы правительства поочередно исполняют два сменяющих друг друга через год должностных лица, чем и объясняются приведенные выше выражения.

Особенность лексических единств, как общенемецких, так и швейцарских отмеченных, связанная с их основной функцией — выражением чистой номинации, отражается в частом использовании аббревиации, т. е. в их переходе в разряд лексических единиц — аббревиатур (ср. 2, с. 63). Наглядным примером этого явления может служить группа лексических единств, обозначающих различные швейцарские учреждения, объединения и организации: CH — *Confoederatio Helvetica* (*Schweizerische Eidgenossenschaft*); PTT — *Post, Telephon- und Telegraphenverwaltung in der Schweiz*; Biga — *Bundesamt für Industrie, Gewerbe und Arbeit*; SBB — *Schweizerische Bundesbahnen*. В последнем случае примечательно характерное для швейцарского варианта использование существительного *Bundesbahnen* в форме *pluralia tantum*, а также производные от этой аббревиатуры обозначения *SBB-Beamter* и *SBB-Bähnler*.

г) Лексические единства, служащие для номинации праздничных дней и народных праздников.

Швейцарским национальным праздником является *eindgenössischer Betttag*, который отмечается в третье воскресенье сентября.

Ряд устойчивых сочетаний связан с религиозными праздниками, например, четверг перед седьмым воскресеньем накануне поста (*Estomihī*), который сопровождается изобильной пищей перед приближающимся постом, имеет в Швейцарии названия *Schmutziger Donnerstag* (*Schmutz*, alem.= *Fett*), *Fetter Donnerstag* и *Feißer Donnerstag* (*feiß*, alem.= *fett*, *feist*).

На сороковой день после пасхи отмечается так называемый *Christi Auffahrtsfest* (*Auffahrtstag*), в наименовании которого вместо общенемецкого *Himmelfahrt* используется существительное *Auffahrt* в специфически южнонемецком и швейцарском осмыслинии и употреблении.

К католическим праздникам относится, например, *Heilige Jahrzeit*, т. е. празднование годовщины смерти, сопровождающееся дароприношением (*Meßopfer zum Andenken Gestorbener*), в названии которого проявляется необычная для немецкого стандарта семантическая интерпретация композита *Jahrzeit* в значении 'годовщина'.

Состоящее из общемицких компонентов сложное существительное, неизвестное в собственно немецком узусе, входит в состав наименования другого католического праздника *kleiner Herrgottstag* (*Oktavtag von Fronleichnem*).

Приход весны широко отмечается в Цюрихе проведением народных цеховых празднеств (*Zünftgebräuche*), получивших обобщающее название *Zürcher Sechseläuten*, которое объясняется тем, что раньше с наступлением более продолжительных дней колокол созывал на утреннюю молитву в шесть часов утра вместо пяти (3, с. 305).

Обычай, именуемый *der Morgenstreich*, открывает в Розовый понедельник (*Rosenmontag*) в 4 часа утра знаменитый праздник *Basler (Straßen)fasnacht*. Ср.: «*Transparente waren vor allem bei Fackelzügen beliebt und sind es noch als die liebevoll gestalteten Laternen **der Basler Fasnacht***». (4, с. 141).

4) Устойчивые словосочетания, имеющие характер расчлененной номинации обиходных явлений.

Большинство выявленных лексических единств данного типа связано с кулинарией и питанием и употребляется в повседневном общении, т. е. носит обиходно-терминологический характер, например, названия выпечных изделий: *Basler Leckerli* (*Leckerli = kleine Lebkuchen, Art kleiner Pfefferkuchen*); *Willisauer Ringli* (*Kleingebäck*).

Содержащий небольшое количество кофеина напиток получил в Швейцарии наименование *Kaffee Zaun* или *Kaffee Hag* (*Hag = 'Einfriedigung aus Hecken oder Pfählen usw.'*), а словосочетание *Cafe complet* имеет переносное обобщающее значение '*Frühstück*'.

В некоторых лексических единствах данной разновидности используются формы причастия, например, в хорошо известном не только в Швейцарии, но и в Австрии и в других южнонемецких областях выражении *gestockte Milch* ('*dicke, saure Milch*'), в основе которого лежит употребление глагола *stocken* вместо *gerinnen*.

Причастие II входит в состав таких швейцарски отмеченных устойчивых сочетаний, как *gebrannte Wässer* ('*Schnäpse*') и *der «Kaffee verkehrt»*, т. е. кофе с обильным добавлением молока.

Полностью неассимилированным заимствованием из французского языка является лексическое единство из транспортной сферы *cag alpin*, которое служит для обозначения общественных автобусов, использующихся при поездках в горы. Употребление такого выражения германошвейцарцами определяется свое-

образием немецкого языка в условиях швейцарского языкового союза.

Таким образом, широкое внедрение в тексты различного характера специфически швейцарских устойчивых словосочетаний нефразеологического типа, особенно класса лексических единств, обусловлено прежде всего потребностями номинации, так как они наиболее тесно связаны со своеобразием географических, культурно-исторических, политических и бытовых условий страны. Лингвистической основой образования таких устойчивых конструкций служат общенемецкие лексические единицы, в некоторых случаях обнаруживающие семантические расхождения с немецким стандартом, а также значительное число заимствованных слов и лексических гельвецизмов, что находит отражение в структурных особенностях рассмотренных единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

/1/ Kaiser S. Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in der Schweiz. Bd. 11. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag: Wortbildung und Satzbildung. 1969.

/2/ Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка.—М.; 1970.

/3/ Falk A. Besonderheiten des deutschen Wortschatzes in der Schweiz.—Muttersprache, 1965, N. 10, S. 289—306.

/4/ Weiss R. Volkskunde der Schweiz. Grundriß.—Erlenbach; Zürich: Eugen Rentsch Verlag, 1946.

/5/ Schneider H. Die Schlummermutter.—In: Schweiz heute. Ein Lesebuch. 2. Auflage.—Berlin, 1977, S. 125—159.

Л. Б. КОКАНИНА

СПЕЦИФИЧЕСКИ ШВЕЙЦАРСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

В соответствии с классификацией, принятой в советской германистике для немецких устойчивых словесных комплексов нефразеологического типа, устойчивые аналитические глагольные сочетания относятся к особому виду так называемых модифицированных образований (наряду с типовыми грамматико-стилистическими конструкциями) /1/.

Односторонне (швейцарски) отмеченные устойчивые аналитические конструкции характеризуются высокой частотностью употребления в германошвейцарских текстах, что позволяет рассматривать их как признаки, определяющие, наряду с другими средствами, национальную специфику этих текстов. В результате

анализа различных по типу текстов, носящих отпечаток швейцарского своеобразия, были выявлены следующие группы аналитических конструкций, т. е. сочетаний, абстрактного отглагольного существительного, несущего основную семантическую нагрузку, с ослабленным по значению до роли вспомогательного глаголом /2/:

1) сочетание глагола с препозициональной группой: например, *in **Ungelegenheit** kommen*. Cp.: *Ich frage sie, ob ich einmal in der Rheinmühle an ihr Fenster klopfen dürfte...* «*Wenn Sie bei den Dorfburschen nicht **in **Ungelegenheit** kommen**, versetze sie zaghaf...* /3/. (Cp. нем. *in **Verlegenheit** kommen*)

Причиной появления и употребления локально детерминированного выражения *zum Vorschein hervorkommen* является, по мнению швейцарских лингвистов, действие процесса контаминации в результате интерферирующего влияния алеманнского диалекта: *zum Vorschein kommen + schweizdt. isch vüre choo* /4/. Cp. также *Kinder auf die Welt stellen* — результат контаминации общенемецкого выражения *Kinder in die Welt setzen* и диалектного *Chind uf d' Welt stellen*.

К политico-административной сфере относятся национально ориентированные устойчивые словосочетания *zur Abstimmung kommen* ('dem Volk zur Abstimmung vorgelegt werden'): *jmdn. (ein Ratsmitglied u. a.) in Pflicht nehmen* ('vereidigen'); *an die Öffentlichkeit gelangen* ('herantreten'); *an das Obergericht gelangen* ('appellieren').

Специфически швейцарским является диалектное по происхождению выражение *jmdm. zu Sinn (z'Sinn) kommen* ('*in den Sinn kommen, daran denken, einfallen*°'). Cp.: ... und als sie das hinzugekommene Fleisch und die Hamme sah, war sie ganz verwundert und sagte: das hätte sie nicht geglaubt, daß das **eim z' Sinn käme** /5/.

Своеобразно в данном случае употребление предлога *zu*, частое использование которого в конструкциях этого типа обращает на себя особое внимание. Cp.: *zu armen Tagen kommen* ('*verarmen, arm werden*'); *zu Haus sein* (необычна смысловая интерпретация этого выражения: '*Haus mietweise bewohnen, in Miete sein*'); *zu Nacht (z' Nacht) vorkommen* ('*träumen*'); *etwas z' Wort haben* ('*etwas zu sagen haben*'). Cp.: *Und als die Mannschaft aus dem Dörfchen war, hielt das Weibervolk Rat, was sie wohl **z Wort haben** konnten, um auch auf dem Kampfplatz zu erscheinen oder wenigstens von weitem zuzusehen* /6/.

Выявленные аналитические конструкции можно сгруппировать в зависимости от общности составляющих их компонентов в так называемые коммуникационные ряды (*Kommunikationsreihen* /7/) и рассматривать их как продолжение однотипных общенемецких конструкций, применение которых ограничено пределами германошвейцарской языковой общности. Примером такого швейцарского фрагмента коммуникационного ряда могут служить

словосочетания, состоящие из глагола *gehen* и предложной группы с предлогом *zu*, который поддерживает структурное единство данных конструкций: *zu Berg gehen* ('in die Berge, auf die Alpen gehen'); *zur Urne gehen, zum Stimmen gehen* ('bei einer Abstimmung mitwirken'); *zu Licht gehen* ('abends bei Licht einen Besuch machen'); *zu Stubeten, zu Dorf gehen* ('am Tag einen Besuch machen'); *zu Kilt gehen* ('nachts die Geliebte besuchen'); *zur Multschaft gehen* ('mit allerlei Lärminstrumenten, unter Anderem mit einer Mulde, an einer Hochzeit ein Chari-vari bringen').

Однородностью формы, значения, функции и сферы употребления характеризуется ряд устойчивых словесных комплексов, которые используются для наименования процессов, связанных с питанием в течение дня, и отличаются от соответствующих обозначений, принятых в литературном немецком стандарте. В рассказах Ф. Глаузера, например, находим: ... so bat er Magde mit ihm zusammen **zu Nacht zu essen** /8/. (ср. нем. *zu Abend essen*); ... er ... begab sich *zuletzt* in Buffet, allwo er *z'Morgen aß* /9/ (*zu Morgen essen* = *frühstück*).

Вместо компонента *essen* часто используется глагол *nehmen*, образующий коммуникационный ряд: *z'Nüni nehmen* (*z'Nüni* = das zweite Frühstück auf dem Lande, gewöhnlich bestehend aus Brot mit Wein, Most); *Zimbis* (*z'Imbis*) nehmen ('Imbiß nachmittags'); *Zvieri* (*h'Vieri, Z'Vieri*) nehmen (*Zvieri* = Vesperbrot um 4 Uhr); *Zabig* (*z'Abig*) nehmen ('das Abendessen zu sich nehmen'). Cp.: *Dort hat es eine feine Patisserie und eine große Gartenwirtschaft. Dort gehen wir hin und nehmen Zvieri* /10/.

2) Сочетание глагола с прямым дополнением

В конструкциях этого типа основу расхождений между швейцарским национальным вариантом немецкого языка и немецким стандартом составляют субстантивные компоненты, которые несут основную семантическую нагрузку. По отношению к своим общенемецким соответствиям специфически швейцарские элементы могут быть:

— лексико-семантическими аналогами:

нем.	швейц.
Vorkehrungen treffen	Vorkehr(en) treffen
jmdm. seine Aufwartung machen	jmdm. seine Aufwart machen
mit jmdm. Erbarmen haben	mit jmdm. Verbärmnis haben

Cp.: ... sowie **die Vorkehren**, die im Hinblick auf die politische Zukunft des Juras **getroffen werden sollten** /11/.

— лексико-семантическими дивергентами:

— eine Ansprache halten	— eine Anrede halten
hart arbeiten	einen Kampf haben

— лексико-словообразовательными гельвецизмами:

allein sprechen	das Alleinwort führen
ein geselliges Beisammensein	einen Hock haben
haben	

В Швейцарии сохранилось общенемецкое в прошлом выражение, относящееся к официально-деловой сфере употребления, *Umgang nehmen* (*von einer Bestrafung*) ('*Abstand nehmen*').

Особенности парламентской системы в Швейцарии находят отражение в частом использовании существительного *die Urne* в значении '*Abstimmungs-, Wahl(lokal)*', в том числе в составе устойчивого словосочетания *Urnen aufstellen* ('*Wahllokale einrichten oder öffnen*'). Данное швейцарски детерминированное значение существительного является переносным от общенемецкого '*Behälter für Stimm- und Wahlzettel*'. Ср. также *Befragung durch die Urne, Offenhalten der Urne, an der Urne abstimmen (verwerfen); an die Urne treten*.

Среди выявленных устойчивых словосочетаний аналитического типа можно выделить небольшую группу выражений, связанных с коммуникативными формулами приветствия и прощания и объединенных употреблением глагола *sagen*, например: *Gutentag sagen; Gut(e)-nacht sagen*. Основу этих конструкций составляют сложные существительные, образованные путем сращения атрибутивной группы и выполняющие в составе устойчивого словесного комплекса функцию прямого дополнения.

Аналогичный способ формирования наблюдается в словосочетании *Grüßeuch sagen* (в диалектном оформлении *Grüezi sage*). Приводя этот пример, а также выражения *en Laärt machen* ('*larmen*'), *en Lätsch mache* ('*schmollen*'), швейцарские лингвисты делают вывод о том, что диалекты на территории Швейцарии часто применяют аналитические глагольные образования (*Streckformen*) там, где литературный немецкий стандарт использует простые глаголы /12/.

В данном структурном типе устойчивых аналитических глагольных соединений также можно выделить коммуникационные ряды, являющиеся швейцарски маркированными дополнениями соответствующих рядов собственно немецких аналогичных конструкций, например, коммуникационный ряд с глаголом *nehmen*: *Vormerk nehmen* ('*Kenntnis nehmen*'); *Einsitz nehmen* ('*einsetzen*'); *Bedacht nehmen* ('*bedacht sein*'); *Umgang nehmen* ('*Abstand nehmen*'); коммуникационный ряд с глаголом *geben*: *Wegleitung geben* ('*Anweisung geben*'); *die Stimme geben* ('*stimmen, wählen*'); *Sorge geben* ('*sorgen, sich kümmern*'); *B(e)richt geben* ('*berichten, erzählen*'); *ein Müntschi geben* ('*küssen*'); коммуникационный ряд с глаголом *machen*: *jmdm. seine Aufwart machen* ('*einen förmlichen Besuch abstatten*'); *den Markt (Märit) machen* ('*auf den Markt gehen*'); *Duzis machen* ('*duzen*'); *Schmützli machen* ('*küssen*'); *Kommissionen machen* ('*einkaufen*'). Ср.:

«... und vielleicht könnten Sie ein bißchen **Sorge** geben» /13/. Man habe das schon im Dorfe versucht, damit man die Schuld auf die Dorfbuben werfen könnte. Aber sie wissen nicht recht, wie es gegangen, und niemand könne rechten **Bericht** geben /14/. «Ich bin über dich nicht böse gewesen», sagte Vreneli. «So gib mir ein **Müntschi**, du hast mir noch keins gegeben», entgegnete Uli und bog sich herab /15/. Den ganzen Morgen war er gemütlich, machte **Kommissionen** und machte die Treppe, alles... /16/.

В некоторых конструкциях данного структурного типа прослеживается воздействие иноязычных лексических элементов. Французским влиянием можно объяснить употребительность в швейцарском ареале распространения немецкого языка существительного *die Motion*, имеющего значение 'Antrag in einer Versammlung' и образующего следующий коммуникационный ряд: *eine Motion einbringen, stellen, entgegennehmen, begründen, ablehnen* и т. д.

Частотность употребления в произведениях германошвейцарской литературы обнаруживает выражение *Visite machen* ('besuchen'), которое содержит компонент латинороманского происхождения в несколько отличном от немецкого стандарта, расширенном, осмыслиении (ср. нем. *Visite* = 'Besuch zwecks Untersuchung'; франц. *visite* = Besuch, Krankenbesuch des Arztes). Ср.: *Er wird ja bestimmt Visite machen*, sagte sie sanft /17/.

Швейцарский лингвист Р. Шиллинг, приводя примеры так называемых галлизмов (*Gallizismen*), упоминает конструкцию *die Honneurs machen* ('Ehrenbezeigungen erweisen'), известную также в собственно немецком ареале, но характеризующуюся в Швейцарии повышенной частотностью. В данном случае можно проследить действие аналогии с французским словосочетанием *faire les honneurs* /18/.

Влияние английского языка наблюдается в образовании и употреблении в германошвейцарской письменной и устной речи устойчивой конструкции *einen Gump nehmen* в значении 'springen'. (ср. англ. *jmp* = прыжок, но: *to take a jmp* = подняться в цене).

Таким образом, обнаруженные в национально отмеченных текстах различного характера своеобразные аналитические глагольные конструкции принадлежат к двум основным морфологическим типам, предлагаемым для немецкого языка /7/. Эти словосочетания базируются преимущественно на общем немецком лексическом материале, лишь в немногих случаях подвергшемся дивергентным процессам в отношении семантики и морфемной структуры. Немецкие лексические единицы образуют необычные для литературного стандарта устойчивые сцепления. При наличии общего глагольного или именного компонента сходные по структуре швейцарские маркированные аналитические конструкции могут объединяться в так называемые коммуникационные ряды.

ПРИМЕЧАНИЯ

- /1/ Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache.— Moskau: Verlag «Hochschule», 1975, S. 233.
- /2/ Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung.— Schriften zur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Nr. 7, Berlin, 1963, S. 81.
- /3/ Heer J. C. Tobias Heider.— München; Zürich: Driemerischer Verlag, 1957, S. 63.
- /4/ Burger H., Buhofer A., Sialm A. u. a. Handbuch der Phraseologie.— Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982, S. 89.
- /5/ Gotthelf J. Wie Uli der Knecht glücklich wird.— In: Gotthelfs Werke in zwei Bänden. 3. Auflage.— Berlin; Weimar: Aufbau Verlag, 1982. Bd. 2, S. 22.
- /6/ Там же, с. 57.
- /7/ Helbig G. Probleme der Beschreibung von Funktionsverbgefügen im Deutschen.— Deutsch als Fremdsprache, 1979, H 5, S. 273—285.
- /8/ Glauser F. Der Tee der drei alten Damen.— In: Gesammelte Werke. Hrsg. von Hugo Leber in 3 Bd. Zürich: Die Arche, 1969—1970, Bd. 3, S. 26.
- /9/ Glauser F. Die Fieberkurve.— In: Gesammelte Werke. Bd. 2, S. 317.
- /10/ Schneider H. Die Schlummermutter.— In: Schweiz heute. Ein Lesebuch. 2. Auflage. Berlin, 1977, S. 125.
- /11/ Neue Zürcher Zeitung, 27 XI 1968.
- /12/ Burger H. u. a. Handbuch für Phraseologie, S. 275.
- /13/ — minu. Basler Mimpfeli.— Basel: Bücherverlag Basler Zeitung, 1980. Bd. 8, S. 6.
- /14/ Gotthelf J. Wie Uli der Knecht glücklich wird, S. 172.
- /15/ Там же, с. 327.
- /16/ Schneider H. Die Schlummermutter, S. 159.
- /17/ Diggelman W. M. Ich und mein Dorf. Ein Tagebuch in Geschichten.— Berlin: Verlag Volk und Welt, 1974, S. 56.
- /18/ Schilling R. Romanische Elemente im Schweizerhochdeutschen.— Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut Dudenverlag, 1970, S. 80.

СОДЕРЖАНИЕ

Арнольд И. В. Функции коннотативных компонентов значений слов в поэтическом тексте	3
Бокий О. В. Лингвистические маркеры пародии (на материале стихотворных пародий Л. Кэрролла)	9
Двинская В. Т. Влияние уровневых взаимодействий в диахронии на развитие номинализации немецкого предложения (на материале предложного атрибута с von в древне- и средневерхненемецкий периоды)	14
Иванова Г. М. Семантика звукового художественного образа в поэтическом тексте (на материале стихотворения У. Х. Одена «Морской пейзаж»)	19
Киселева Р. А. Лейтмотивные слова в семантической структуре текста	25
Косарева В. А. Семантическая структура вопросительно-отрицательных предложений	30
Михайлова З. Ф. Инфинитивная конструкция им zu в структуре простого предложения	35
Николаева Л. М. Взаимодействие лексической и грамматической семантики в выражении временного плана предложения (на материале современного немецкого языка)	40
Панарина В. Г. К вопросу об эксплицитных способах и средствах взаимосвязи композиции и семантической структуры художественного прозаического текста	45
Полянский С. М. Логико-семантические и коммуникативные аспекты функционирования перфектных форм в моносубъектных полипредикативных высказываниях (на материале немецкого языка)	49
Романовская Л. В. Семантические особенности псевдоусловных предложений	56
Рябкова Л. Ф. Структурно-семантические особенности предложения в текстах газетных объявлений (на материале немецкоязычной прессы)	60
Семенихина Г. И. Об одном виде функционально-семантической транспозиции вопросительного предложения в английской разговорной речи)	66
Семихина И. А. К вопросу о семантике инфинитивных предложений в современном немецком языке	70
Смирнова Т. Ю. Влияние синтаксической позиции, занимаемой процессуальным существительным в предложении, на его модальность	74
Ярцева Е. Б. Об одной функции повторной номинации в художественном тексте	79
Фомина Г. А. Референциальная структура текста	87
Худницкий В. С. Проявления спонтанности диалектной речи в структуре предложения	94
Чистоногова Л. К. Семантическая функция ритма в художественной прозе (на материале романа Р. П. Уоррена «Вся королевская рать»)	100
Еленевская М. Н. Каузальность в афористических высказываниях	105
Сафьянова И. В. Семантика наименований птиц в поэтическом тексте	109
Елизарова Г. В. Влияние структурно-семантических особенностей главной части на коммуникативное значение предложений типа It is hoped that he will come	116
	147

Б а р а н о в К. Ф. Отражение паралингвистических элементов в авторских ремарках (на материале современной английской драматургии)	121
А д а н а к о в а В. И. Явления импликации в художественном тексте, обусловленные паралингвизмами	125
Ч а п т ы к о в а А. А. Прагматическая характеристика метакоммуникативных высказываний английской разговорной речи	130
К о к а н и н а Л. Б. Структурное и семантическое своеобразие лексических единств в составе германошвейцарского текста	136
К о к а н и н а Л. Б. Специфически швейцарские устойчивые аналитические глагольные сочетания как фактор национального своеобразия немецкоязычного текста	141